

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:

141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:

8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

 ПРОЗА

Владимир КРУПИН
Такая вот музыка.....4

Николай БЕРЕЗОВСКИЙ
Отец скажет, когда встретимся.....54

Игорь УДАЧИН
Хроники Чёрного Глаза60

Светлана ЗАМЛЕЛОВА
Катя Варенцова98

Илья КРИШТУЛ
Юморески109

Алла СИНЬКОВСКАЯ
Подарок120

Елена ГНИТЕЕВА
Международный пассажирский лифт.....126

Матвей ТУКАЛЕВСКИЙ
Хохма134

Павел САВИЛОВ
Аригато162

Василий КУЗНЕЦОВ
Радость жизни.....176

 ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА
«Веков священный труд...»18

Магомед АХМЕДОВ
«Всевышний дал мне дар...»31

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЬ**
№2(16) 2015

Выходит четыре раза в год

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЬ»

Подписано в печать 08.07.15.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 4986.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Юрий БОГДАНОВ Святой венец Руси.....	70
Сергей КАЛУГИН «Когда былое не ушло...».....	94
Светлана ГОРОШИЛОВА Корни. Поэма.....	106
Сергей КОБЕЛЕВ «Сердце русское как восковая свеча...».....	123
Нина ГОЛОВАНОВА «Радовались дорогой Победе...».....	131
Татьяна СКОРИКОВА «А Муза дерзкая писала нерукотворные холсты...».....	158
Анатолий УВАРОВ Горы. Заметки поэта (из тетрадей разных лет).....	167

ПЕСНИ СЛАВЯНСТВА

Панко АНЧЕВ Страдание как жизнь вне общественной справедливости.....	27
--	----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Юрий ЯХОНТОВ Русская государственность до Киевской Руси.....	84
Ольга АЛФЁРОВА Из истории военного мундира.....	150
Василий ПОЛЯКОВ Хайдар-ака.....	179

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Год семидесятилетия Великой Победы заставляет всех нас, россиян, ещё раз внимательно всмотреться в прошлое и, с точки зрения сегодняшнего дня, ещё раз увидеть и осмыслить то, к чему мы пришли. Завоевания Великой Победы – Победы, которой мы по праву гордимся, во многом оказались утрачены – преданы и проболтаны в безумные 80-е и тупо распроданы в лихие 90-е. Великая советская держава, сломавшая хребет кровавому хищнику XX века – германскому фашизму – распалась на «независимые» государства, некоторые из которых сегодня в открытую действуют заодно с нашим извечным врагом – агрессивным, алчным и беспощадным Западом. Наши общенародные, не всегда бескорыстные иллюзии и благодущие, овладевший широкими массами мировоззренческий конформизм – всё это привело в тому положению, в котором мы находимся сейчас. Ситуация, сложившаяся в связи с Украиной и возвращением Крыма, наконец открыла для правящих кругов то, что давно уже было ясно всем, кто находил в себе силы честно смотреть на происходящее. В своих притязаниях на то, чтобы поставить Россию на колени, Запад не уступит ни на йоту и, как показывает жизнь, не остановится ни перед какой низостью и подлостью. Жизнь выявила беспощадную истину: быть патриотом и при этом оставаться частью мировой элиты – невозможно; рано или поздно придётся делать выбор. И, похоже, для многих час выбора приблизился. Каждое проявление компромисса и доброй воли воспринимается нашими западными «партнёрами» как проявление слабости.

Журнал «Великороссъ» безоговорочно поддерживает идею нерушимой целостности русского мира. Вернувшийся в состав России Крым – это путеводная звезда для русского народа в смутном и неопределённом будущем. Это событие является для России поистине эпохальным, и оно неизбежно должно найти отражение в художественных произведениях современных российских поэтов и прозаиков... В этом номере вы, как и всегда, найдёте много интересных материалов, отражающих современный российский литературный процесс и общественно-политическую жизнь.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2015
© Авторы, 2015

Такая вот музыка...

Балалайка

Жителей в деревне осталось трое: старик Авдей и две старухи – Афанасья и Явлинья Ваниха. Самая худая избёнка у Авдея. Ограда у него, по его выражению, до Петрограда ветру рада, то есть нет никакой. Явлинья Ваниха всех старше и всё время собирается умирать. Зрение у неё совсем никуда, даже солнышка она почти не видит, а чувствует по теплу. Вот и сейчас она выползла на улицу, сидит на брёвнышке, старается угадать, который час.

Подходит Афанасья. Она явно с похмелья, но где и как сумела вчера выпить – это тайна, и эту тайну Афанасья унесёт в могилу. Обе старухи глуховаты.

– Козлуху мою не видела? – кричит Афанасья.

– Погляди-ко, сонче-то высоко ле? – кричит в ответ Явлинья.

– Тварь мою рогатую, говорю, че видала? – кричит Афанасья. У неё нет сил посмотреть на небо.

– Как я увижу? – кричит Явлинья. – Сама с утра свинью ищу.

Они молча сидят, потом заключают о свинье и козе, что много им чести, чтоб их искать, что захотят жрать – придут, а не придут, туда и дорога, пусть дичают, пусть их волки оприходуют, да они такие, что ими и волки побрезгуют, пусть сами подышают. А и пусть подышают, пусть. Много ли Явлинье и Афанасье нужно, ничего не нужно, покой только и нужен.

– Мне дак уж вечный, – уточняет Явлинья.

– Авдея-то не было с утра? – кричит Афанасья.

– И с вечера не было.

– Зови. Пусть «синтетюриху» играет.

«Синтетюриха» – это вятская разновидность «Камаринской».

– Сама зови, чать, помоложе.

Владимир КРУПИН

Владимир Николаевич Крупин – родился 7 сентября 1941 г. в селе Кильмезь Кировской области. Сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях. Автор более 30 книг. Сопредседатель правления Союза писателей России. Живёт в Москве.

Афанасья идёт за Авдеем. Стучит в его окно и восклицает:

– Эх, балалайка, балалайка, балалайка лакова! До чего же ты доводишь – села и заплакала. Авдей, золотко, живой? Выходи, дитятко!

Авдей появляется на крыльце. Без балалайки, с маленьким приёмником.

– Ой! – изумляется Афанасья, – лопотина-то на-те сколь баска!

– Афанасья, – сурово говорит Авдей. – Кур укороти, а то я их оконтужу. Боле они у тя воровасты.

Чьи куры в деревне, это настолько давно и прочно перепутано, что Авдей не может этого не знать, но у Афанасьи нет сил напоминать это соседу. На все его выговоры она поддакивает.

– Эдак, эдак. – И, выждав момент, просит. – Авдей, не дай умереть!

– Я. Афанасья, ты знаешь, питьё. которое не горит, не пью. Чтоб синим пламенем пылало, меня так. А такого пока нет, терпи. А пока терпишь, за это время и выживешь.

– Козлухи моей не видал? Нет? Да хоть бы и подохла, кырлага! Тарлаюсь с ней, давеча утром доила, паздернула, молоко разлила по всему двору, чище печки землю выбелила. Авдей, кабы ты её счинохвостила, я б тебе всё вчёрношню отдала.

Слово «паздернула» у Афанасьи означает многое – выпивку («бутылку паздернула») и движение («паздернула, тварь шерстяная, со двора»), слово «счинохвостила» тут означает поимку козы, а «вчёрношню» вечерный удой. «Тарлаюсь» в данном контексте – мучаюсь.

– Так чего без балалайки?

– А это чем не музыка? – Авдей прибавляет громкости в приёмнике. – Слушай, а то начнется война – и не узнаем.

– Начнётся, дак не обойдёт, – отвечает Афанасья. – Как в эту-то войну, перед войной без радио жили, а сто мужиков было, и нет. Эх, сосед, сосед, кто умер, сказано, – тот счастливый, а кто живёт – будет мучиться. Вот смотри: то рак, то дурак.

– Явлинка! – кричит Афанасья. – Давай плясать! Ух! «Синтетюриха телегу продала, на телегу балалайку завела». Авдей!

Авдея долго уговаривать не надо, он меняет приёмник на балалайку, садится на брёвнышко, подтягивает струны.

Пёс Дукат, который дремал до поры, не любит Авдеевой музыки, просыпается и уходит. Дукат – жулик и вор. И ярко выраженный индивидуалист. Были в деревне ещё две собаки – сучки, которых курящий Авдей назвал, как и Дуката, именами табачных предприятий – Ява и Фабрика Урицкого. Но и Фабрику, и Яву Дукат выжил систематической травлей, и их не видать с весны. Одному Дукату вольготно в деревне, от кого её охранять? А общие курицы несутся по всем закоулкам, это нравится Дукату. Поэтому, может быть, он сейчас не от балалайки уходит, а пошёл обедать.

Явлинья шевелится на брёвнышке и, как подсолнух, поворачивается на тепло солнца. Авдей повторяет первые строки без музыки, устраивая балалайку на коленях, потом начинает тренькать:

– Приведите мене Ванькю-игрока да посадите в куть на лавоцьку, дайте в руки балалаецьку, станет Ванькя наигрывать, «Синтетюриху» наплясывати, старым косточкам потряхивати...

Афанасья переступает на одном месте, поднимает и опускает под музыку плечи, поводит руками.

– Мне уж только для ушей музыка осталась, – кричит Явлинья, – а тебе, Афанасья, ещё и для ног! Ой, Авдей, ты заиграешь, дак я лучше слышу и разглядеть свет могу, ой! «Синтетюриха плясала на высоких каблуках! накопила много сала на боках, да!»

Авдей тут же включается:

– Надо сало-то отясывати, на реку идти споласкивати...

– На реке-то баня топичча, – частит Афанасья, – в баню милый мой торопичча. Ой, не помычча, не попаричча, золотая рыбка жаричча. В золотой-то рыбке косточки, хороши наши подросточки, двадцати пяти годовеньки, восемнадцати молоденьки...

Авдей замедляет плясовой размер:

– Да расщепалася рябина над водой...

Старухи подхватывают:

– Да раскуражился детина надо мной. Это что за кураженьице? Милый любит уваженьице. Уважать не научилася, провожать не подрядилася, провожу я поле всё, поле всё, расскажу я горе всё, горе всё. Одно горюшко не высказала, за всю жизнь его я выстрадала, ой!

На этом «ой» плясовая заканчивается. Авдей начинает нащипывать мелодию на слова, «тень-тень, по-тетень, выше города плетень», но тут случается событие, и событие нерядовое, – к ним подбегает маленький щенок с костью в зубах и начинает играть у их ног. Старики потрясены:

– Откуда взялся? Откуда?

– Это ведь от Явы, – решает Афанасья. – Срыжа.

– Нет, от Фабрики Урицкого, – утверждает Авдей.

Явлинья просит щенка в руки и долго щупает его, а в конце заключает, что это, конечно, Дукатов.

– А откуда такая кость? – спрашивает Авдей. – Вы, соседки, если собак мясом кормите, так мне хоть средка через забор кидайте,

Но появление щенка не последнее событие в этот день. Из-за брёвен, громко кудахтая, выходит пёстрая курица. С ней ровно десять, считает Авдей, цыплят. Это второе потрясение. Как это курица сумела тайком от них и от Дуката выпарить цыплят, непонятно. Да и чья это курица? Решают, что общая, делят на будущее каждому по три цыплёнка. Одного оставляют общим, на случай гибели.

– Тащи тогда патефон! – приказывает Афанасья. Авдей идёт за патефоном. Этот патефон – загадка для старух, особенно для Явлиньи. Она вообще против любых нововведений. Не дала проводить в свою избу электричество, говоря: «Это бесы, бесы», – не ходит из-за электричества к соседям. «Задуете, дак приду», – говорит она об электролампочке. Слушая патефон, она дивится и верит Авдею, что внутри патефона сидят маленькие мужики и бабы и поют. «А ребятёнки-то хоть есть ли у них?» – спрашивает она. «Как нету, есть», – отвечает Авдей. «А чего едят?» – «Кило пряников в день искрашиваю. И вина подаю, а то не поют».

Авдей выносит патефон, ставит на широкую сосновую тюльку. Крутит заводную патефонную ручку.

– А вот, товарищи соседи, чего будет, если завтра солнце не взойдёт?

– Залезем на печь и не заметим, – решает Явлинья.

– Ну-ка, чего не надо не лёпай, – сердится Афанасья, – у меня и так башка трещит, а ты умные вопросы задаёшь.

Играет патефон. Но больше слушают не его, а смотрят на щенка и на курицу с цыплятами. Скоро Авдей в который раз рассказывает, как он обхитрил участкового.

До сих пор Авдей не знает, кто же сообщил участковому о его бочке. А жить в одной деревне и думать, что кто-то из соседей тебя предал, тяжело. Поэтому Авдей решил думать, что участковый сам приехал. В огромной бочке был запарен и бродил первичный суррогат будущего зелья. Скрыть его было невозможно. Но ведь додумался Авдей! Увидев участкового в окно, он мгновенно разделся и запрыгнул в бочку, объяснив это тем, что лечит ревматизм. Талант к розыгрышам у Авдея появился поневоле. Например, после войны, когда он жил ещё с семьёй, выездная сессия насчитала на него за недоимки по налогам шесть пудов ячменя. «Ой, спасибо, товарищи, – закричал Авдей, – ой, побегу, запрягу, ой, на всю зиму хватит!» Ему втолковывали, что это не ему присудили, а с него, но Авдей, благодаря и кланяясь, повторял, что шести пудов ему хватит ещё и на посев.

Когда к нему явилась комиссия во главе с уполминзагом (было такое министерство заготовок, были такие его уполномоченные), Авдей объявил, что знахарка насильно передала ему чёрное колдовство, стал кататься по полу, кричать, что его корчит. «Ой, на кого бы пересадить?» – кричал он. Комиссия отступилась.

Солнышко передвигается по небу. Явлинья вновь поворачивается за ним. Откуда-то возвращается сама и щиплет на дороге улицы траву коза Афанасья. Находится и Явлиньин поросёнок. Он неутомимо роет непонятно зачем глубокую канаву. Дукат, облизываясь, как-то боком идёт от забора и ложится вновь спать. Неугомонный сын его всё грызёт и грызёт белую косточку. Курица разгребает тёплый песок и всё никак не может уместиться полежать. Цыплята лепятся к ней.

Старики говорят о зиме, о дровах.

Время горячей спички

В отрочестве и юности бывают такие безотрадные дни, когда хочется умереть. Тебя никто не понимает, не любит, а я-то такой хороший, вот умру, вот будете знать, кого потеряли. Вот уж поплачете, а я, гордый и красивый, поплыву в последней жизненной лодке, в деревянном гробу в сторону заката.

Нет, говорю я сейчас себе, тому давнему юноше, надо жить долго. Долго, чтобы понять, что жизнь мимолетна и что сравнение её с горячей спичкой рядом с сиянием солнца очень верное. Время горячей спички – вот наша жизнь, а солнце – это вечность, которая суждена нашей душе. Нынче эта солнечная вечность заявила о себе такой жарой, таким пожигающим всё живое зноем, что стало всем понятно, от президентов до сторожей: мы ничто перед волей Божией. И хотя учёные стали торопливо валить всё на аномальные явления, хотя политики стали изображать заботу о людях и обещать много чего, жара воцарилась как справедливое наказание за наши грехи, и как раз в дни её владычества я и приехал в родное вятское село, называемое теперь посёлком.

В моей родине есть такая сердечная магнитность, что не надо и причин, чтобы ехать сюда. Но была ещё и особая причина – исполнялось ровно

пятьдесят лет с той поры, как меня увезли отсюда. Из села, самого лучшего на всём белом свете. Да, поверьте, ибо за полвека я успел походить, поездить, поколесить, полетать, поплавать по пространствам планеты и мог всё со всем сравнивать.

Полвека. Никто тогда не спросил, хочу ли я уезжать, меня просто призывали в славные ряды защитников Отечества. Наголо остригли, привезли на сборный пункт, а там шагом марш в товарный вагон.

И – жизнь прошла. Видимо, и не могла пройти иначе. Мы, в отличие от нынешней молодёжи, не выбирали судьбу, она выбирала нас. Мы не искали в жизни выгоды, жили по потребностям Отечества.

Так вот, полвека. И отлично осознаю, что прожил бы их как-то иначе, если бы все эти годы не жила в моём сердце Кильмезь. Её красота, её люди, её труды, её уроки. Здесь была прожита первая полнота чувств, и такая полнота, силы которой потом я уже не испытал. Эти влюблённости до того, что сердце колотилось в горле, эти обиды до горьких одиноких слёз, это ликование совместных трудов на сенокосе, на воскресниках, эти восторги летних купаний и зимних полётов на лыжах с крутых гор, что в московской жизни могло всё это заменить?

Вообще, в мире ничего не меняется со дня сотворения его. Человек тот же, как и прародитель Адам, да и истории у человечества нет, только одно – мы или приближаемся к Богу или удаляемся от Него. В годы, когда нас насильно удаляли от Бога, даже казалось, что мы вырастаем без Него, но кто же спас Россию, как не Господь? Других защитников у России нет. Кто нас хранил в дни войны, голода, лишений, сиротства?

В то раннее утро перед отправкой в армию, когда я пошёл прощаться с селом, было попохладнее, но всё было то же: земля, река, небо, наше кладбище, на котором уже тогда были могилки дедушки и бабушки. Прощёл по тем улицам, где жили друзья и подруги. Их уже и не было в селе, все где-то или учились, или работали. Безхозно и сиротливо белела около Дома культуры, оккупировавшего здание церкви, танцплощадка и летний кинотеатр. Поднимая пыль, растянувшись на сотни метров, брело стадо коров. Из репродуктора на столбе, напротив библиотеки, передавалась бодрая утренняя зарядка, и, будто под её команду, энергично хлопал длинный пастушеский бич.

Обветшала и обречена на снос библиотека, обрушились школьные здания, не идёт утром и вечером по улице такое огромное стадо, сгорели и исчезли многие дома, знакомые с детства. Но память моя, как вообще наша память, сильнее пожаров и тления. Нет дома на углу Троицкой и Школьной, а я помню, как он горел, как мы его тушили. Но если исчезали дома, не умирала Кильмезь, целые улицы и переулки появлялись, например, на месте аэродрома и кирпичного завода, и на полях колхоза «Коммунар» в сторону Троицкого. Так что я много счастливее тех, кто приезжает к местам детства, на которых пустыри и следы пожарищ.

За ночь затянуло дымом небо, но это даже принесло облегчение, ибо солнечные палящие лучи теряли в дымных облаках свою жгучесть. Я пришёл на кладбище, где ждали меня милые мои дедушка и бабушка. Могилки их заросли хвощом, уже пожелтевшим, золотистым, и ещё изумрудной красоты добавляли иголки, осыпавшиеся с широких елей. Вот где отраднo думалось о краткости жизни. Не дивно ли – мгновение назад стоял над свежесрытыми могилами, а вот, уже старик, и сам думаю о своей.

Признаюсь, были в жизни моменты, когда я завидовал умершим, и отлично понимаю отца, сказавшего перед кончиной: «Слава Богу, умираю, не увижу, до какого срама Россия дойдёт. А уж до какого дошла». Теперь, отец, она ещё до большего дошла. Но жива. И жить будет. Эта уверенность крепнет во мне. Ещё бы: я так много жил, помню Отечественную войну, прожил фактически несколько эпох, смену правительств, идеологий, денежных систем, для любой страны такие встряски были бы губительны, Россия выжила. А ведь все в мире против России. Её не смогли победить в войну, когда не только Германия, вся Европа убивала нас. Как убивает и сейчас. Тогда убивали тело, сейчас душу. Сейчас тоже идёт Отечественная война, война света с тьмой. Всё мракобесие мира накинuloсь на Россию, навязывает ей дикие нормы поведения, развращает молодёжь, учит цинизму, восстанавливает детей против родителей, опoшляет чистоту отношений, издевается над всем святым...

Я пошёл к реке детства. Заставлял себя думать о хорошем. Здесь была кузница, там, направо, в логе, чистейшие холодные родники, тут, у моста, лесопилка, дальше по берегу опять родники. И мы пили из каждого. Это же на всю жизнь. Сколько красной и чёрной смородины, ежевики. А за рекой нескончаемые поляны клубники. А в сосновых лесах рыжики, земляника. Мера радостей жизни была мне отпущена преизлишняя. Но не только же Божии дары природы мы вспоминаем из безоблачной поры детства. Ведь главным в родине была та любовь, в которой мы выросли. И тот труд, который вырабатывал нас. Мы рвались к работе, мы с детства старались ухватиться за взрослые инструменты. И позднее, когда приезжали в отпуск из армии и на студенческие каникулы, конечно, прежде всего мы старались чем-то помочь. Труд был радостью.

В одном месте решил спрямить дорогу, я помнил, что была тропинка меж огородов. Во дворе играли дети, крутилась лохматая собака и сидела старуха, их наблюдавшая. Я поздоровался.

– Могу тут я пройти напрямую?

– Можно, можно, как не можно.

– А ваша собачка не тронет.

– Да что ты, что ты, она у нас такая ли ласкуша.

Я и пошёл напрямую. И тут собака кинулась на меня, да так яростно и злобно захрипела и залаяла, и прыгала, что я стал отступать и нагибался, притворяясь, что хватаю с земли камень или палку. Дети подбежали к собаке, стали её оттащить, старуха стала раскачиваться на табурете, чтобы встать. Наконец собака умолкла.

– Хороша ласкуша, – сказал я, – чуть не сожрала.

– Нет-нет, она очень добрая, – заступилась за собаку старуха, – да ведь у ей сейчас ребёнки. А так-то наш, не наш, все идут.

Пошёл я дальше, убедаясь в том, что не все ещё собаки меня знают.

Жара после обеда превратилась в духоту. Я много ездил по странам Африки и Ближнего Востока, а там такие градусы – норма, поэтому российскую жару, тем более на родине, переносил легко. Шёл и вспоминал святителя Иоанна Златоуста, поставившего в прямую зависимость погоду и нравственное состояние людей. Текла израильская земля «молоком и мёдом», стала безжизненной иудейской пустыней. «Преложил Господь землю плодоносную в сласть от злобы живущих на ней», как говорит Писание. Так может случиться и с нами, если... Если что? Если не прекратится этот накат цинизма, похабного

юмора, вся эта бесовщина ненависти к России – самой целомудренной стране мира. Отчего погибли Содом и Гоморра, Карфаген, Помпея? От разврата жителей. Далеко ли нам до них?

На аллее, близ памятнику солдату, сидели печальные люди, пившие лимонад. Увидев меня, повеселели и сообщили, что обманывают милицию, которая не даёт распивать пиво в общественных местах, и они переливают пиво в замаскированную под лимонад ёмкость. Почему-то эти граждане полагали, что деньги в моих карманах также и их достояние. Но строго воспитанный отцом Александром, я сказал, что еды им куплю, а об остальном не мечтайте. Хотя магазин, куда со мной пошёл небритый человек средних лет, как раз назывался «Мечта». Человек сказал, что у него есть стихи о России. Я попросил прочитать. Он стеснялся. Тогда я выдрал листок из блокнота и попросил переписать хотя бы одно стихотворение. «А я пока куплю чего поесть, гонорар такой тебе». Вскоре мы обменялись. Я ему еду, он стихи. Дома их прочел.

«Эх, Россия-матушка, чего ты только видела. И, наверно, моря три горьких слез ты выпила. Эх, Россия-матушка, где же царь твой батюшка? Что стоишь-качаешься, пьяная, не каешься? Эх, Россия-матушка, похмельная головушка, протрезвись, взгляни кругом, чья же это кровушка? Не царя ли твоего, не за твою ли братию, кровь же к Богу вопиет, ты нажила проклятие. И пришла, Россия, ты к последнему порогу. С покаяньем припади на колени к Богу. В чём соборно ты клялась, в том соборно кайся, и на бой последний ты встань и поднимайся».

Пошёл его похвалить, но он уже, выменяв еду на спиртное, меня не узнал, вновь прося сумму на дополнительную поправку здоровья.

Жена звонила и говорила, что в Москве ужасы жары доходят до каждой квартиры. Не спасают и кондиционеры, так как прохлады из них полна запахов гари. «Да ещё этот асфальт».

Да уж, асфальт. Думаю, что все наши несчастья от этого асфальта. Родина его – Мёртвое море, оно так и называлось, Асфальтовым. Именно оно погребло развратников Содома и Гоморры. В словаре Даля приводится московское название асфальта – «жидовская мостовая». Асфальтом заливали тела покойников, и приспособились заливать землю. А земля никогда не умирает, и под асфальтом жива. Все мы видели, как весной появляются трещины на асфальте, это растения пробивают крышку своего надгробия. И трещины заливают, и новым асфальтом закатывают, и вроде побеждают растительную жизнь, но всё равно есть ощущение внутренней, загнанной в темницу жизни. Асфальт, его испарения, вызывают раковые заболевания. А в жару мы в городе только ими и дышим. А если бы снять корку асфальта с земли, как бы она вздохнула, как благодарил нас чистым воздухом и прохладой.

Но разве не так и Россия? С её единственностью, неповторимостью, она убивается, закатывается асфальтом чужебесия, иноземных нравов. Зачем нам их навязывают? Какая же это мировая цивилизация, которая одобряет гомосексуализм? Это-то и есть содомия, названная так по имени города Содом, провалившегося в Мёртвое море.

За посёлком, на проводах, я увидел стаи стрижей. Это редчайшее зрелище – сидящие, а не летающие стрижи. У нас их всегда было много. Небо моего детства покрыто крестиками стрижей. Это не ласточки, хотя они и похожи, и не ласточки-береговушки, которые исверлили все обрывы по берегам рек, это именно стрижи. Ловкие, лёгкие, красивые. Они не могут взлететь с земли, у них большой размах крылышек. Однажды в детстве я шёл в поле и увидел,

что стрижи кричат и летают стаей над одним местом. Я увидел птенца, уже большенького, но беспомощного. Он пицал и крутился на одном месте. Рядом был сарай. Я сразу решил, что надо птенца поднять на высоту, а там он взлетит. Но как? Поймать-то я его поймал и под рубашку посадил, но стрижем был непонятен мой порыв и они кричали, и пикировали. Да и птенец больно скрёбся под рубашкой. Я лез по углу сарая, боялся и, подбадривая себя, разговаривал с птенцом: «Хочешь жить, а? Хочешь, конечно. А как же?» Птенец царапался, подтверждая волю к жизни. Стрижи меня атаковали и с размаху тюкали в голову. Долезши до крыши, я ухватился одной рукой за её край, другой вытащил пищащего и бьющегося в руках птенца и посадил на замшелую поверхность. Потом сорвался на землю, вскочил и отбежал. Стрижи поняли мою им помощь и больше не нападали. А птенец вскоре полетел вместе со стаей.

Конечно, эти, сегодняшние, стрижи, были потомками именно того стрижонка. Весело и заслуженно я поздоровался с ними. «Помните своего предка? А тут и мои тоже».

А всё тот же, родина моя. Тот же босоногий мальчишка, любящий тебя уже только за то, что здесь появился на свет Божий. Так мне было суждено. Это только подумать: ни за что, просто по милости Божией мне была подарена такая родина. Такая река, такие леса и луга, такие люди. И за это счастье никогда не устану благодарить Бога.

Русская классика и народность – хранители нравственности

Всё против школьного учителя, всё. Говорит он ученикам о порядочности – телевизор славит подлецов, говорит он о чистоте и целомудрии – телевизор издевается над девственностью и учит спариваться, говорит учитель об истории Отечества как о школе жизни – телевизор поливает историю грязью. Всё святое, возвышенное покрывается хрюканьем и гогомом телевизионной бесовщины.

Да и только ли телевидение? Уже работает индустрия порнографии; разврат, пошлость и насилие в норме отношений меж людьми. Киноэкраны давно кровавого цвета. Страницы лаковых журналов не вылезают из постелей. На лотках бесчисленные издания об извращениях, садизме, колдовстве; словом, нет той мерзости, которая бы не выставляла сейчас себя на всеобщее обозрение.

Всё это заливает мутным потоком школу. Уже не под партой, а на партах появились всякие похабные издания и ведут себя как хозяева.

Давно ли мы были в ужасе от электронных игрушек – тамагочи? А потом ворвались покемоны, нечистые духи преисподней. Вот сейчас – Гарри Поттер, написанный... женщиной. Поттер – сын волшебников, ученик школы колдовства. Огромный вред книги в том, что зло показано как норма. Плюс ко всему этому изображение отвратительных сцен, что и пересказывать нельзя. Высасывание крови для обретения жизненных сил – это ещё не самое гнусное в книге. Тут и сатанинские ритуалы жертвоприношений, тут и одержимые демонами учителя школы... Издателей книги не остановили даже сообщения

о том, что дети, составляющие колдовские зелья по рецепту книги, получили отравления. Тиражи книги, убивающей душу, растут. И не надо быть пророком, чтобы предсказать, что Поттера сменит какой-либо супер-Поттер. Злу не положено предела.

Сейчас вот оккультные властелины преисподней накидывают на шею детям всё новые кольца выдуманного обезбоженного мира. Октябрьский переворот 17-го года был Божьей карой за грехи. А в чём главный грех человека? В том, что он начинает надеяться на себя больше, чем на Бога. На приход революции много поработали «прогрессивная» русская литература и особенно учителя. Созданный в начале XX века Всероссийский учительский союз делал всё для того, чтобы скорее полилась кровь в России.

Каким образом? Изгнанием из школы Церкви. Диву даёшься, читая протоколы заседаний учительских съездов. Сколько злобы в адрес священнослужителей; все делегаты (Прибалтики, Кавказа, Сибири, Средней Азии, Украины, коренной России – все!) за то, чтобы изгнать из школы предмет Закона Божия. За что изгнать? А ни за что, сами справимся. Мешают длиннополые вводить в Россию демократические свободы. Вот за что.

Учительский союз, подготовив чёрное дело измены России, престолу, Богу, спохватился в 17-м, запищав: «Ах, мы не этого хотели!» Его тут же и разогнали.

Долг нынешнего учительства – вернуть в школу Закон Божий и этим искупить грех учителей начала XX века. Церковь, как известно, была отделена большевиками от государства, а школа – от Церкви. Из всех предметов, которые раньше учили нравственности, остались история, география и литература. История была быстро переделана в угоду новой власти, география из предмета патриотического стала политической и экономической, осталась литература.

И вот с ней-то, с литературой, большевики до конца не справились. Конечно, Чернышевский, Добролюбов, Герцен, Писарев, Белинский стали определять направления умов. Конечно, Радищев учился наизусть, враги самодержавия – декабристы – превозносились, из Некрасова сделали революционера, даже Гоголя истолковывали социологически, Пушкин только и делал, что «горел свободой», Лермонтова славил за строчки о «немытой России», которых он не писал... Но произошло нечто неподвластное большевикам. Классика восстала против безбожия большевизма. Что могут сделать идеологи с рассказом «Живые мощи»? А со стихами «По небу полуночи ангел летел...», «У врат обители святой...», «Когда для смертного умолкнет шумный день...», «Бесы» (это пушкинское «Мчатся тучи, вьются тучи, невидимкою луна...»), а был же ещё и роман Достоевского «Бесы», запрещённый к изучению, отгороженный от вузов и школы (но если есть забор, то возникает и желание заглянуть за него), а что можно было сделать со строчками: «Затешила Богу свечку, затопила жарко печку...», или: «Я вошёл в хату, на стене ни одного образа – дурной знак...», или: «Скорей зажги свечу перед иконой...» А любимое детьми «Бородино» – «Когда б на то не Божья воля, не отдали б Москвы...» или из «Песни про царя Ивана Васильевича...»: «*И погнулся крест, и вдавился в грудь, как роса из-под него кровь закапала...*» А былины, в которых стояние богатырей за веру православную, служба князю Владимиру – Красное солнышко – главное.

Здесь цитаты настолько узнаваемы, что смешно давать ссылки. А сколько мест, где верность долгу, присяге, церковному обряду была нормой

жизненного поведения, а отклонение от неё было наказуемо. Гринёв присягал престолу и России и не может изменить присяге. И как страшно наказывается изменничество Швабрина, хотя и его жалеет автор, понимая, что не наш суд ждёт предателя, а Божий. Катерина в «Грозе», преступившая святость венца, не выдерживает тяжести преступления. И тут ни при чём «тёмное царство», и никакой она не «луч света» в нём.

Классика, берущая соки питания у Священного Писания, у летописей, былин, житийной литературы, народных песен, – вот кто спасал учителей и детей, а значит, Россию.

Теперь, как никогда, возможно именно так преподавать русскую классику, как порождение Церкви, как мостик между мирской жизнью и Богом. Но для этого нужна воцерковлённость прежде всего самих учителей. Без этого ничего не получится. А для начала хотя бы понимание, что без Бога Россия не возродится, что Господь это такая же реальность, как окружающий нас Божий мир.

А в мире растёт авторитет русской классики. И до того, что Россию изучают не по экономическим и политическим книгам, а по Достоевскому, Гончарову, Шолохову, Шмелёву.

Любящий свой предмет и учеников учитель – он уже проводник Божией любви. А если ещё вдобавок к преподаванию программы и совместным поездкам по святым местам он привьёт тягу к чтению житийной литературы, нет цены такому учителю. А если ещё будет возрождаться школьный театр, противостоящий пошлости эстрады, опять же с помощью классики, то счастливы воспитанники такого наставника.

Сейчас же просвещение и образование изгоняются из школы самым иезуитским способом. Якобы для приведения к единообразию введены госстандарты, экзамены по тестам, где надо только ставить галочки против нужной графы. От этого и знания улетают как галочки. Почему, спросим, сочинение было заменено примитивным изложением? Почему литература изгнана из обязательного экзамена?

Ответ один: министерство образования подрядилось делать из детей англоязычных биороботов, а государство с этим согласно. Значит, культурные, грамотные, масштабно мыслящие люди демократии не нужны, нужны налогоплательщики, называемые в дни выборов электоратом. А необразованный электорат легко обмануть.

Не было для нас на переломе годов ни прихода русской зимы, ни варваринских, ни николевских, ни рождественских, ни крещенских морозов, не заслужили. Правда, афанасьевские смилостивились. Святитель Иоанн Златоустый в проповеди сказал о прямой зависимости погоды и урожая от нравственности людей. Русская пословица говорит об этом предельно кратко и ясно: «Что в народе, то и в погоде».

Опять же народная мудрость во все времена объясняла беды и человека, и страны словами «Бога забыли, Бога не боятся». И что теперь в народе? Смута душевная и полное ощущение проживания в пространстве лжи, в постоянной болтовне о том, что демократия – это власть народа. Так в переводе с греческого. А на самом деле власть наживы, денег, разврата и всепоглощающей пошлости и вранья. Доказательства на каждом шагу. При опросе общественного мнения, названного референдумом, практически все люди высказались за сохранение Союза. И что? Союз вскоре был разрушен. За то, чтобы в паспорте сохранить графу *национальность*, высказались почти все нации. Спросите об

этом любого татарина, башкира, бурята, русского, украинца... И что? И убрана эта графа из паспорта, но оставлено место для личного номера. Или последний пример – преподавание Основ православной культуры. Все за, демократы против. Смешной довод – у нас многоконфессиональная страна. Всё так, но спросите любого муллу, он скажет: эти основы учат порядочности, уважению к старшим, учат знать историю Отечества, воспитывают любовь к родине, к старшим, разве это не надо ребёнку любой веры? Знать историю России, не учитывая роли Православия в ней, бессмысленно. То есть враги преподавания Основ публично записывают себя и во враги России и Православия.

Величие России в области мировой культуры бесспорно. Уберите из мира русскую музыку – мир оглохнет, уберите русскую живопись – мир потускнеет, уберите русскую литературу – мир онемееет. А откуда и музыка, и живопись, и слово? От Церкви и из Церкви. Вот кому обязана Россия своим высоким нравственным сводом, своим могуществом, своим первенством в мировой культуре.

Но с этой очевидностью никогда не согласятся наши оппоненты. Кто они? Это безбожники и еретики. Вспомним, что Писание наставляет нас отвращаться от них, если они не вразумляются. Неужели мы можем заставить «элитных» хакамад, чубайсов, новодворских, кохов, любить Россию? Если они против преподавания Основ православной культуры, они, значит, вообще против культуры, потому что вся мировая культура родилась христианством. Скажут, была культура и античности, да. Но развалины Пальмиры, Колизея, Карфагена, Афин говорят о её недолговечности.

«Кто приходит к вам и не приносит учения Христова, того не принимайте в дом и не приветствуйте его, ибо приветствующий его участвует в злых делах его» (2 Ин. 1:10–11).

Мы эту «элиту» не переделаем, только сами можем заразиться, как это видно на примере экуменизма. И разве не тот же самый экуменизм отравляет идеей, что религия – это часть мировой культуры. Это и есть масонская мечта – загнать религию в культурологические рамки.

А истолкование свободы у нас дьявольское – это вседозволенность. Вседозволенность в издании книг у нас ужасная. Давайте сопоставим и увидим разницу между литературой пошлости, детективщины, развлекательности, всяких кроссвордов, анекдотов, оккультных сборников, толстых журналов о модах, прямой порнографии, коммерческих фолиантов, проспектов, всего, что лавиной низвергается из типографий, губя бумагу, то есть русский лес и омрачая наше сознание, и сравним это с количеством душеполезной, спасающей литературы. Во сколько первое больше второго? В сотни раз. Так почему же богохульная, ростовщическая, развращающая, одуряющая литература почти не имеет успеха? Ответ один – русский язык такой литературе не помощник. Это как ораторы: и красно говорит, и гладко, а веры ему нет. В год Литературы надо возвеличить русскую литературу и русский язык. Он – тайна. Слова его похожи на деньги, которые обеспечены золотым содержанием, то есть стоят на основе чувства, переживания, мысли, выстраданности.

Нашествий на русский язык и книгу было много всегда, но последнее столетие было самым ощутимым. Появилось кино – запели литературе отходную, убрали её в прикладной жанр. Появилось телевидение – снова надгробные песни книге. Но телевидение обкрадывало людей, внедряя в них только

двухмерное мышление. А Интернет, вакханалию которого видим сейчас, не делает умнее, он делает самоувереннее. Тот, кто сохраняет любовь к настоящей книге, сохраняет душу и уровень мышления, более близкий к престолу Божию.

Русский язык награждает способностью мыслить. А как мыслить с запасом слов в несколько сотен? Чем больше человек знает слов, тем он богаче мыслит, тем он ценнее для науки и искусства, для всех ремёсел, для семьи и государства.

Мы привычно говорим о 70-летнем периоде вавилонского пленения. Но жива была вера Православная. Спасительная сила Православия не оставляла нас и в дни, годы, десятилетия богоборчества. Церкви жгли, ломали, превращали в психолечебницы, рестораны, склады, овощехранилища, но всегда стояли над поруганными, но освящёнными в своё время навсегда алтарями, стояли ангелы-хранители.

Нас отбивали от Господа, но Господь нас не оставил. Сохранил в нас совесть – это голос Божий в человеке. Не было покаяния, но что же тогда всегда бывшее в русском воспитании требование признания в совершённом проступке. В детстве я с братенником украл несколько яблок. Дядя велел нам пойти, признаться во всём и извиниться. 55 лет спустя я приехал в эту деревню и в деревенском магазине старухи сказали: это ты ведь тогда яблоки воровал? Но одна из старух заметила: он же тогда покался, чего теперь вспоминать?

Дед мой, Семён Евфимиевич, призывал бабушку Александру Андреевну и говорил: Слушай, мать, каяться буду. – Я ж тебе не поп, – говорила она. – Их же нет, – отвечал он. Ближайшие церкви были километров за пятьдесят, да и то за рекой. Он ей честно всё рассказывал. И это была разновидность покаяния. Сама душа просила очищения.

Спасала нас устная народная традиция. Как ни навязывали свободную любовь, подавая пример в разврате, чистота и целомудрие сохранялись. Как и теперь, кстати, когда демократическое искусство упражняется в пропаганде цинизма и скотства. Всё равно есть великое наследие Святой Руси. Одна сказка «Финист Ясный сокол» победит всю жеребьячью похоть сильно голубого экрана. Марьюшка, идущая за любимым, спасающая его, непредставима в зубоскальстве эстрады в обществе телепузиков. И Марьюшка воюет за души, не давая отрокам и отроковицам стать фанатами, тинэйджерами, скинхедами.

Совершенно необходимо постоянно издавать устное народное творчество. Вот былины: это величайшая ценность, преодолевающая время и пространство. *«Стоял утреню во граде Полоцке, а обедню служил во Чернигове, а к вечерне попал в стольный Киев-град».* И народные песни. Ищет мать угнанную в полон доченьку свою, находит, а та уже с дитеньком. И что же? *«И качает мать татарчёнку-внука».* Издавать пословицы, поговорки, прибаутки, потешки, колыбельные, свадебные обряды. Раз я выступал в молодёжной аудитории и говорил о сатанизме рок-музыки. Молодёжь была недовольна. Хорошо, сказал я, возьму слова обратно, если вы споёте мне колыбельные песни, которых сотни. Как вы понимаете, свои слова обратно мне брать не пришлось. Смотришь книгу русских пословиц, загадок... Много ушло. Крестьянский двор, упряжь, полевые работы. Но ведь и возрождается. Нам же не прожить без животного, у которого четыре чётёрки, две растопырки (корова), не прожить без матушки-земли. Тяга к земле у нас на геном, неуничтожимом уровне.

Один большой начальник, выходец из села очень тосковал по петушину пению. Это было и воспоминанием детства и подсознательное ощущение, что петушиного крика боится нечистая сила, да и память о том алекторе, который возгласил Петру его временное отречение от Христа. И вот этот начальник купил дорогого попугая, повёз к старухе матери, запер попугая в курятнике, тот быстро выучился кукарекать и сейчас живёт и кукарекает в Москве. Правда, кричит не во время, но проживёт долго, переживёт учителей, ибо им-то до старости дожить не суждено.

Конечно, от обезьяны произошёл один Дарвин, но когда смотришь жванодные аншлаги, эти ужимки, кривляния, думаешь: вот еще и эти тоже недавно спрыгнули с деревьев. Им надо давать ордена «За заслуги в развращении Отечества».

Год Литературы должен быть ознаменован возвращением в школу отобранных на пропаганду разврата часов от литературы. Надо, чтобы в школу наряду со «Словом о полку Игореве» пришло и «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона. Оно на 100 лет раньше написано и более православно. В том, что оно не в школе, вина академика Лихачёва, который его публикацию как только мог, сдерживал. Иначе через год соберёмся, и опять министр будет нас уверять, что «наблюдается положительная динамика», что «растёт мотивация к толерантности и другим культурам», и опять слушать запетую пластинку о многоконфессиональности, многовекторности. Этим нельзя убаюкиваться. стыдно перед предками. Они жизнь положили за Христа, за Святую Русь, а мы всё только говорим и говорим. Особенно госпожа интеллигенция. В основном, она не идёт к Богу, а только говорит о Боге. Обрастает словами как звери шерстью и ей комфортно в этом одеянии. А толерантность, кстати, это в медицинском понимании опаснейшее привыкание организма к чужеродным бактериям.

Братия и сестры! Малое стадо Христово всегда было и, по Писанию, всегда будет гонимо. Гнали кровью язычники, потомки их большевики. Гнали идеологией и запретами коммунисты, теперь иезуитски гонят демократы. Все пытались в наш красный угол поставить тварь вместо Творца, заставить кланяться деньгам, удовольствиям, чинам, чему угодно, но ничего у них не вышло и не выйдет.

А то, что зла в мире всё больше, это тоже добрый знак. Господь поразит зло, и поразит во всём объёме, вот для этого злу велено раскрыться.

Только малое стадо Христово спасётся. И не жалко жизни, чтобы заслужить место в нём.

Такая вот музыка...

Как известно, во всех бедах бывших союзных республик виноваты клятые москальи.

Советских москалей, в чём очень помогали москальи демократические, уже вываляли в грязи, но что-то дела в бывших республиках не пошли лучше, опять нет в жизни счастья.

А-а, сообразили в Молдове, так ведь москальи ещё были в семнадцатом аж веке.

Тогда один молдавский писемник оженился на москальской княжне. Как такое вытерпеть?

И вот – присягаю, что я не выдумал, – вот в Кишинёве расторгают брак умершего два века назад молдаванина с русской княжной, находят ему невесту из нынешних, (кажется певичка) и... заключают брак.

Посажённым отцом невесты и жениха выступают очень видные политики.

Не верите? Поезжайте в Кишинёв, спросите. Там все об этом знают. И свадьба была. И музыка. Плясал ли покойник, не знаю.

Вот такие дела. Такая вот музыка.

ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА

Людмила Васильевна Щипахина – поэт, член Московской городской организации СП России. Родилась на Урале, в Екатеринбурге. Окончила Литературный институт им. М. Горького. Автор более тридцати книг стихов и полтора десятка книг переводов с языков народов СССР. Секретарь Правления Международной Ассоциации писателей баталистов и маринистов. Член Исполкома Международного Сообщества писательских Союзов, Лауреат литературной премии им. Константина Симонова. Награждена орденами – «Дружба народов» и «Знак почёта», медалями. На стихи Людмилы Щипахиной написаны песни в содружестве с композиторами – Людмилой Лядовой, Вадимом Орловецким, Эдуардом Колмановским.

Живёт в Москве.

«Веков священный труд...»

Русская идея

Не тяготясь нагрузкою,
Сквозь зыбкий свет и мрак,
Идею ищем русскую,
Национальный знак.

Не за поклон и премию
Не за иную мзду...
Идея – стёрлась временем.
В огне, в смертях, в бреду.

Лучом, крестом и знаменем
Пребывшая всегда, –
Уж чуть заметным пламене
Мерцает сквозь года...

Святых умов пророчество,
Веков священный труд...
А как ей имя-отчество?
И как её зовут?

Она зовётся – СОВЕСТЬЮ.
И с РАЗУМОМ в ладу:
«Трудиться – по способностям.
И благо – по труду».

Шестая колонна

Под тайным покровом закона,
В поддержку народно-проклятой,
Вползает шестая колонна,
Примкнув к опозоренной, пятой.

Но тоньше ключи подбирает.
И против ветров – не плюёт.
На струнах державных играет
И русские песни поёт...

И слышится с чувством особым,
Как там о любви говорят,
Где антисемит с русофобом,
Обнявшись, в Госдуме сидят.

Покаяться всем и забыться!
Простить и не думать о том,
Как хочется им раствориться
В народном доверье святом.

Но хитрая, хищная стая
Не выбьет наш праведный код!
Давай, до свиданья, шестая –
Шестёрка заморских господ!

О лжеправозащитниках

Что же молчите лукаво,
Выродки от политики?
Оберегатели права,
Лживые правозащитники?

Лупят снаряды по целям.
Смертные ноют раны...
Но расползлись по щелям
Мудрые тараканы.

Души – чернее сажи.
Всё ваше буйство – ложно!
На гонорары ваши
Город построить можно.

Пытки, взрывы, аресты –
Вместо людских законов.
Где же ваши протесты,
Рыцари микрофонов?

...Честь нам вовек награда
В клятвенно-верной связке!
...Как защищается правда –
Спрашивайте – в СЛАВЯНСКЕ!

Не во имя Света,
Не во славу Божью –
Бедная Планета
Захлебнулась ложью.

Врут неугомонно!
За глаза и лично.
Вслух и в микрофоны.
Гласно и публично.

Ссорятся за архи-
Мега-дивиденды.
Лживые монархи,
Пешки-президенты.

Вечный зов и шорох
Капиталов мира...
И наглец в оффшорах
С головой Сатира...

Долго ль слушать будем?
Окормляться ложью?
И бродить по будням,
Как по бездорожью?

Год Культуры

Вот, промчался Год Культуры...
Целый год – культурно жили.
Оголтельный всплеск халтуры,
Нас дурили и смешили...

Затевали фестивали,
Шоу, конкурсы, проекты...
Самым шустрим раздавали
Званья, премии, респекты.

Ну, зачем напрасно злиться,
Что под сенью конъюнктуры
Всё одни и те же лица –
Представители культуры?

Этой пошлости стихия
Не совсем аналог срама.
Это – психотерапия.
Это – смехо-панорама.

Любят швыдкие натуры
Над страной поиздеваться...
Но промчался Год Культуры.
...А теперь – куда деваться?

Элита

Какая такая «элита»?
Ворюги, что смотрят сердито.
У нас отобравшие крохи,
Герои продажной эпохи.

И что за элита такая,
Что держится, лжи потакая?
Чуждается правды насущей
И машет рукой загребущей.

Сопит у чужого корыта
Элита с душой троглодита.
Ни Света культуры, ни чести...
Лишь с биржи – последние вести.

Презренны её абсолюты:
Ты – ноль, если нету валюты.
А, если ещё патриот,
Ты, просто, – совсем идиот.

Нахально, легко и беспечно
Живёт в телевизоре вечно,
Презреньем страны не убита,
Российская эта элита...

Элита – и сговор, и крыша!
Она окопалась и ...выше.
И плохо совсем сознаёт,
Что ВЫШЕ – лишь БОГ и НАРОД!

Они и мы

Штампую решенья и даты,
С душой, провалившейся в ад,
ОНИ заседают, где надо,
Присвоив продажный мандат.

Карьерные эти везенья
Окутаны в денежный мрак.
Невидимый Орден презренья
Приколот на модный пиджак.

От них мы по-рабски зависим,
Хоть им наши беды не в счёт.
Дворцы их взмываются к высям,
И нефть по карманам течёт...

Хоть ростом не больше напёрстка,
А духом – не выше тюрьмы,
Они – лишь сплочённая горстка...
А Сила несметная – мы!

Золотой миллиард

Золотой миллиард – золотую судьбу
Запечатал в свои хромосомы...
Он вселенские горести – видел в гробу!
А из плача – построил хоромы.

За столом торжества восседает кагал.
Теснота у кормящего блюда.
И сибирскую нефть в золочёный бокал
Наливает российский Иуда...

Пошляки от искусства впадают в экстаз,
Продлевая убожество суток.
Бриллиантовой страстью оплачен заказ
На ушах дорогих проституток.

Беспощадные вихри смертей и потерь.
Зная тайные коды и фразы,
Золотой миллиард охраняет, как зверь,
Золотые свои унитазы.

Только зренью мешает виденье вдали.
Там убогие, или святые
Пребывают, как мусор, на кромке земли...
...Хоть и души у них – золотые.

Когда Адам пахал...

Когда Адам пахал, а Ева пряла,
Не был ли мир – подобьем идеала?
Побег лозы у скромного порога.
Над головой – ни стронция, ни смога..

На двух камнях простой очаг жилища.
Сработана соха из корневища.
И дерево греха плоды роняло,
Когда Адам пахал, а Ева пряла.

...Мы нынче меньше пашем,
Больше рушим.
Забыв любовь, не обращаясь к душам.
Смотри, как Землю подставляя буру,
Долбим мы грунт. И крепим арматуру.

Взрываем, жжём, как самозванцы-боги.
Железом жмут железные дороги.
Корчем лес для горестного блага –
Нужны нам целлюлоза и бумага...

Уж под Луною нам пространства мало.
Ракеты! Марсианский гул металла...
И позабыв мелодию напева,
Уже давно прядёт и пашет Ева.

Сильны её предплечия и руки.
На ней – джинса, и сапоги, и брюки.
Химическая прядь из-под берета.
Попыхивает нагло сигарета...

...Ах, время, время! Что оно итожит?
Порою ностальгия сердце гложет,
И манит свет далёкого начала, –
Когда Адам пахал, а Ева – пряла...

Права человека

Какие права человека,
Коль нет ни сберкнижки, ни чека?..
Какие такие права?
Права захватила братва!
Жульё, олигархов орава
Без совести, чести и права.
Все блага подлунного мира
В кровавых руках рэкетира.

Все банки, заводы и шахты.
И все белоснежные яхты...
Коль не завладел капиталом,
Притихни, и думай о малом...
Ты – праведный, честный и нищий,
Утешься подкинутой пищей,
Придуманной хитростью века –
Борьбой
За права человека!

Друзьям

Друзья мои, у вас легка рука.
Ваш глаз не сглазит.
И известно тоже:
Когда хула слетает с языка,
Она ему досадна и горька...
Молчанье – легче. Истина – дороже.

Так чист родник, приближенный ко рту,
Что я глоток поспешный сделать трушу.
Зачем стряслось такое на роду?
Зачем я вникла в вашу доброту?
Пустила в сердце. И связала душу.

Общительности скрученная нить
Сухую отчуждённость распилила.
И вот учусь я с вами есть и пить.
И всё, что есть, и всё, что может быть,
Я меж собой и вами разделила.

Друзья мои, не тяжела ли вам
И верность ваша, и долготерпенье?
Угодно ли разумным головам
Простить моё пристрастие к словам
И от меня – принять стихотворенье?

Не говори, что независим!
Не верь наивно в эту ложь!
Ты каждый миг у вечных истин
В суровой кабале живёшь.

Уже с рождения – зависим!
Хоть отрекаешься хитро.
От дел, от случая, от писем
От стрелки, сломанной в метро.

От грозных рисков лихолетья,
Где дым войны горяч и густ.
Ты – в кабале проблем столетья.
Ты – в рабстве у прекрасных чувств...

Ты мерой глубины и выси
Сверяешь собственные дни.
Не говори, что – независим!
Смирись и голову склони.

Да будь ты неуч или профи,
Да будь ты трус или герой...
...Ведь иногда от чашки кофе
Зависит и судьба... Порой...

Тыл

Вдалеке от всех сражений,
Но в невидимом строю
Мы – на страже убеждений,
В стратегическом бою.

Незаметно и заочно
Обретаем естество,
«Свой-чужой» – сверяя точно.
Точно зная – кто кого...

Может быть, ещё не скоро,
Но придёт желанный час...
Против нас – такая свора!
Но история – за нас!

Пусть от нас далече беды,
Мы как будто – в стороне...
Но в ТЫЛУ куют победы!
...На невидимой войне.

Наши слёзы

Наши слёзы – не водица.
Ими можно оплатить
Банк на Кипре. Виллу в Ницце.
Да и выше... Всё купить!

Наши слёзы – ваши центы,
Хитроумная мечта,
Чтобы капали проценты
На бандитские счета.

Можно снять на них соседку...
Покрутиться на торгах.
Можно проиграть в рулетку
И профукать на бегах.

Порыгать излишней пищей
В золочёный унитаз.
Слёзы беженцев и нищих
Обеспечивают вас.

Но сквозь взрывы и угрозы
Ходят слухи по домам:
Отольются эти слёзы...
Уж по щиколотку вам.

Зря вы, грешники, смеётесь,
Зря не верите всерьёз,
Что слезами – захлебнётесь!
Но уже – без наших слёз...

Мы

Порой, как в преддверии ада,
Живём в перекрёстке проблем...
Мы, жалкие дети распада,
Не верим ни этим, ни тем...

В эпоху чужого насилья,
Когда расползается тьма,
Обломаны бывшие крылья.
Оболганы наши слова.

И в этом распроданном мире
Не нужен наш праведный труд.
Кого-то замочат в сортире.
Кого-то в подъезде взорвут...

Живём осторожно, не ропщем.
Боимся послушаться власть.
...На торжище этом всеобщем
Мы – самая лишняя часть.

ПЕСНЬ СЛАВАНСТВА

К 110-летию со дня рождения
Михаила Шолохова

Страдание как жизнь вне общественной справедливости

О романе «Тихий Дон» Михаила Шолохова

Если отвлечься от главной политической идеи романа, исследующего причины торжества Октябрьской революции, нельзя не рассматривать «Тихий Дон» как роман о страдании, о жизни вне общественной справедливости. При этом речь идёт об обществе, по духу и организации типично коллективистском, основанном на силе сплочённости и созидания. Это верно, что всё повествование романа связано с войной, тяжкими судьбами, развязка романа трагична; тут и смерть, и кровопролитие, жестокость и даже безнадежность. Однако «Тихий Дон» не является художественным свидетельством времени, о котором он повествует, скорее, он свидетельствует об эпохе, в которую создавался. Литературу, да и вообще искусство, следует понимать как слово создателя, как слово изображающего, а не изображаемого.

«Тихий Дон» показателен с точки зрения развития русского эпического романа в русской литературе XX в. Но ещё большее значение он имеет

Панко АНЧЕВ

Панко Анчев (Болгария) – родился в 1946 г. в Варне. Литературовед и философ, почётный доктор Литературного Института им. М. Горького (Москва). Главный редактор литературно-художественного журнала «Просторы». Член Союза болгарских писателей и Болгарского ПЕН-центра. Живёт в Варне (Болгария).

М.А. Шолохов (1905-1984)

для понимания тех глубоких, сущностных перемен, произошедших за вторую половину двадцатых годов минувшего столетия в российском обществе. И речь даже не о политических переменных, приведших к созданию нового типа державного устройства, подчинённого марксистской идеологии ради «диктатуры пролетариата», ради построения Советского Союза. Для литературы и искусства эти чисто политические перемены скорее внешние, не затрагивающие глубоко сущность и способность отзываться на нужды времени.

Русская революция 1917 г. (в отличие от болгарских революций XIX и XX вв.) застала общество глубоко разъединённым и поражённым индивидуализмом. Индивидуализм этот разъедает государство и личность, смертельно их ослабляет и приводит к окончательной разрухе, к самоуничтожению. Кризис был так глубок, что поставил Россию на грань выживания. Поэзия Сергея Есенина стала завершающим отображением этой общественной драмы распада и разложения, индивидуализма и появления пессимизма и социальной апатии. Но вопреки всему революция состоялась, потому что русское общество уже начинало осознавать своё состояние и организовываться по-новому. Возрождаются спланированное общество силы; созидательная энергия начинает постепенное наступление. Появляется готовность к переменам. Народ охвачен и влеком новым духом. А процессы, породившие этот дух, стремились отобразиться и в литературе. Роман «Тихий Дон» и есть отображение русского общества нового типа, сложившегося во второй половине двадцатых годов XX в. Это настолько сильная и яркая в художественном отношении работа, что по степени изобразительности и воздействия её можно сравнить с классическими романами Льва Толстого. Впрочем, и русская критика установила это сходство. Но она видит сходство в стиле, манере повествования и создании образов – даже сюжет связан с судьбоносными для страны и нации войнами. Думаю, что сходство происходит из характера общества, отображённого в «Войне и мире» и «Тихом Доне» – общества коллективизма и созидательной энергии.

Сюжет почти всегда подводит литературоведов, пытающихся рассмотреть в нём единственный источник общественных и эстетических идей писателя. Если отталкиваться от сюжета, нас вполне удовлетворят рассуждения о том, насколько трагична участь Григория Мелехова, его односельчан и родных; придётся предположить, что причиной его бед была идейная дезориентация и склонность к неповиновению, неприятие общепринятых норм поведения. Критика, особенно сразу после выхода романа, выразила несогласие с тем, как выстроен образ Мелехова, точка зрения на большевиков и красноармейцев тоже казалась неприемлемой для того времени. И действительно, есть что-то такое в этом романе, что не отвечает даже идейным убеждениям самого автора, не отвечает тому, что исповедовал сам Шолохов как гражданин и политик. Роман чужд и государственной идеологии. Но литература в тоталитарном обществе, как я пытался показать в своей книге «Философия истории литературы» (2004 г., глава «60-е годы. Осознание предчувствия», с. 538–544), изливается в двух потоках: один поверхностный, сильно идеологизированный, скрывающий драматические преобразования, которые несёт второй поток. Литература, однако, видит и отображает не только видимое, официально декларируемое, но и невидимое – нечто, уже ставшее реальным, но ещё не в достаточной степени осознанное самим обществом. И поскольку русское общество второй половины 20-х годов было уже достаточно консолидировано и готово к созиданию и единству, то и отношение общества ко

всякого рода насилию и попытке разрушить его сущность было достаточно враждебным. В «Тихом Доне» любого, кто дерзает разрушать, менять характер существующей системы, встречают агрессивно, с ненавистью. Казаки в романе, возможно, и не те самые казаки, что пережили революцию и Первую мировую войну, но в эпоху М.А. Шолохова они были такими, как изображает их писатель. На коллективизм было настроено всё общество...

Григорий Мелехов – это достаточно сложный образ для поверхностного анализа и оценки. Но я бы не поставил под сомнение его внутреннюю гармонию и целостность. Это не раздвоенный персонаж. У него почти отсутствуют сомнения в избрании пути и достижении цели. Жизнь подвергает его испытаниям, ставя перед ним препятствия и часто возвращая его в исходную точку. Он часто отдаётся порыву, когда приходится принимать решения, но ум его ограничен и не слишком терзает его. Мелехов – сильный, эмоциональный человек, но не из тех, кто «сильно любит и ненавидит». Его самоотверженность проявляется и в любви, и в насилии, в мирном труде и кровавой расправе над неприятелем. И всё же я определил бы его просто, потому что всё, что он хочет, это справедливость. Беда в том, что он не знает, что такое справедливость, и не имеет представления, где нужно её искать. Он честен и откровенен, он не лжёт никому, с кем бы ни был: с Натальей или Аксиньей, с белыми или красными. Такая жизнь не слишком проста. Особенно во времена, когда ты должен определиться раз и навсегда. Но когда выбор ставит человека вне общества и даже против него, наступает настоящая трагедия, подводящая человека к безысходности. Григорий настаивает на своей независимости и возможности только самому принимать решения. Всякий, кто навязывает ему свой образ жизни, становится ему врагом. Ещё хуже, когда он осознаёт противника разрушителем общественных устоев. Мера его справедливости – это часто личная мера, не совпадающая с общественной нормой. И нет такого средства, которое заставило бы его уравнивать свою меру с чужой, если сам он не убеждён в необходимости этого. Григорий, однако, не индивидуалист, он, скорее, чужак, честный и принципиальный до крайности. А ещё он слишком чувствителен к несчастью и страданиям людей, которых он любит и к которым привязан.

И хотя действие романа развивается почти целиком в условиях войны и сражений, общество в произведении организовано гармонично и созидательно. Доминирует дух коллективизма, и каждый, кто так или иначе склонен к разрушению, строго наказывается.

Сама война показана как трудовые будни, как выражение человеческих возможностей. Побеждает более опытный, более умный, более усердный. Сила воли и храбрость подобны трудолюбию, и ценятся так же высоко, как и способность вести хозяйство и управлять домом. Это и есть добродетели коллективистского общества. Для этого общества характерно состязание добродетелей, способностей, а не борьба за власть. Прежде всего, руководитель избирается в соответствии с его способностями, а не навязанными чуждыми нормами. Одно из самых больших унижений, выпавших в романе на долю казачества, это высокомерие Белой Армии, когда белые офицеры пренебрежительно относятся к казакам и их командирам, отвергая самые основы казачьего бытия. Сами казаки восстают и против большевиков, которых когда-то поддерживали, потому что большевики не признают установившиеся традиции, не признают ни казачью мораль, ни устройство казачьего общества.

Прямолинейный Григорий Мелехов – личность трагическая. Он не понимает и не пытается понять и разобраться, что его житейский и политический

выбор (а другого и нет) непременно должен быть сделан в пользу общественной необходимости; что его свобода не вмещается в рамки обязательных правил; что его представления о справедливости и общественной жизни не соответствуют действительности; что, в конце концов, он должен подчиниться обществу и перейти к созидательному труду. Невозможно, недопустимо вести вечную борьбу – даже если ты прав, даже если ты следуешь принципиально правильным убеждениям и честен с людьми. Общество иногда много требует от личности – настолько много, что личность не в состоянии этого дать. Тогда наступает разрыв и трагедия. Такой разрыв описан и Михаилом Шолоховым в «Тихом Доне».

Но не только Григорий Мелехов трагическая личность в романе. Аксинья так же, как и он мечется в поисках своего места в жизни. Она женщина, и её восприятие морали и справедливости отличаются от мужского восприятия Григория. И хотя общество не укоряет её слишком сурово, как укоряет Григория Мелехова, зато судьба предлагает Аксинье бесконечные испытания. Когда кажется, что достигнуто долгожданное счастье, наступает конец; превращение из эгоистичной любовницы в заботливую и смиренную жену оказывается не наградой, а возмездием за прошлые грехи. Похожая судьба и у Дарьи Мелеховой и даже у Натальи. Никому не позволено строить собственное счастье на несчастье других; даже и на заботах и невзгодах, которые могут постичь людей из-за нашего эгоистического желания обладать богатством любви. Кто не сообразуется с этим правилом и этим законом, наказывается сурово...

Что и происходит, в конечном счёте, в этом замечательном романе. Неужели победа революции есть результат всечеловеческой муки и страданий? Кто на самом деле был победителем в войне и революции в России в начале XX в.? «Тихий Дон» не даёт ответа, который пытается навязать история. Последние страницы – это истинное торжество мира, спокойствия и вечной тоски человека по созидательному труду. Григорий Мелехов возвращается сломленным, но и с надеждой, что после того, как потерял почти всех, после того, как убивал и разрушал, ему наконец-то будет позволено жить в тишине и в трудах с последним, оставшимся в его семье, маленьким сыном. Но если бы для этого был найден «потайной выход», роман прозвучал бы фальшиво и ложно. Потому что нет большего страдания, чем жизнь вне общественной справедливости. А сама справедливость заключается в гарантированном праве на дом, труд и любовь.

Вот почему я рассматриваю «Тихий Дон» как одно из самых великих произведений русской литературы. Это целая эпоха в развитии искусства слова, отображение эпохальных перемен в России в первые десятилетия XX в.

Перевела с болгарского Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Светлана Георгиевна Замлелова – родилась в Алма-Ате. Окончила РГГУ. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств. Автор книг прозы «Гностики и фарисеи» (повести и рассказы), «Посадские сказки», «Блудные дети» (роман) и др. Автор переводов французской и болгарской поэзии. Кандидант философских наук (МГУ им. Ломоносова), автор философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX-XXI вв.» Живёт в Сергиевом Посаде.

ПОЭЗИЯ

Магомед АХМЕДОВ

Магомед Ахмедович Ахмедов – известный российский дагестанский поэт, Председатель Правления Союза писателей Дагестана. Его поэзия следует в русле национальных традиций, которые развили и укрепили его великие земляки – поэты Гамзат Цадаса и Расул Гамзатов. Один из ведущих поэтов Дагестана, пишущих на родном аварском языке. Основные мотивы его стихов – любовь к родной земле, размышления над загадкой жизни, философское осмысление исторических судеб Дагестана и России...

Живёт в Махачкале.

«Всевышний дал мне дар...»

Поэт и имам

Поэма

«И звезда с звездой говорит...»

М.Ю. Лермонтов

1.

Война пылает без конца,
Народу смерть несёт.
Вблизи не разглядеть лица –
Лишь чёрный дым плывёт.
«Аллах акбар!» со всех сторон
Доносят голоса,
И тот призыв из тьмы времён
Взлетает в небеса.

Исполнен веры в правоту,
Омытый кровью ран,
В большой войне сошёлся тут
С Россией Дагестан.
И вот поручик и поэт,
Блюдя царя приказ,
Пришёл во цвете юных лет
Сюда смирять Кавказ.

Поручик, яростный и злой,
Одетый как черкес,
Теперь бесстрашно рвётся в бой,
Где острых сабель блеск.

Забыв столичное житьё,
Салонных сплетен смрад,
Обрёл призвание своё
Как доблестный солдат.

Остановился, честь отдал
Начальству своему
И в бой ворвался, словно ждал
Забвения в дыму.
Стреляет в русского джигит,
В мюрида бьёт солдат.
Всяк в сердце Родину хранит,
Никто не виноват...

Одни, родной спасая стан,
Воюют здесь, в горах,
Летят их души в небеса,
Где примет их Аллах.
Другие – выполнив приказ,
Войной утомлены,
Могилой станет им Кавказ,
Но нет на них вины...

Любовью к Родине горя,
Они хотят – хоть смерть! –
Победу Белого Царя
В горах запечатлеть...
Знаком поэту с юных лет
Кавказских гор пейзаж,
Но горы говорят: «Поэт,
Сегодня ты не наш!»

И многоводная река,
Что помнит с детства он,
В нём ныне видит чужака,
Поправшего закон.
Вот Петербург пред ним предстал,
И Пушкин на снегу...
Он «Смерть поэта» написал,
И те стихи не лгут.

Но вот – поручик молодой,
Невольник чести здесь.
Весь Дагестан перед тобой,
Твою пытается честь.

Как под прицел он может взять
Спасавших отчий дом,

И как он сможет в них стрелять,
Платя за братство злом?

И неужели в буйстве дней,
Забыв заветов власть,
Мюриды будут из камней
В поэта пули слать?

2.

И вот, в долине Дагестана,
Покоя дума не даёт.
Пылает солнце непрерывно,
Кавказ о вечности поёт.

«Прощай, немытая Россия», –
Скрипит зубами наш поэт, –
Где власть имеет только сила,
А для народа счастья нет.

Страна господ и их клеветов,
Страна неправедных царей,
Страна, гонящая поэтов
Под пули горцев поскорей...

Надёжна ли стена Кавказа?
Доколь сиять его звезде?
Ушли по царскому приказу,
Марлинский, Полежаев – где?!

Не для одних поэтов рыщут
Мюридов выстрелы в горах,
Поэты сами смерти ищут,
Коль упадет жизнь во прах.

И вот, в долине Дагестана,
С свинцом в груди... Тяжёлый стон.
Тревожит душу непрерывно
Загадка, тёмная, как сон.

3.

Вот бой затих, как будто сам,
И смолкло всё окрест...
Имам внимает голосам
Возвышенных небес.

И звёзды на него глядят
С нездешней высоты,
Как будто дарят виноград
Небесные сады.

И красоты святая мощь
Свою являет власть...
Но вот откуда-то сквозь ночь
Вдруг песня донеслась.

Поёт солдат, солдат простой,
На дальнем берегу,
С такой надеждой и тоской,
Которые не лгут.

Поёт на русском языке,
Как будто бы моля.
Летит та песня налегке
К ночлегу Шамиля.

Очнулся слушавший Имам
И толмача позвал:
– О чём та песня, чьим словам
Так долго я внимал?

И переводчик – русский сам,
Пленённый на войне,
Ему слова пересказал,
Чтоб понял он вполне:

«Выхожу один я на дорогу.
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездой говорит...»

Ну, словом, говорит поэт,
Что ночью видеть мог,
Как в небесах сквозь звёздный свет
Ему внимает Бог...

Шамиль сказал: – Гяур, ответь,
Кто автор песни той?
Ответил русский: – Наш поэт,
Что воевал с тобой.

– Откуда он? – спросил Имам, –
И как зовут его?
– Поручик Лермонтов. И нам
Доныне жаль его.

– Где он сейчас? – спросил Шамиль –
Узнать его мне честь!
– Узнать нельзя его. Убил
Злодей его за честь...

– Но кто убил его? За что?
Мюрид ли верный мой?
– Да нет, Имам, совсем не то:
Убийца – русский, свой.

Шамиль задумался, на миг
Он голову склонил.
Вот русский пел, а среди своих
Он песни отменил.

И понял наш Имам тогда,
Что песнь звучать должна,
Как к Богу вечная мольба,
Когда идёт война.

Тогда сказал себе Шамиль,
Что был большой злодей
Тот, кто поэта погубил,
Поющего звезде.

И это грех большой, когда
Великая страна
К народам малым, как беда,
Приходит, как война.

Порою русских не понять,
Как будто зуб больной:
И невозможно вырывать,
И боль – в глазах темно...

И как понять такой народ,
Что лучших сыновей
На смерть спокойно отдаёт
Последним из людей?..

Склонил главу Имам Шамиль,
Задумался слегка.
Вопрос тот, что его томил,
Переживёт века.

Пушкинские Горы

Стихи, написанные в Михайловском

1.

Короток день, как мгновенье,
Ночь, словно точка, мала.
Детство, твоё возвращенье
Снова мне дарит Аллах.

Там, где бродил я, невинный,
Выросло поле цветов.
Вон облака на вершинах –
Память надежды пустой.

Милый аул мой Гонода,
Я от тебя далеко.
К Пушкину в гости сегодня
Прибыл я. Сердцу легко.

Век двадцать первый тревожен,
Века стремителен бег...
Лампа стоит на окошке –
Жив девятнадцатый век.

Снова я Пушкиногорью
Горский привет передам,
И, восхищённый и гордый,
К милым вернусь я горам.

2.

Я под вечер всегда
Возвращаюсь в аул.
За всю жизнь никогда
Я с тропы не свернул.

Слыша голос любви,
Задержусь у ручья.
Человеком живи,
Как вершина, сияй.

3.

А на Пушкинском дворе
Вижу я следы Расула.
У Расула во дворе
Александра тень мелькнула.

Породнило время нас
И российские просторы.
Ведь от века на Кавказ
Смотрят Пушкинские Горы.

Дагестан в душе хранит
Имя русского поэта,
И в стихах его звучит
Дух великого завета.

4.

Позабыты дни войны
На Кавказской вольной шири.
И в объятьях тишины
Лишь звучат стихи о мире.

Без стихов тосклива жизнь,
Радость нам стихи даруют.
Кто без них умеет жить –
Счастье у себя ворует.

Вот и в Пушкинском селе,
Что прославлено поэтом,
В продолженье многих лет
Стих звучит зимой и летом.

5.

На холмах Дагестана
Снова тучи лежат.
Небеса Дагестана
От потоков дрожат.

Здесь такие просторы –
Больше нету таких.
Высоки наши горы,
Словно Пушкинский стих.

И величье Отчизны
Прославляет поэт,
И ценой своей жизни
Исполняет завет.

Здесь смогли породниться
Александр и Расул,
И поэтов столицей
Стал наш горный аул.

6.

Где с небом сходится земля,
Там вижу я порою,
Когда звучит мелодия
Над Пушкинской горою –

Звучит молитва в небесах,
А на земле – словами...
Поэты молятся в стихах
В Михайловском – во храме.

7.

В аллее той, откуда
К нам Анна Керн пришла,
Я вспомнил вздох Махмуда:
«Марьям...» Душа светла.

С тех пор стихотворенья
Гуляют по земле:
И «чудное мгновенье»,
И «жаркий вздох» во мгле.

И с ними – в сладкой муке
Гамзатов, сам не свой: –
Целует деве руки,
Склонившись головой.

8.

Аяты Корана
И Пушкин читал,
Их смысл неустанно
Поэт постигал.

Склонялся над ними
В тяжёлые дни:
– Какие глубины
Скрывают они!

9.

К таинственным чувствам
Меня потянуло:
– Чем дальше умчусь я –
Тем ближе к аулу.

Глаза лишь закрою –
И Родину вижу,
И место родное
Всё ближе и ближе...

Вот Пушкиногорье:
Я в горы вернулся.
В Михайловском с Родиной
Соприкоснулся.

10.

Я Родину люблю,
Когда она родная,
И неродной люблю
(Порой и так бывает).

И Вечность шла войной
На Пушкина – поэта,
Но пулею шальной
Не загасила света.

Других Дантесов тьма
Идёт на мир сегодня.
Но не убить вовек
Поэтов стих свободный.

Свет Пушкина – в веках,
В веках и свет Расула...
И в Пушкинских горах
Дух горного аула!

Свободные сонеты

1.

Чтоб жизнь терпимою была,
Земля талант рождает снова.
Чтоб мысль, как роза, расцвела,
Летит в полёт родное слово.

Как мне на сердце тяжело!
Куда идёте вы, народы?
Сегодня миром правит зло,
Поправ и правду, и свободу.

Кинжалом двадцать первый век
Мой стих жестоко поражает.
Неправде служит человек,
Так что ж в грядущем ожидает?!

Но чем сильнее жизнь горчит,
Тем ярче стих во мне звучит.

2.

Цветёт в моей ночи цветком пахучим
То чудо, что таят страницы книг.
Оно, как солнца свет, что льёт сквозь тучи,
Когда весь мир в отчаянье поник.

Цветёт в моей ночи цветком прекрасным
Звезда моя с небесной высоты,
Она земным законам неподвластна,
Она влечёт меня во власть мечты.

Цветёт в моей ночи цветком бессмертным
Святое Солнце всех погибших грёз;
Чтоб путь мне указать в моё бессмертье,
Горит на этом свете солнце слёз.

Мои мечты цветут в ночи безбрежной,
И ночь сама цветёт цветком нездешним.

3.

Мертвеет мысль, когда приходит слава,
В тщеславье растворяется поэт.
Под вечным солнцем праздные забавы
Ввергают душу в бесполезный бред.

Святое слово улетает в бездну,
Едва захочешь словом торговать,
И стих твой сразу станет бесполезным,
Едва начнёшь призванью изменять.

Ведущий в Вечность, тонок мост, прозрачен,
Не выдержит и самой малой лжи.
Узнают все, что ты для мира значил,
Когда поэт оставит эту жизнь.

Мертвеет мысль, когда приходит слава –
Для всякого призвания отрава.

4.

Белые, чёрные птицы
Молча сквозь вьюгу летят.
Время и нам разлучиться,
И не вернуться назад.

Падает снег... И не видно,
Чёрен тот снег или бел?
Лучшее стало постыдным,
Виден последний предел.

Правду заносит метелью,
Ту, что в лохмотьях дрожит.
Мне не хватает терпенья
Смутные дни пережить.

Чёрные, белые птицы...
Нужно лишь песней молиться.

5.

Когда отойдут славословья,
Приблизится вечная тьма,
И мысли придут к изголовью
О скором бессилье ума,

Всевышний, тебя попрошу я
За эти короткие дни –
Возьми мою жизнь прожитую,
Но Родину мне сохрани.

Чтоб вечно над нашим Кавказом
Прекрасная песня плыла,
Чтоб совесть поэта ни разу
Пред Богом солгать не могла.

Без песни народ сиротеет,
Поэт без Отчизны немеет.

6.

Промчалась жизнь, а я вот жив покуда,
Меня убить злодеи не смогли.
Мечта моя – несбыточное чудо,
Пустые дни надежду погребли.

Теперь, когда о мире размышляю,
Я перед злом смириться не могу,
И лишь когда о прошлом вспоминаю,
Я чувствую пред ним себя в долгу.

Вот пряди сединой на мне сверкнули,
И как тому противиться суметь?
Поэту от бутылки, как от пули,
Лишь песня помогла не умереть.

Промчалась жизнь, а я вот жив покуда.
Как это может быть? Наверно, чудо.

7.

Я ранним утром сотворил молитву.
И в полдень тоже совершил молитву.
В надеждах – предвечерняя молитва.
Темно в окне – вечерняя молитва.

Осталась мне молитва лишь ночная.
Передо мною приоткрылась Вечность.
Уйдя туда – что миру оставляю?
Придя туда – как за себя отвечу?

Над чётками склоняюсь, как над стихами,
Стихи пишу, подобные молитвам.
Зовёт молитва – песня не стихает,
Приходит песня, что с молитвой слита.

Остались мне лишь песня и молитва,
Всё прочее – окончено, забыто.

8.

Всевышний дал мне дар – владеть стихами,
Но от того пророком я не стал,
И, окружён безумцами, врагами,
Всю жизнь молитвой сердце укреплял.

Ведь нет заклатья от беды на свете,
Одна забота – верный путь и долг.
Вопросы, на которые ответить
До сей поры достойно я не смог.

Порой и сам себя я забываю,
И в мире веру вечную ищю,
Но песня от судьбы не убегает,
И я её вовек не отпущу.

Мир для меня – как лист бумаги чистый.
Пищу стихи – молюсь Тебе, Пречистый.

9.

Когда пишу, склоняясь над страницей,
Ищю в потёмках истинное слово.
Когда душа желает веселиться –
Себя сдержать стараюсь я сурово.

Мне надоело вечное мученье,
Следы, что на снегу, который тает,
Рядящееся в святость преступленье,
И подлость, что добро изображает.

И дома, и за стенами – стреляют,
И убивают лучших из народа.
И чёрный мир истошно прославляют
Жестокие шайтаны год от года.

Я ненавижу... И прощу едва ли...
Вы обманули жизнь и обокрали!

10.

Будь проклято слово, что мир обмануло!
Ты слышишь, сегодня кричат:
– И правда, и совесть – всё перевернулось,
И лучшие чувства молчат!

Не верю! Но в дом к нам ворваться посмели
Враги, что попрали Коран!
И злобные змеи в углах зашипели,
Стремясь запугать Дагестан!

Но с честью аварцы врага повстречали,
И стали щитом перед ним.
Джигиты на горных вершинах стояли,
И враг не остался живым.

Все змеи, что сеют вражду в Дагестане,
Растоптаны будут народа сынами.

11.

Вершины гор ущельям возвещают:
– К нам в Дагестан жестокий враг идёт!
Он всё живое злобой поражает,
И хочет покорить себе народ.

Аллах один, един Он... И обязан
Всяк правоверный помнить тарикат.
Мы отошли от красного когда-то,
Но цвет зелёный был и вечно свят.

Мы не дадим чернить святое знамя!
Наш Дагестан всегда свободным был!
И мы гордимся славными сынами
Своих народов, всяк другому мил.

И мудрые имамы неустанно
Хранят святую правду Дагестана.

12.

Сколько раз Дагестан поджигали,
И раскаты гремели в горах!
Дни мои полувека достали,
Сколько дальше – лишь знает Аллах.

Дорога нам родная свобода,
Что хранили мы столько веков.
Что сказать мне сегодня народу?
Будет в будущем всем нелегко.

Если Родина бродит в тумане,
Если правда сейчас не в чести,
Если ближнего каждый обманет,
Это значит – мы сбились с пути.

Что скажу я народу в ответ?
О, Отечество, выйди на свет!

13.

Когда война гремела в Дагестане,
Когда пылали мирные деревни,
Тогда жестоким пламенем хлестали
Пожары по горам и по деревьям.

И те, кто шёл с оружием на брата,
Не слышали мольбы святых имамов:
– В происходящем все мы виноваты,
И все должны найти дорогу к храму!

Не убивайте, люди, вы друг друга,
Отечество родное возрождайте!
Потом, во время мирного досуга,
Вы в правоте друг друга убеждайте!

Ведь имена, что на камнях могильных,
Вернуть родных к живущим уж бессильны.

14.

Стоят над бездной на мосту без страха
Добро и зло, переплетясь руками.
И то добро, что создано Аллахом,
Захвачено жестокими ворами.

Мы будто бы бредём по бездорожью,
И даже в снах покоя не находим.
Тоску свою мы исцелить не можем,
И годы в пустоте для нас проходят.

Окружены врагами мы доньше,
Которыми для нас другие стали.
Торговцы, торговавшие святыней,
У нас сегодня Родину отняли.

Но дни печали горестной Отчизны
Я не предаю ни в той, ни в этой жизни.

15.

Убийцы, что рассвет убить стремятся,
Кричат, что мне давно пора сдаваться.
И эти дни – вчерашний и грядущий –
Окружены врагов коварных тучей.

Нет смысла говорить о смысле жизни.
Путь Родины сегодня окровавлен.
Едва Аллах подарит день Отчизне –
Вмиг без пощады будет он раздавлен.

И лишь когда заполнятся зинданы
Отребьем и убийцами свободы,
Воспрянет день великий, долгожданный,
И Богу вознесут хвалу народы.

Тот день, когда сметём мы всех, кто лжёт,
Для нас пока Всевышний бережёт.

16.

В светлый рай Всевышний не пошлёт
Тех, кто рай земной не сохранили.
Бог возможность нам ещё даёт,
Чтобы мы предавших осудили.

Разделили братскую страну,
И теперь во тьме она блуждает.
Породили вечную войну,
Что людей навеки разделяет.

Пули ставят точки на сердцах,
Мы себе покоя не находим,
И, уже подобны мертвецам,
В бездну беспросветную уходим.

В рай небесный не отправит Бог
Тех, кто рай земной сберечь не смог.

17.

Наше солнце всходит от Каабы,
От Киблы светило вырастает,
Чтобы даже ночь всегда могла бы
Помолиться, прежде чем растает.

Имена, что мы перечисляем,
Молятся за смертных на том свете.
Словно ветви, головы склоняют
Правоверные на всей планете.

Люди, посвящённые Аллаху,
Ищут у Него себе защиту.
Лишь Всевышний есть источник блага,
Лишь Ему возносим мы молитвы.

Если утомила вас дорога –
В храм войдите, помолитесь Богу.

18.

Больше знаю – меньше вспоминаю,
И летят вопросы, словно пули.
В нищете по улицам блуждают
Те, кого надежды обманули.

Вспоминаю гордую державу
И её возвышенное имя.
Каждый в ней имел почёт и славу,
Отличась делами трудовыми.

Продали страну врагам, иуды,
Остывает память о минувшем.
Только никогда я не забуду
Той страны, оболганной, но лучшей.

Тот, кто не предаст свои истоки,
На земле не будет одиноким.

19.

Чёрное небо и чёрные тучи
Вижу я в сердце моём.
Прошлое вижу в тумане тягучем,
Всё невозвратное в нём.

Чёрные тучи из чёрного неба –
Крылья ужасных ворон.
Думаю мрачно: где бы я ни был,
Я чёрным миром пленён.

Чёрные тучи из чёрного неба
Тщатся исторгнуть мечту.
Дышится трудно, спрятаться где бы...
Вижу вокруг пустоту.

Свет проступает где-то вдали,
Только счастливые годы ушли.

20.

Когда истязают правители нас
Своим непосильным трудом,
Стремимся туда мы, где свет не угас –
Мы жалобы сердцу несём.

Папаха в ущелье свободно летит,
Достаться холодной реке,
И Каспий зелёный слезу солонит,
Чтоб дождик прошёл налегке.

Я в жизни не раз уже клялся себе,
Что жизни без Родины нет,
Что я благодарен счастливой судьбе,
Ведь я – дагестанский поэт.

И вечная, острая боль твоих ран
Излечится в сердце моём, Дагестан.

21.

Я чёрной ночью просыпаюсь,
И крик в груди моей дрожит.
Кто мне из мрака посылает
То пламя, что в душе горит?

Не тот ли свет, что освещает
Могильных плит седую скорбь?
Звезда на небе догорает,
И свет звезды умершей скор.

Одна звезда в ночи погасла,
Другая вспыхнула взамен...
Душе, как птице, неподвластно
Преодолеть пространства плен.

Душа, пришла сюда с небес ты,
И снова канешь в эту бездну.

22.

Прости, Аллах, но всё тревожней
Душе влачить пустые дни.
Всё, что Ты дал сынам безбожным,
Всё в пропасть бросили они.

Сей мир твоё великодушье
Меня заставило забыть.
К уходу я готовлю душу,
И скорби в сердце не избыть.

Прости, Аллах! Большие беды
Несёт народам юный век!
Но мне бежать за веком следом
Нет сил, я старый человек.

Терпеть сей мир могу, покуда
Молюсь Тебе и жажду чуда.

23.

Молитва несовместна с бранью
И несовместна с клеветой.
Кто лжёт – молится перестанет,
Дух убивая суетой.

Раздоры убивают слово,
И мысль теряется во мгле,
И разрушается основа
Любви и братства на земле.

Когда ж свои печаль и радость
Из сердца выплеснешь в словах,
Познаешь истинную радость,
Что заповедал нам Аллах.

Вздыхаю тяжело и сурово,
Но скорбь души рождает Слово.

24.

Чтоб в землю лечь – купить могилу надо,
Отчизна превращается в погост.
Как пугала ночные у ограды,
Стоим, храня покой враждебных гнёзд.

Жуём отраву, данную врагами,
Но как при этом мы горды собой!
Объедки, что пылятся под ногами,
Нам стали пропитаньем и судьбой.

Мы входим в ад, как в рай, по доброй воле,
Туда нас гонят те, кто предал нас.
Народ, злосчастной покорившись доле,
Смеясь, встречает свой последний час.

Чтоб в землю лечь – купить могилу надо.
Вся Родина – могильная ограда.

25.

Пустеет сердце, и печаль приходит,
И грустная мелодия звучит.
Былая страсть давно с ума не сводит,
Сухой цветок росой не блестит.

Пора весны забылась понемногу,
Устало солнце лета в небесах.
Вдали моя осенняя дорога
Теряется в заснеженных лесах.

Моей святой мечты чертог разрушен,
Зарыта в землю песня навсегда.
Я, словно двери, закрываю душу,
Но имя мне сияет, как звезда.

Цветами, что средь вьюги расцветают,
Мои стихи то имя воспевают.

26.

То день иль ночь? Я у окна стою.
От ожидания сердце истомилось.
Твоя рука согрела грудь мою,
Я благодарен ей за эту милость.

Любовь, любовь – какое счастье это!
И что за наказание она!
Шептал я имя, полное привета,
А ныне в сердце скорбь и тишина.

Теперь пространство обагрила кровь,
Мир полон чёрной злобой и враждою,
И там, где вечный свет лила любовь,
Теперь лишь ночь я вижу пред собою.

Мир полон злобы, ярости и лжи.
Любовь ушла, меня оставив жить.

27.

Твои глаза – как чёрные провалы,
Сжигающая страсть убила жизнь.
Судьба меня нещадно вопрошала:
– Зачем слеза в стихах твоих дрожит?

Дочь гор высоких, ныне горожанка,
Из чистоты свалившаяся в грязь,
Мне так тебя, погибнувшая, жалко,
Утратившая с Родиной связь.

Она не слышит голоса Отчизны,
Торгуя юным телом за гроши,
И расточая благо краткой жизни,
Она теряет таинство души.

Горянка, утонувшая в грязи,
Лишь вспомню – не могу сдержать слезы.

28.

Песню старинную спой мне сегодня, подруга.
Вспомни про нашу счастливую первую встречу.
Окна пошире открой, протяни свои руки
Яркому солнцу, рассветному солнцу навстречу!

Спой колыбельную песню, моя дорогая,
Чтоб наш любимый ребёнок уснул безмятежно,
Чтобы, когда над уснувшим чуть слышно склоняюсь,
Душу наполнили тихое счастье и нежность.

Спой мне сегодня, любимая, новую песню,
Чтобы рассыпались годы мои, словно чётки.
Я никогда не найду себе в будущем места,
Если меня невзначай ты разлюбишь за что-то.

Нежную песню пропой мне сегодня, подруга,
Песню любимой и самого близкого друга.

29.

Эхо от моей большой мечты
Слово исторгает на бумаге.
Чётки – словно мера красоты,
Чётки – словно молнии зигзаги.

Зёрна чёток – чистая любовь,
Что мою во тьме спасала душу,
Моего народа вечный зов,
Что не дал судьбе мой дар разрушить.

Ныне пребывают в темноте
Родина, судьба моя и песня.
Правды нет, и люди уж не те,
И мечта былая не воскреснет.

Чётки звёзд читаю, скорби полный,
Чётки мыслей – как зигзаги молний.

30.

В этой беспросветной тишине
Музыка пульсирует, как кровь.
О, Всевышний, как противен мне
Голос, убивающий любовь.

Стих мой тонок, как Сиратский мост,
Он подобен чувственной струне.
Я один внимаю песням звёзд,
Я один – и что осталось мне?

Что мне делать, мой тревожный стих,
Коль ломают недруги судьбу?
В этой битве как найти своих?
Кто услышит песню и мольбу?

Вижу – Дагестан покрыла тьма.
Горцы, горцы, вы сошли с ума...

31.

Язык аварский древний оскверняют
Наветом, грязной сплетней, клеветой.
Услышав речь нечистую, роняют
Перо поэты, подавляя стон.

На языке аварском благородном
Слагают оды всякому ворью.
Талант поэта на базаре продан,
И песни по дешёвке продают.

Али-Гаджи, Махмуд, Гамзат великий,
Величье ваше брошено, и вот –
Сегодня всяк бездарный и безликий
У власти просит званья и почёт.

Без званий был всегда самим собой
Расул Гамзатов, друг великий мой.

32.

Когда последний час настанет,
Придут родные и друзья,
Простят меня перед прощаньем,
И их прощу смиренно я.

Жизнь наша зеркалу подобна,
В ней всё наоборот порой.
Живых – нас притесняют злобно,
А мёртвых – помянут добром.

Благодарю судьбу за то я,
Что вместе бились мы в бою.
Я смысла смерти не раскрою,
Но не пойму и жизнь мою.

Цени, мой друг, тех, кто постиг
Короткой жизни каждый миг.

Перевёл с аварского Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Иван Юрьевич Голубничий – поэт, публицист, переводчик. Окончил Литературный институт им. Горького, работает в Московской городской организации Союза писателей России. Член Союза писателей России, Секретарь Правления Союза писателей России, Член Союза журналистов России, член Международной Федерации журналистов, действительный член Петровской Академии наук и искусств. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Заслуженный работник культуры Чеченской республики. Заслуженный работник культуры Республики Дагестан. Живёт в Москве.

Отец скажет, когда встретимся...

На сахалинской заставе, где после окончания Омского военно-медицинского училища служил отец, мы жили в бараке, занимая в нём не одну-две, как семьи других офицеров, а целых три комнаты.

– Нас четверо, а ещё медику нельзя без кабинета, вот почему у нас и квартира большая, – объясняла мне такую привилегию мама.

Отцов кабинет и был главной комнатой в нашей квартире. И меня в ней очень привлекало кресло с всяческими никелированными штучковинами и спинку которого можно было регулировать вплоть до положения лёжа, равняя с сиденьем. «Японцы забыли или бросили, как их с острова погнали!» – гордился креслом отец. Но даже мама без разрешения отца и ступить в кабинет опасалась. Здесь он принимал в свободное от службы время гражданское население заставы – преимущественно женщин.

– В санчасть твоего отца такое кресло не поставишь – женские болезни очень деликатные, а там служивый люд, неловко перед ним выпячиваться, – вздыхала мама.

– Так не все же выпячиваются, мама, – недоумевал я, потому что в кабинет посидеть в кресле приходили офицерские жёны и без животов. И чаще, чем с животами.

– Каждому овощу своё время! – смеялась мама и отсылала меня в мою и брата комнату – посмотреть, не проснулся ли Санька, не мокрые ли под ним пелёнки...

Третья комната была спальней родителей, но мама и отец называли её библиотекой. И правда, на фоне стеллажей по всем её стенам от пола до потолка, заставленных книгами, две сдвинутые вплотную железные койки с тумбочками у изголовий в углу за дверью как-то терялись.

Стеллажи для книг, и не только медицинских, соорудил заместитель отца в санчасти заставы старшина-санинструктор Степан. У него были золотые руки – умел всё. Даже почти настоящий конь в моей с братом комнате был его

Николай Васильевич Березовский – родился 24 июня 1951 г. на Сахалине в семье военного медика. После гибели отца воспитывался в интернате. Работал грузчиком, слесарем на заводе, буровым рабочим в геологоразведке, редактором на телевидении, корреспондентом в газетах. Среднюю школу окончил экстерном. Высшее образование получил на отделении прозы Литературного института Союза писателей СССР имени А.М. Горького. Первые рассказы и стихи опубликовал в конце шестидесятих годов прошлого века. Автор восьми прозаических, поэтических и публицистических книг, изданных в Москве и в Сибири; многочисленных публикаций в отечественной и зарубежной периодике. Победитель, лауреат и дипломант многих литературных премий и конкурсов. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Живёт в Омске.

работы. И стеллажи, и полозья под коня, чтобы конь качался, будто скачет, и коромысло, на каком мама носила с речки воду в вёдрах, прежде были оружейными ящиками, сбитыми из узких, но толстых досок. Эти-то доски, разобрав ящики, а затем состругав крепко вьезшуюся в дерево тёмно-зелёную краску, дядя Стёпа несколько дней кипятил на хоздворе в железной бочке, всё время закрытой брезентом. Я прибежал на хоздвор подбрасывать в костёр под бочкой, поставленной на кирпичи, полешки, наколотые специально для меня старшиной из поленьев, потому что поднять тогда полено мне было не по силам, и возвращался домой пропахшим дымом, измазанным сажей и с липкими от смолы и в занозах руками. И мама, сначала отмыв меня, вооружалась иголкой, чтобы легче было вытащить занозы, и непременно спрашивала:

– И что, кочегар, сварились ваши доски?

Обращение «кочегар», как позже и «первоклассник», я воспринимал, как высокое звание и, гордясь им, но спрятав руки, строго наставлял маму услышанным мной от дяди Стёпы:

– Мама, доски не варят – запаривают.

– Надо же – запаривают! – удивлялась мама, точно забыв, что я уже рассказывал о запаривании досок. – А зачем запаривают?

– А чтобы не разломались, когда дядя Стёпа их гнуть станет...

– А зачем Степану доски гнуть?

– А чтоб коромысло новое тебе, как просила, смастрячить, а мне лыжи – зима скоро...

– Да не «смастрячить», Коля, а – сделать, сладить, смастерить, наконец...

– Ну, не смастрячить, – нехотя соглашался я, потому что это слово нравилось мне больше, чем слова правильные.

– Опять «ну»? Ты что, без этого слова-паразита обойтись не можешь? Сколько раз тебе говорить – нукать некрасиво! – сердилась мама.

– А дядя Стёпа, вон, и другие, как лошадь запрягут, всегда на неё нукают, чтоб пошла, – перечил я.

– Так это на лошадь, а не просто так. Даже в народе говорят: не нукай – не запрягал. Понял теперь, почему «ну» говорить нельзя? – допытывалась мама.

– Ага, понял, – кивал я, и мама вновь сердилась, но уже молча, на моё «ага», нравящееся мне тем, что оно и задом наперёд оставалось одинаковым. Так нравилось, что я даже игровой стишок про гусей, хотевших есть, но забоявшихся волка, точащего на них зубы, с которым не только впервые выступил в клубе заставы, но и сценически представил всех его персонажей, немного переиначил. Гуси у меня «ага-ага» кричали, а не «га-га-га», как в этой детской забаве. И всем такое переиначивание очень понравилось – мне хлоппали дольше и громче, чем другим. А отец и вовсе после концерта подивился:

– А с чего это, сын, ты палиндромами заговорил?

– Какими «палиндромами»? – едва выговорил я вслед за ним совершенно незнакомое мне, как отцу китайская грамота, слово.

– Как какими? – да вот этими: «ага, ага», когда по тексту везде – «га-га-га». А «ага», пусть и междометие, и есть палиндром, потому что одинаково читается слева направо и справа налево. Перевертыш, если просто. Может, ты и другие палиндромы знаешь?

Я очень заинтересовался словами-перевертышами, но новых палиндромов, кроме «ага», в голове не нашлось.

– Тогда и не «агакай», коли других не знаешь. А я уж обрадовался: в словотворчество сына потянуло – по нашим стопам пойдёт... – расстроился отец.

Под «нашими стопами», знал я уже, он подразумевал себя и своего дядю, а мне деда – сродного брата отцова отца, умершего вскоре после моего рождения. И когда мы пару раз ездили отдыхать на Чёрное море, то обязательно задерживались в Москве, чтобы поклониться его могиле на одном из столичных кладбищ.

– Вот, – говорил отец, поклонившись, а затем и выпив за помин души дяди чекушку прямо из горлышка, – его нет, а книги, им написанные, живут. Да как живут – Мао Цзэдун ими зачитывается!

– Может, Вася, твоих родственников московских всё же навестим? – спрашивала мама отца, когда мы уходили с кладбища, богатого склепами и фигурными памятниками из камня. – Не случилось ли у них нехорошее что? Вон, какой могила неухоженной была – полдня прибирали. Да и неудобно, если узнают, что ты был в Москве, а не проведаль. Обидятся ещё...

– Не обидятся, – хмурился отец. – Да и какой я им родственник? – так, сбоку припёка, а что до могилы – некогда им. Они наследство дяди моего всё не могут поделить! Им и не до нас...

– Вася, да ты-то откуда это знаешь? – не теряла надежды мама.

– Раз говорю – значит, знаю! – ставил точку этому разговору отец.

Для книг нашего родственника, самого любимого, рассказывал отец, русского писателя вождя китайского народа, в комнате родителей была выделена даже отдельная полка, саморучно, а не санинструктором Степаном, сбитая отцом. И иногда он снимал с неё и давал мне посмотреть самую толстую из книг – с грозной на обложке тёткой, совершенно не похожей на русскую и вооружённую винтовкой, и страницами, испещрёнными странными знаками.

– Это иероглифы – китайские буквы, – объяснял отец. – И захочешь – не прочтёшь, – возвращал китайскую книгу на полку. – А деда на русском языке тебе и смотреть пока рано. Лучше, давай, я тебе что-нибудь из своего нового прочту, – на мгновение задумываясь он, прикидывая, наверное, какое из его стихотворений будет понятно мне, ребёнку, и читал что-нибудь, как сейчас выражаются, типа «пусть Трумэны знают – Россию советскую им не подмять!». – Гарри Трумэн – это нынешний американский президент, – пояснял он.

Но мог и не пояснять, потому что главного империалиста планеты я знал даже в лицо. Его, противного и злобствующего старичка в цилиндре и с дымящейся сигарой в гнилых зубах, рисовали в сахалинских газетах, где иногда печатали заметки отца о событиях на нашей заставе и его стихи. О заметках не помню, а публикациям стихов он радовался так, что даже мама уставала от его радости: «Вася, ты совсем мне голову закружишь! Опустит, наконец, меня на пол, Вася...»

Свои стихи в газетах отец хранил в красной папке с толстыми корочками и надписью, вытесненной на лицевой, – «К докладу». И большинство из них я растерял в детстве, хвастаясь перед ребятами, что мой отец был не только военным врачом, но и – поэтом.

– Может, и меня когда на китайский язык переведут, – гладил отец, поставив на полку, корешок книги нашего знаменитого родственника-писателя. Иероглифы и вспомнились мне, когда отца расстроила моя тупость в палиндромах, и я вновь «агакнул», уже защищаясь:

– Ага, не знаю... А ты, папа, знаешь?

– Да сколько душе твоей угодно, – воодушевился отец. – Казак, наган, поп, шиш, кабак, шабаш...

– Шалаш! – заорал я, вдруг озарённый точно слетевшей со стены в нашей кухне к моим глазам репродукцией картины с дедушкой Лениным, читающим книгу у шалаша. Слово «шалаша» было и в названии картины, набранном внизу крупным шрифтом, но без последней буквы, выжженной отлетевшей от спички, когда отец прикуривал, серой, и теперь, подпорченное, оно само собой преобразилось в палиндром, потому что одинаково смотрелось и с начала, и с конца. И звучало почти так же, как палиндром «шабаш», произнесённый отцом, – с разницей всего лишь в одну букву посерединке. А буквы я уже знал. – Шалаш!

Отец если и поразился прорезавшемуся во мне таланту на палиндромы, но не подал вида.

– Что ж, тогда продолжай «агакать», палиндромист, – разрешил он, и мама, никогда отцу не перечившая, а его решения всегда считавшая окончательными, терпела мои «ага». Почему и в этот раз не попрекнула меня за «агаканье». И, выковыряв иголкой последнюю занозу, вдруг удивилась:

– Надо же, а я раньше и не подумала. Чехов ведь не только писатель – и медик, и сахалинец, считай, как твой отец, Коля! Медицина, писал он, мне жена, а литература – любовница. А я тогда кто Васе? – спросила уже у самой себя...

Медицину отец любил, но поэзию боготворил, и я однажды услышал, как он, порадовавшись очередной публикации своих стихотворений, сказал маме с горечью: «Знаешь, Зина, эти стихи совсем по-другому звучали бы, следуй за именем автора через запятую не «ст. лейтенант медслужбы», а просто – поэт! Или, ещё лучше, и вовсе без пояснения – имя и фамилия, и всё. Пушкина, вон, Маяковского или Твардовского представлять нет нужды. Все знают – поэты!»

Не помню, что ответила ему мама, да через годы, уже больная, но ещё не сваленная с ног диабетом, она расплакалась, прибирая могилу отца на Старо-Северном кладбище Омска:

– Это Макар Макарович Васю с панталыку сбил. Не сбил бы – Вася на нас сейчас не с фотографии смотрел!

– Чем он мог сбить отца, как? – удивился я, потому что мама, если вспоминала когда предшественника отца на должности начальника санчасти, уволенного из армии за пристрастие к алкоголю, всегда отзывалась о нём хорошо. С острова он не уехал, устроился врачом в больницу недалёкого от заставы райцентра, а поскольку тоже писал стихи, они просто не могли не встретиться, а затем и подружиться.

– Поэзией этой, – промакнула мама глаза салфеткой, которой только что протёрла портрет отца на памятнике. – Дар слова, твердил он Васе, у него от природы, а стихосложение хромает. Техники, говорил, не хватает. Учиться, мол, надо. Будто Вася не учился! У него этих книг по поэзии больше было, чем медицинских... Вася и послал свои стихи, как Макар Макарович научил, в институт этот, где на поэтов учат. Литературный – так, кажется, называется... А потом, как позвали, полетел и экзамены сдавать. Тебе тогда три годика вот-вот должно было исполниться, лето разгорается, а я уже Саньку носила – в ноябре родился. Вернулся Вася – лица на нём нет. На экзаменах, говорит, завалили. И не потому, что не знал что-то, – установку такую, разведал, дали насчёт тех, кто из армии поступает заочно учиться. Вася и помчался к главному начальнику этого института разбираться. Выпил, конечно. А разобрались с ним – в комендатуру сдали! – уже не заплакала – почти разревелась мама.

И я вслед за ней едва в слёзы не ударился, представив разъярённого несправедливостью отца в кабинете ректора, а в кутузке военной комендатуры впавшего в отчаянье:

– И что, мама?

– Обошлось, – улыбнулась она сквозь слёзы. – Комендант тоже поэтом оказался...

– Что же тогда ревёшь?

– А за Васю радуюсь – мир не без добрых людей...

– А Макарыч разве не добрым был, мама?

– Добрым.

– Вот, мама, и Макарыч добрый, а ты на него грешишь: с панталыку отца сбил!

– Не грешу, правда это. Не Макар Макарович если, Вася в поэты бы не рвался. А он его нет, чтобы утешить, ещё и подстегнул, как про экзамены узнал. Хрущ это, сказал, гайки закручивает. И не военных Москва боится, сказал, – поэтов! А Вася и грудь колесом выставил: как же, поэт! Его и под хрущёвскую демобилизацию из армии за стихи подвели. «Сокращают армию, бьют, как по рукам, а вот как без армии жить фронтовикам?» – процитировала она и перекрестилась на фотографию отца: – Прости меня, Вася...

Но я, пусть и молча, с мамой не согласился. Отец заболел стихами задолго до Сахалина – ещё в училище, если не раньше. И вместе с тремя закадычными курсантами-одноклассниками, об одном из которых я напишу, «земную жизнь пройдя до половины», заметки к роману «Скиталец с берёзовой дудкой усталой, или Безумец с тусклою свечой», был завсегдатаем литературного объединения при газете «Омская правда» и почти автором «Омского альманаха», выходявшего даже в годы Великой Отечественной войны и публиковавшего поэзию, прозу и произведения в прочих жанрах. Почти автором – потому что в папке «Запас» этого издания ждала своего часа пара его стихотворений, так и не перекочевавших под обложку другой – «В номер!»

– Тогда отец твой ещё курсантом был, и мы уже расписаться готовились, – вспоминала мама. – И Вася очень надеялся, что к свадьбе-то его в альманахе и напечатают. Предчувствую, мол, радовался загодя. Не напечатали... Я ему тогда и говорю: Вася, да не майся ты так, возьми и пошли стихи дядьке своему. Он, вон, какой знаменитый: враз и твоё напечатают! А Вася так глянул на меня – пришибёт, испугалась. Я, взвился, никогда попрошаем не был и не буду! Да и, мол, через дядьку или не дядьку свои стихи пропихивать – это как подножку подставить или в карман залезть тем, кто, может, лучше пишет. И войну вспомнил, когда его дядю-писателя в Омск эвакуировали. Мы и в войну, говорит мне, никогда ничего у него не просили, а если он спрашивал, не помочь ли деньгами, карточкой на спецпаёк, мы ввали – не нуждаемся. За стол пригласит – меньше всех других, перемога себя, ели...

– А кто это «мы», мама, ввали?

– Да Вася с Гошей, братом его меньшим, и мама их, бабушка Маня твоя любимая, вот кто. Ты что, дядю Гошу забыл, в геологоразведке своей пропавшего, когда мы уже давно с острова в Омск вернулись? – посмотрела на меня, как испугавшись, мама.

– Не забыл, – сказал я, чувствуя, что краснею.

– Слава Богу! – перекрестила теперь мама меня, а не фотографию отца на памятнике. – А ещё Мария Семёновна, бабушка Маня твоя, чтобы родственник знаменитый не подумал, что ему врут, от детей своих полуголодных

отрывала, а ему гостинцы несла, как огород начинался. Лук, редиску, огурцы, помидоры, морковь потом, картошку, другое что, зимой – соленья. Вот, мол, как сытно живём! А старшие её сыны, Иван с Николаем и Александром, Вася рассказывал, с фронтов писали: «Теперь мы за вас спокойны – дядька не даст вам пропасть. Подсобит, если что...». А отец их всех, Василий Петрович, так и не узнал, что его брат сродный пусть временно, да в Омске оказался. Он первым погиб. «Москву защищая!» – всегда гордился Вася. Вот каким твой отец был, Коля!

– Мама, а ты мне в детстве, как отца не стало, говорила, и не раз, что он никогда не лгал, – вспомнил давнее и я. – А как же тогда – «не нуждаемся»?

– И сейчас скажу: никогда не лгал! – вскинулась на эти мои слова мама. Врёт тот, кто не по совести живёт: в золоте купается, а на людях приbedняется, говорила твоя баба Маня...

Может, и я не врал, когда, после похорон отца устроенный мамой в школу-интернат, хвалился перед сверстниками, что мой отец был врачом, хотя, на самом деле, – фельдшером. И много позже внушал умирающему от рака брату Саше, что он идёт на поправку, – по нему, мол, видно, да и врачи сказали. А врачи сказали мне совсем другое. А ещё...

Но жил ли я не по лжи – об этом мне скажет отец, когда мы встретимся. Он всегда говорил правду, знаю я не только со слов мамы, – помню и по себе с барака на сахалинской заставе...

Хроники Чёрного Глаза

Ты помнишь, мы были детьми?.. Ведь были же... Хотя с каждым годом всё труднее в это верить. По крайней мере – мне.

Попробую поколдовать над твоим настроением, если позволишь. В такую погоду, как сейчас за окном, оно всегда становилось у тебя неважнецким, расхлябанным, и ты состраивал неподражаемую мину, будто тужишься. Поначалу я хихикал, подтрунивал, но потом поневоле заражался твоим детским превью взрослого байронизма. И ещё, ты всегда любил большие числа и пространные рассуждения...

Башковитые учёные подсчитали, что в человеческом теле что-то около 75 триллионов клеток. В одной только капле крови их четверть миллиона. Интересно, как они всё это вычислили?

Метафизики пошли дальше. Они объявили, что каждая клетка в нашем теле обладает своими индивидуальными мыслями, чувствами, стремлениями – а значит, душой. Выходит, душа человеческая – это суммарные 75 триллионов малюсеньких душ (душек? душечек? душиц?..).

Каждые 7 лет наш организм полностью обновляется. Погибают старые клетки, рождаются новые. Получается, каждые 7 лет в нас, клетка за клеткой, умирает наша прежняя душа... Совсем не удивительно, что мы с каким-то затаённым сомнением относимся к воспоминаниям о своём детстве. Порой не так уж легко поверить, что всё это было именно с нами. Ведь та детская душа, что жила в нас – уже угасла, отлетела в иные миры. Может, наше прошлое – это то, что нам снится? Мы перестали существовать и мним себя живыми только потому, что снимся кому-то ещё, кому-то другим... тем, кто уже не *мы прежние?*..

Нет, я вряд ли, пускаясь в эти спорные рассуждения, подниму тебе настроение. Прости за несбыточный аванс. Да и надо ли поднимать? С чего взял, что надо? И разве ты просишь? Но мне необходимо это сейчас почему-то... Прекращу свой мысленный гундёж – и на раз сцапает загребущей

Игорь Анатольевич Удачин – родился 16 июля 1978 г. в городе Москве. В 2000 г. окончил МГУ ПС. В 2003 г. распалась рок-группа «Испепелённый», лидером, автором концепции, текстовиком и ритм-гитаристом которой являлся Игорь. В декабре 2009 г. вышла дебютная книга Игоря Удачина «Встретимся в Эмпиреях. Ковчег», в которую вошли одновременно два романа. В 2011 г. – Игорь Удачин участник II Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (роман «Встретимся в Эмпиреях» в номинации «Большая проза»). Автор романа-трилогии «Целлофановые сердца», сборника рассказов «Неудачники XXI века».

Живёт в Москве.

когтистой лапой безбрежная ипохондрия, заставит отпустить воспоминания, отказаться от которых было бы жаль.

Если детство – это *умершие мы...* если *тех нас* больше нет... если мы только снимся кому-то другим... то зачем, спросишь ты, вообще ломать над всем этим голову и травить себя ностальгией по безвозвратно минувшему?

Честно – не знаю. У меня нет ответа на вопрос.

Я просто *это* вижу. Мысленно осязаю каждый предмет, который дышал когда-то нашим с тобой присутствием, ощущаю каждый запах, каждое неповторимое движение. Всё *это* живёт и толкается ручками-ножками во мне. Просится, запертое, наружу. Словно я роженица. Словно женщина. У меня впервые такие несообразные ассоциации. И возникают они, видимо, из-за желаний попытаться понять тебя... Я не постигаю, что с *этим* делать, как *это* унять. И потому завёл с тобой телепатическую игру в ностальгию, даже если игру безответную. Хочется распахнуть грудную клетку, проветрить душу, навести внутри своего микрокосмоса хоть какое-то подобие порядка. Так что не ради тебя я так несуразно словоохотлив и вычурно смешон. Больше – ради себя. Вот... Я уже и сам запутался в мотивах. Ладно, бог с ним. Но ты же меня выслушаешь, правда?

Помнишь ту детскую коляску без шасси, доверху наполненную игрушками, что стояла в углу моей комнаты? О, этот удивительный клондайк! Переломившись пополам через борт люльки, мы вели свои счастливые раскопки, сортируя солдатиков к солдатикам, машинки к машинкам, а шарики и кубики к шарикам с кубиками. Какая редкостная сосредоточенность владела нами! Нам казалось, в наше ведение попали все Сокровища Мира. А может, так оно и было на самом деле?

С той демонтированной коляски и нашего радостного копошения в её содержимом берут начало мои первые воспоминания о тебе. Впрочем, и о себе тоже.

Помнишь нашего главного заклятого врага из детства? Мы называли его Чёрный Глаз... Ведь помнишь, правда? Для меня это второе по очерёдности раннее воспоминание. Я, как сейчас, вижу эту картину: наш договор, создание коалиции, объявление войны Чёрному Глазу.

Было не принято, чтобы свет горел по всему дому. Электричество экономили. Так же бережливо относились и к воде, и к еде, и к вещам. Нас так приучали старшие. Не из-за мещанского копейничества, а в пику духу потребительства, который в полной мере воцарил повсюду ныне. Переходя из комнаты в комнату, мы машинально щёлкали за собой выключателями, даже если через минуту нам предстояло вернуться обратно. А в коридоре свет зажигался и вовсе в самых редких случаях – когда приходили гости и их дружно встречали в дверях, принимали у них пальто и наделяли тапочками. В гости ходили непременно целыми семьями. Квартира стряхивала с себя сонливость и начинала дышать шумливым задором, перемежающимся с взволнованной неуклюжестью всех по отношению ко всем. Это были самые праздничные, самые яркие моменты. В остальное время – в коридоре не возникало дел, требующих зрительного напряжения, и поэтому коридор всегда был привычно мрачен. Его мы и выбрали в качестве полигона для своих игр.

У детей по отношению к чёрному цвету устойчивые ассоциации с загадочным злом, с которым нужно бороться. «В чёрном, чёрном городе, на чёрной, чёрной улице, в чёрном, чёрном доме жил чёрный, чёрный человек» (как

популярны были страшилки подобного рода!)... Вот и Глазу достался этот характерный эпитет, хотя на фоне чёрной двери и тёмного коридора он, наоборот, представлял светлым ярким пятнышком, маленьким солнцем, заглядывающим в нашу (твою или мою – они были одинаковой планировки) скучную квартиру с лестничной площадки. Но для нас, детей, он сравнительно ненадолго, но достаточно обстоятельно превратился в жупел, обобщённый образ всего зла и лиходейства, подстерегающий тебя и меня в малоизвестном, сулящем множество приключений мире.

Мы, маленькие разведчики-диверсанты, ползли, собирая брюхом пыль с самого длинного и узкого ковра в квартире. В коридор рыжей трапецией ударял просвет из большой комнаты, где бабушка лузгала семечки или вязала нам шерстяные носки с узором. Нужно было ею незамеченными проползти дальше, сократить расстояние, разделяющее нас с Чёрным Глазом, и пулнуть во вражину гранату (мягкую игрушку) или расстрелять исподнизу и почти в упор из воображаемого автомата. Пробирались мы поочередно. Кто-то один обязательно прикрывал второго. Куда ж *боевым товарищам* без взаимовыручки! Это всегда был неравный героический бой, и ещё очень долго, взахлёб, нами обсуждался после окончания. Бабушка, сама того не ведая, подыгрывала тёмным силам по нашей задумке. Ведь от живого человека прятаться завсегда сложнее, чем от сфантазированного, покорно подчиняющегося твоему замыслу персонажа.

Так зародилась наша дружба. С полуразвинченной коляски. С непримиримой войнушки против Чёрного Глаза. Всё своё драгоценное «оружие», способное нанести Глазу ощутимый урон, мы в этой коляске как раз и хранили. Потом её выбросили на свалку. Вместе со всем чудесным содержимым. Она мешала, портила интерьер. Мне было объявлено, что я уже не детсадовский ребёнок – и в том углу комнаты поставили мой первый письменный стол. Помню, было модно накрывать такие столы большим прямоугольным отрезом оргстекла под размер столешницы. Под оргстекло подкладывалась политическая карта мира, а на остававшемся незанятым Г-образном участке – вырезки из газет про героев американских боевиков, разные списочки, подборки полезных сведений, гербарии, гороскопы и каракули-напоминалки: куда и когда сходить, и что сделать. Одно время у меня под таким стеклом лежала расплюснутая мумия ящерицы. Погибла она то ли по своей, то ли, что более вероятно, по моей неосмотрительности. Её плоский, как кусочек картона, трупик отыскан в пылесборном мешке пылесоса. Я очень трогательно относился к этому необычному артефакту. И несказанно любил им кого-нибудь пострасать.

Чёрный Глаз постепенно уходил из наших игр. По-другому быть не могло. Взрослели мы медленно и неохотно – но взрослели же, никуда не денешься. Река способна течь лишь в одну сторону. И тем не менее, мне порой кажется, Чёрный Глаз всё это время продолжал наблюдать за нами и фиксировать все наши проделки и жизненные повороты в своём тайном реестре. Я и вправду верю, что вся наша жизнь до последней мелочи где-то записана. Ведь ничто не происходит просто так, у всего должен быть смысл, и гибель бабочки в прошлом, чёрт подери, действительно изменяет мир будущего... Сейчас у моего маленького сына совсем другие игры. Зло, с которым он борется, живёт исключительно в компьютерных стрелялках. А Чёрный Глаз для него – не больше чем обыкновенный дверной глазок. Да и свет в коридоре у нас почти всегда включён, а на глазке – заслонка... Жаль, что у тебя никогда не будет

детей. Наши мальчишки могли бы дружить, как когда-то дружили мы. Мне это, веришь, даже снится по ночам...

Позже нас увлекла новая забава. Мы называли её «давать концертики». Может, твоя артистичность, присущий тебе эпатаж – родом из тех времён? Ты, конечно, помнишь убийственно скрипящий диван моих родителей и тот старомодный ковёр на стене, пёстро-бордовой расцветки. Мы поочередно забирались на диван и, расхаживая на фоне ковра, как по сцене, давали друг другу экзальтированные представления. Сочиняли нелепые истории, разыгрывали что-то в лицах, высоко скакали и смешно, делая сами себе подножки, падали. Если развеселить словами получалось не всегда, то падения работали безотказно. Глупые взрослые со временем забывают, как вырабатывать эндорфин, гормон радости. Но дети, не задумываясь, умеют дурачиться, как дышать. Секрет нам был открыт, и это было здорово.

Стараясь разнообразить программу наших «концертиков», мы из раза в раз повышали градус озорства, выдумывали что-то новенькое. Было решено, например, что «с переодеваниями» станет ещё веселее. Вживаясь в роли, нахлобучивали на себя отцовские шапки, укутывались в бабушкины шерстяные платки. А однажды, когда мы остались в доме одни, без присмотра, ты додумался натянуть на себя колготки моей матери. Признай, это был перебор. Меня твой поступок неосознанно обидел. Мы, кажется, впервые сильно повздорили и «давать концертики» после того случая перестали.

А помнишь, мы играли в «ресторан» и пожарили яичницу с дольками банана? Нам казалось: раз бананы вкусные, то и яичница с ними получится высший класс. Потом, после пробы, она, конечно, заслуженно проследовала в мусорное ведро, а мы хлопали глазами и совершенно не понимали, в чём наш просчёт. Поваришки из нас, чего уж там, вышли не ахти.

Невозможно забыть дворовые качели... Это сейчас, как ни пройдёшь мимо, качели на детских площадках почему-то всегда узурпированы шпаной, хлещущей пиво. А тогда качели были для нас, и только для нас. Повзрослевшие ребята стыдились на них претендовать. Неопишное, напаивающее жизнью блаженство раскачаться на качелях в полную силу! Никакой современный аттракцион не сравнится с этим ощущением. Ведь на аттракционе ты от начала до конца охранён, пристёгнут, схвачен удавкой безопасности. А на дворовых качелях, достигнув нужной амплитуды, ты имеешь сладостную возможность спрыгнуть и секунды две-три, пока не приземлишься на корточки, провести в свободном, как птица, полёте! Счастливо задыхаясь, ты бежишь обратно, раскачиваешься и повторяешь трюк снова, снова и снова... Для остроты ощущений, иногда, когда кто-то один раскачивался, второй прицельно закидывал его репейниковыми колючками или ссохшимися комочками песка, разрывавшимися от удара в облачка пыльной взвеси, как всамделишные бомбочки.

Сколько ещё было разных забав, которые успели отжить всего-то за поколение. Бои на столе бумажными раскрашенными машинками, игры в пробки от одеколонной тары, во вкладыши из жвачек, в проволочных солдатиков, целые армии которых мы плели своими, испещрёнными мелкими ранками, детскими пальчиками, – всего не перечислить, а многое и забылось уже. Напрасно считается, что у стариков дырявая память, все виды склероза и прочие беды с мозгами. Перед стариками, мне кажется, как раз и открывается вся прожитая жизнь в самых неожиданных и трогательных ракурсах, детство им помнится ярче, чем вчерашний день. А вот мы, тридцати-, тридцатипяти-, сорокалетние – прожили меньше, но и помним хуже. А если помним,

то совсем не то, что стоило бы... Люблю твоих родителей (коль уж заговорили о стариках) – тётя Таню и дядя Даню – и за многое им благодарен, ибо большую часть детства провёл в вашем доме. Но, к своему стыду, не знаю, в каких числах у них дни рождения, и никогда не поздравляю. А сам-то ты помнишь, поздравляешь?.. Ой ли. Да чего уж там, мы с тобой оба такие, интровертные сухари, эгоисты. Только могила нас, горбатых, исправит...

А те зимы из детства? Тогда ещё они были по-настоящему морозные, сияющие чистотой, не то что нынешние, слякотно-будничные. Теперь, в Новый год, я всегда чем-то подспудно недоволен и раздражителен из-за всей этой праздничной суеты. Мне хочется закрыть глаза и оказаться совсем в другом месте. А тогда, поверишь, такого со мной не было. Жизнь пестрела счастливыми красками, и всё самое лучшее мерещилось впереди, а не выискивалось на задворках вчерашнего дня. Больше всего меня пугает, что мой пацан, мой Славка, замечает во мне эту потухшую искру любви к жизни, моё малодушное враньё. У меня в его возрасте по крайней мере был ты...

Многие считали нас чудиками. Мы не умели обзаводиться друзьями и потому так ценили нашу дружбу. Нас без причины могли поколотить ребята из твоего или моего двора, а мы не умели дать должный отпор. В то время, как сверстники играли в настоящие мальчишечьи игры, с погонями и сражениями до синяков и переломов, – мы, отдыхая от качелей, собирали на улице гусениц, а дома наблюдали за их окукливанием. Развесив куколки на стеблях комнатных цветов, выводили на подоконнике бабочек. Вообще, всё живое и доступное для исследования представляло для нас деятельный интерес. Мы ловили мальков в пруду, чтобы переселить их в другой, безрыбий. Собирали каких-то жуков, пауков и неизвестно чьи личинки. Одно время, выезжая на тётину дачу, пристрастились к охоте на ящериц. Нам казалась чудом из чудес их способность оставить прижатый хвост и, укоротившись впополам, убежать на волю. Эти трофейные хвосты мы собирали и нанизывали на нитку. У каждого было своё ожерелье из ящериних хвостов. Мы с гордостью носили их на своих детских шеях, вместо крестиков, когда проводили время вдвоём, без надзирающих взоров. Нашим любимым писателем был Джеральд Даррелл! И оттого, что читали пока по слогам и с большими запинками, восторг от даррелловского мира ни в коей мере не умаялся.

Необычные интересы, – и мы были вынуждены их стесняться, не выставлять напоказ. Не припомню, чтобы в то время кто-то употреблял слова «чмо» или «лох». Кажется, они вошли в обиход несколько позже. Но, по ощущению, именно в таком незавидном качестве нас воспринимали шумные, задиристые, неоправданно жестокие сверстники. Пройдут годы, и они превратятся в затюканных работяг, боящихся выдать из себя малейший писк наперекор самодурствующему начальству, а мы с тобой станем представителями «креативного класса», называемыми их «хомячками». Кто бы мог подумать тогда...

У нас даже был свой план по захвату Мира! Сложно вспомнить, в чём он заключался, – но ведь был же... Наверное, вскоре нашим грандиозным задумкам подставило ножку проснувшееся либидо. Лично я очень остро почувствовал в какой-то момент свой интерес к девочкам. Ах, та рыжая однокласска Юлька Маринина, боже... Я никогда не смел её не то что поцеловать, но даже дольше двух секунд подержать её руку в своей руке. Дольше секунды – позволить себе встретиться с ней взглядами. Был случай, когда ей навязали что-то вроде шефства надо мной, подтягивания по учёбе. С ведома учителей, её и моих родителей, она пришла ко мне домой. Мы сидели, закрывшись в

комнате, взаправду над учебниками. А потом я устал заниматься, и она тоже устала. Я включил телевизор. Показывали вполне пристойное советское кино, из категории «для юношества». Там была красивая девочка, которая явно нравилась главному герою, комсомольцу. В общем, замаячил любовный мотив. Моя Юля Маринина интуитивно уловила момент неловкости совместного просмотра фильма и на самом интересном месте решила собрать учебники и откланяться. Я проводил её до порога, а сам, толком не понимая, что со мной происходит, на всех парах понёсся в ванную... Стоит ли об этом распространяться?..

Годы моего полового созревания совпали с периодом наиболее агрессивной пропаганды так называемого «свободного» образа жизни и прочих манипуляций на тему гендерных отношений. Тогда вдруг стало модным всё нетрадиционное, выходящее за рамки общепринятых норм и правил. Это сейчас я понимаю, что так *кто-то сверху* ломал через колено менталитет народа, жившего в нашей стране. Ставка делалась на молодёжь. Молодёжь революционна по своей сути. Протест для неё – как гормон роста. Дети должны вырасти, таков закон жизни. Не протестуя, они не вырастут, а это уже угроза важному закону. Вот как хитро-замкнуто и как будто логично получается. Но ведь немалозначима и форма протеста. Как же много сейчас видится мне опасного и обидного лукавства в том, что именно на плечи моего поколения возложили задачу совершения сексуальной революции. Мы были как в дурмане. Всё более явно навязывалось, внушалось, что уже недостаточно протеста посредством приверженности к музыкальной контркультуре. Отныне эпатировать следует не одеждой и не музыкальными пристрастиями, а своим сексуальным поведением. И вот тут-то уж все увидят, «продвинутый» ты, или «колхозник»...

До самого школьного выпуска и даже позже – у меня не было пары. Я попросту стеснялся пригласить на свидание понравившуюся мне девушку, не находил для подобного поступка правильных естественных слов. Я ждал большей решительности со стороны представительниц прекрасного пола, надеялся, что кому-то сердце обязательно подскажет не пройти мимо, отметить меня в общем ряду. Но по всему выходило, зря раскатывал губу. А когда включал дома по вечерам телевизор, по всем каналам без перебора штурмовали сознание сюжеты о сексе, о ни к чему не обязывающих отношениях. Теперь-то нет никакой загадки, какие комплексы всё это порождало. В телевизоре было одно, а в жизни обыкновенные люди не умели сломать в себе барьеры и перестроиться, только ещё сильнее закрепощались, считая постыдным применять на практике полученные *телезнания*. Было и взаправду непонятно: то ли над нами всеми насмеваются, то ли мы по собственной косности такие кондовые, неисправимые и попросту лишние на новом, будоражащем празднике жизни. Взрослые возмущённо и до хрипоты спорили под водочку на кухнях, а мы, стеснительные недоросли, пребывали в прострации, один на один разбираясь с угадыванием своего места в жизни, с окопесцей в мозгах и невнятными зовами плоти.

Копаясь в себе, я выжидал. И очень мучился от своего ожидания. Одно время я даже, как пришибленный, начал склоняться к щекотливой версии: если у меня не клеится с девчонками, – может, я гей?.. Впрочем, пазл не складывался. Парни меня не привлекали. К этому выводу после долгой душевной вивисекции я пришёл с облегчением. Но толку-то, если подкрепить практикой это знание о себе по-прежнему не представлялось

варианта? Я пребывал в подвешенном состоянии. Чувствовал себя одиноким и несчастным.

Тебе интересно слушать все эти мои душеизлияния?.. Если и не очень, то как минимум они для тебя новы. Ведь как раз в том возрасте мы уже начали отдаляться друг от друга. Умерла бабушка, выполнявшая при жизни роль самой главной и вразумительной родственной скрепы между нашими семьями. Твои родители постоянно выдёргивали тебя в поездки на новопробретённый дачный участок за городом, где с особым фанатизмом, присущим кризису среднего возраста, постоянно что-то сажали, пололи, мастерили, облагораживали – и иметь в помощниках единственного любимого сына было обязательным условием нескончаемого и увлекательного для них проекта. Насколько знаю, для них стало большим потрясением то, как ты распорядился этой дачей годы спустя. Тогда, помню, ты вечно стал пропадать там. Пусть тебя и угнетала эта дачная кабала, но ты хотя бы проводил время на свежем воздухе, в непосредственной близости от леса и водоёма. У моих родителей дачи не было, зато была заезженная пластинка про то, как я должен хорошо учиться, чтобы выбиться в люди, стать эдаким интеллигентом «в первом поколении». Ради их спокойствия мне приходилось днями напролёт просиживать над учебниками. Даже если у меня всё было сделано, они не особо охотно этому верили, и мне ничего не оставалось, как продолжать сидеть за столом и изображать учебный процесс. В конце концов, я и сам к этому привык и не сопротивлялся – ведь, сказать по правде: улице, без твоей компании, меня всё равно нечем было выманить. Убивая время за письменным столом, глядя в окно, мир я стал воспринимать намного уютнее, безопаснее и добрее. Я был предоставлен своим мечтам и сочинению разных невероятных историй, которые исправно записывал в тетрадки в клетку. Я не пропускал клетку, как поступает большинство, а писал на каждой строке – мелким, но разборчивым почерком. Я был плодовит, и таких тетрадок, помнится, набралась целая стопка. Они, конечно, не сохранились.

Я и сам не заметил, как оформился в патологического домоседа. К тому времени, когда тебе всё же удалось избавиться от дачного ига, мы уже почему-то не смогли общаться как раньше. Ко всему прочему, у тебя, откуда ни возьмись, появились новые друзья. Мне они показались странными, какими-то взбалмошными и развязными. Мне не нравилась их тактильность: эта дурацкая манера вторгаться в чужое интимное пространство, постоянно дотрагиваться до собеседника или даже приобнимать при разговоре. Да и разговоры их мне тоже не нравились. В общем, я не сумел влиться в ваш круг. Я сосредоточился на подготовке к поступлению в ВУЗ. Потом – на получении красного диплома. Потом – на моей первой работе. Потом – на увлечённости девушкой, которая впоследствии стала моей супругой и родила мне сына. Потом снова, с усилившимся рвением – на карьере. Ведь отныне я должен был кормить семью. Назад я больше не оглядывался, о тебе почти не вспоминал, каждый пошёл своей дорогой по жизни. Разве что два раза в год, на дни рождения, мы могли с тобой созвониться и, в довесок к незатейливому набору поздравительных слов, обменяться не самыми важными новостями. Детство кончилось, и мы сделали вид, что его будто и не было. Потому что если мысленно вернуться в него, мы уже не узнаем и не поймём *тех себя*. *Тех нас* больше не существует, а чего больше нет, с тем можно не считаться, верно?.. Когда-то каждый новый день был для нас событием, удивительной игрой, за каждой дверью пряталась сказка, а из сражений с Чёрным Глазом двое маленьких

верных друзей всегда выходили победителями. Вступая во взрослую жизнь, мы привыкаем в основном проигрывать, а не побеждать. Сейчас Чёрный Глаз посмеялся бы над нами. Ведь мы теперь не одна команда, мы ему не угроза больше...

Увы, я не могу назвать наш с Ольгой брак счастливым. Мы оба страдаем от эмоциональной скупости. В нашем доме, кроме Славки, никто больше не плачет и не смеётся. Два робота и несчастный маленький живой человек, путающийся у них под ногами. Нам скучно с женой, нам плохо вместе, но мы боимся это обсуждать и что-то с этим делать. Некоторые считают нас «идеальной» семьёй. Всё ровно, гладко, стабильно, без встрясок. Но именно за антуражем такой классической стабильности может таиться подлинное глубинное одиночество. Не *менять* страшно. А страшно – когда *страшно что-то менять*. Я начал всё чаще задумываться: может, поспешил с созданием семьи из-за своей юношеской неуверенности, боязни остаться одному?.. Тогда я ещё не осознавал, что непонятым, одиноким – можно остаться и в статусе семьянина. Одиночеству, к сожалению, не помеха ничто... Это твоё проклятое внутреннее состояние, которое ты несёшь в себе по жизни, сразу после того, как «детство кончилось»... Может быть, не Ольга, а какая-то другая женщина всё-таки смогла бы перелепить меня из раба вечной рефлексии в счастливого человека?.. Не знаю. Берут сомнения, если честно. И от этого ещё тоскливее. Моя проблема в том, что я никогда не умел и уже не научусь любить людей такими, какие они есть. Я способен любить лишь придуманные образы. Я *дорисовываю* людей, но в реальности они не способны *стать тем*, что я в них пытаюсь разглядеть и им приписать. Пожалуй, тебя одного я и любил в своей жизни *по-настоящему*. Таким, какой ты был. Без придумок, доделок и ретуши. Но ведь это совсем другое. Смешное и несопоставимое. От женщины, делающей тебе честь, продлевающей твой род, всё же хочется требовать большего. Взрослая любовь к женщине не должна спотыкаться о сентиментальные воспоминания счастливой детской дружбы, о восторг игр двоюродных братьев и лучших в ту давнюю пору друзей. Тем более, как выяснилось, те наши чистые детские души уже почили, их нет, это *не мы* уже... Новые триллионы малюсеньких душ выгнали, заменили собой старые, растворившиеся в небытие. Змеи сбрасывают шкуры, ящерицы оставляют хвосты, а мы, вне зависимости от нашего желания, навсегда расстаёмся со своими прежними душами – *ещё при жизни*...

Говорят, «если в юности не хотелось революций – у вас нет сердца; в зрелом возрасте не хочется стабильности – нет ума». Видно, у меня нет ни сердца, ни ума. Есть только наша с Ольгой маленькая липкая трусость во благо Славке. Я стараюсь уходить на работу пораньше, возвращаться домой попозже. Зарплата от этого не увеличивается, но просто всё сложнее находить дома своё место. Я бы мог завести любовницу. Но нет желания. Признаться, у меня уже была пара интрижек на стороне. Да и у Ольги, как мне кажется, рыльце в пушку.

Ладно, не хочу больше про нас с Ольгой. Да тебе и не интересно это всё. У тебя свой мир. Очень далёкий от моего. Изменившийся до неузнаваемости, недостижимый для моего разума, в каком-то смысле сюрреалистичный.

По правде сказать, меня издавна одолевали предчувствия, но я отказывался им верить, пока они не оправдались с лихвой. Трансцендентное ощущение. Чувство щемящей духоты, несообразности, которое постоянно загонялось тобой внутрь, ради спокойствия ближних. Неспособных заметить. А заметив,

неспособных *принять*. Пружина сжималась – до неизбежного рецидива. Никак не выходит из головы тот день, когда мне после долгого молчания вдруг начали обрывать телефон твои родители. Мне было тяжело слушать, как они захлёбываются на другом конце провода, вырывая друг у друга трубку, не находя слов всё доходчиво объяснить и умоляя как-нибудь на тебя повлиять. Их сжигала потребность ухватиться за иллюзорную соломинку, хоть где-то и у кого-то найти защиту и утешение. А я уже не имел на тебя никакого влияния. И даже если бы мы всё так же оставались лучшими друзьями, разве смог бы я свернуть тебя с пути, который ты выбрал?.. Бедные старики рыдали. Я не верил собственным ушам, когда до меня стало доходить, о чём они говорят. И в то же время – да, и ещё раз да – задним умом я признавал, что это должно было произойти. Твой образ, наконец, спустя годы, раскрылся передо мной в своей драматичной полноте и законченности. Словно из куколки, что подвешивалась нами в детстве на оконный цветок, вылупилась бабочка. Уродливая, в понимании твоей семьи. Но для тебя был важнее акт освобождения. Я пытаюсь хотя бы на секунду представить себя тобой, чтобы понять, что ты чувствовал – но у меня ничего не выходит. Ты поставил на кон всё, что у тебя было, не считаясь ни с чьим мнением. Я уже никогда не узнаю в деталях, как ты к этому шёл – тяжело ли тебе было решиться или, наоборот, на удивление легко.

Твои родители пригвоздили меня к стулу новостью. Ты готовишься к хирургической операции по смене пола... Я беспощадно повесил трубку, потому что у меня не было для них нужных слов. У меня самого весь мир в одночасье перевернулся с ног на голову. Чем, посуди, я мог их утешить?

И вот – теперь у меня больше нет любимого двоюродного брата. У меня теперь «сестра»... Я тихо схожу с ума, пытаюсь осмыслить свершившуюся подмену, и по-прежнему говорю о тебе «он» – не «она». Мне страшно позвонить тебе, а тем более замахнуться на предложение встречи и узреть произошедшую метаморфозу собственными глазами. Когда-то мы были сродни духовным близнецам, живо чувствующим настроение другого, не считаясь с разделяющим их расстоянием. Но совсем, знаешь ли, давно это являлось правдой. Серьёзно ли сейчас вспоминать?

Ты отказался от всего, что было раньше. Вернее, не то что отказался. Ты, может, и не отказывался. Ни при каких обстоятельствах ты не станешь зашорен настолько, чтобы не отдать себе отчёт: *это было*. Но – всё та же закавыка! – не с *тобой теперешним*. С кем-то другим, у кого в наборе играли микроскопическими мускулятами почившие 75 триллионов неосмысленных клеток, с которыми теперь можно не считаться. Ты позволил людям в белых халатах, бездушным мастерам скальпеля, погрузить тебя в глубокий анестезированный сон и выполнить свою, хорошо оплаченную, холодную, выверенную, профессиональную работу.

Порой мне кажется, мы любим своё детство из упрямства. В нём не было диснейлендов и аквапарков, дождей из конфетти и гор сахарной ваты. Но другого не будет. Не будет же...

Когда-то я щёлкал книги, как семечки. Теперь разучился. Скучно. Не цепляет за живое, не будоражит. На протяжении нескольких месяцев вымучиваю Маркеса, и ничего не могу понять. Кто чей сын? Кто чей внук? Кто чья правнучка? Почему всем героям из поколения в поколение дают одни и те же имена?.. Исходя из названия, я должен понять *что-то* о человеческом одиночестве. А я не понимаю, дуб дубом. Чтобы понять, мне, вероятно, следовало

родиться на американской земле, на родине «мыльных опер». Но я – так выпал жребий – родился в России, в Москве, в 78-ом, в жаркий пыльный июль. В год и месяц рождения Луиз Джой Браун. На девять месяцев раньше тебя, первоапрельский мой братишка...

Мы и вправду были *кем-то другими*. Мы словно разделились во времени. Кто-то теперь – здесь и сейчас. Кто-то – навсегда в прошлом. Две отчуждённые вселенные, которым больше не встретиться... Об одном жалею: что, закружившись в круговороте бестолковой жизни, прозевали, профукали, не успели с *теми нами* честь по чести попрощаться... Впрочем, плюнь. Не беда. Старый добрый стервец Чёрный Глаз не даст *их* в обиду. И уж точно, вовеки, не позволит *им* заскучать.

ПОЭЗИЯ

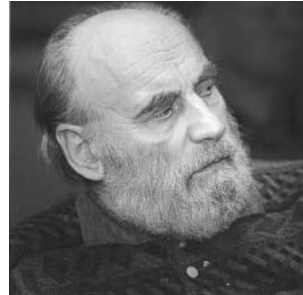
Юрий БОГДАНОВ

ЮРИЙ БОГДАНОВ

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклянуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встань-ка», «Пётр и Февронья», трагедий «Джюльетта», «Морок», «Из-под плинтуса», «Проскурова лаж», «Последний круг» и других. Ю.Н. Богданов секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровкой Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

Святой венец Руси¹

III

Князя Борис и Глеб

1

С верой в Тебя наши пращуры жили
Искренне, праведно, не на авось.
Жизнь на Отчизны алтарь возложили
Те, кому истинно дорог Христос.

Не совратили ни слава, ни злато,
Не поддались на духовный разврат:
Друга любили, как кровного брата,
Ведь и за них был Спаситель распят.

В Лете не сгибли святых имена.
Россия была, есть, да будет сильна!
В битвах за землю свою погибали...

Но предавать веру в Бога нельзя –
Се с колыбели доподлинно знали
Пахарь, дружинник, чернец и князя.

¹ Первых два венка сонетов «Княгиня Ольга» и «Князь Владимир» из короны венков сонетов «Святой венец Руси» были опубликованы в журнале «Великороссь» №3(13)2014

2

Пахарь, дружинник, чернец и князя
Смело вливались в ряды ополченья:
Крепла заступников храбрых семья –
Не было в этом и тени сомненья...

Опустошеньем грозит печенег –
Вновь собирает Владимир дружину:
Войску вручает любимого сына
С верою, как вековой оберег.

Знал, что по силам тяжкая миссия
Лишь венценосному князю Борису,
Кой перед Господом обликом чист.

Младшие дети отцу боле милы:
Рода наследники – Глеб и Борис
К вере Христовой душой не остыли.

3

К вере Христовой душой не остыли
Люди из той старопрежней дали,
Долгие службы стояли, постили,
Праздники церкви строжайше блюли.

Глеб и Борис с молоком материнским
Духом впитали молитву Христа:
Жизнь без неё и без дела мертва
Или проходит никчёмно, по-свински...

И возрастали малые дети
В смирении и добродетели –
И потому безгранично любимы.

Надежда Владимира – сыновья:
И предвещал, что сиречь будет ими
В небо ториться молитвой стезя.

4

В небо торится молитвой стезя:
Борис без моления – в жизни ни шагу.
Бог – человечьим поступкам судья –
Подал ратоборцам в битве отвагу.

В походе суровом службы вели,
Перед сраженьем свершали молебн
И Богородицу видели в небе –
Святую заступницу русской земли.

Чтобы народ её не поредел,
От брани кровавой Русь оградила:
Бежал восвосяи ворог постылый.

В сечи войска не сошлись с печенегом
И возвращались в родимый предел.
Но смерть вилась над Борисом и Глебом.

5

Но смерть вилась над Борисом и Глебом:
Слух о закланье не принял Борис –
Братоубийство казалось нелепым.
Но понимал: путь к спасенью тернист.

Умер отец! Весть об этом в походе
Сердце Бориса пронзила стрелой:
Затрепетало... Был день на исходе,
Установил свой шатёр над рекой.

Только вчера отпустил он дружину –
Не восхотел силой Киев пленить,
С братьями в мире надеялся жить.

Сущим защитником был ему Бог...
Но надвигалась лихая година:
Дерзких убийц подослал Святополк.

6

Дерзких убийц подослал Святополк:
Скрытно к шатру подступила орава...
Но неизвестная сила сдержала –
Плач и молитву донёс ветерок:

«Не отвергай слёз моих, Вездесущий,
Я на Тебя все дни уповаю,
Жребий святых Твоих в жизни грядущей
Я разделить в отчаяньи чаю.

Спаситель! Умножились наши враги:
Скопища псов меня окружили,
От окаянных живот охрани!

Рыкают хищники в дебрях свирепо, –
Как и мой брат, о кресте позабыли:
Знать не вкусили духовного хлеба».

7

Знать не вкусили духовного хлеба:
Вместо молитвы – злобные речи...
Дух, не привеченный Богом и небом,
Чёрною меткой бесом помечен.

Рядом с шатрами шёпот зловеций
Вдруг услышал он убийц вероломных,
Лязги мечей, словно скрежет зубовный:
Рок Ярославом Борису предвещен.

В молитве просил, чтоб Спаситель помог,
Но в грудь младую копья вонзили.
Был ещё жив, когда увозили...

Господь загоил бы рваные раны!
Брата добить приказал окаянный:
Крови алкал, аки бешеный волк.

8

Крови алкал, аки бешеный волк:
В зверском побоище не было смысла –
Множество отроков стая загрызла, –
Каждый с Борисом за веру полёт.

В душу злодея вошёл сатана
И соблазнял на лихое убийство,
Спутал несчастному здравые мысли
И отобрал у спокойного сна:

«...Шепчет ночами: расправу таи...
Ежели братья узнают мои,
Что я содеял... Рассудка лишился?..

Чем за жестокость мою воздадут?..»
И безрассудно, презрев Божий суд,
Глеба сгубить окаянный решился.

9

Глеба сгубить окаянный решился –
Адова не убоился огня
И Вседержителя не устранился.
«...Участи две ожидают меня...

Горшая плата за преступления...
Если не эта – отнимут престол
Отца моего за грехопадение...
Горечь разъест моё сердце, как соль.

Княжить на вотчине будет другой,
Но не смогу стать я верным слугой...
От мира уйти?.. В монахи постричься?

Убил я того, кого Бог возлюбил...»
Оставить злодейство в нём не было сил:
С жутью лишения власти не свыкся.

10

С жутью лишения власти не свыкся:
Прибыл к блаженному с вестью гонец,
Что якобы тяжко болен отец,
Чтобы явиться в Смоленск торопился.

Перед отъездом клик кликнул дружине.
В походе узнал о смерти Бориса.
Выйти на берег было бы риском –
Остановился в ладье на Смядыни.

Подплыли на лодках мрачные лица:
Поняли все – это злые убийцы –
Дикая смерть не пройдёт стороной...

Пока Ярослав силы мести копил,
Злодей всё святое безбожно губил:
Братьям грозил разореньем, войной.

11

Братьям грозил разореньем, войной:
Тысячи душ погубил он в сраженьях,
Но не однажды терпел пораженья,
Как с Ярославом в борьбе роковой.

На Альте разбитый в безумье бежал, –
Умер бесславно в месте пустынном:
Злодея треклятого Бог наказал, –
Смрад от могилы исходит поныне.

Борис упокоен... Но Ярослав,
Бога на помощь в молитвах призвав,
Глеба останки искал беспрестанно.

Мощи его чудотворно нашлись.
Голубкой слетела горняя мысль –
Глеб и Борис были Богу желанны.

12

Глеб и Борис были Богу желанны:
Отвёл Он от братьев чёрное зло;
Чтобы в их души оно не вошло,
Бога молили они неустанно.

Суетность власти без веры, мольбы
Не заманила в соблазн страсотерпцев:
Святости жизни желали всем сердцем,
Жили в смирении, братской любви.

Спаситель приветил подвиги их –
Первых в Руси страсотерпцев святых:
Светом небесным они осияны;

Их не оставил во мраке и зле
На неприветной и грешной Земле –
Жаждали жить со Христом покаянно.

13

Жаждали жить со Христом покаянно:
Биться за власть с братом – Бог упаси!
Приняли страшную смерть от тирана
Ради спокойствия в Древней Руси.

Стало примером для русского люда
Непротивление подлому злу.
Подвиг святых – Вседержителя чудо:
Глебу с Борисом возносим хвалу.

Стану кадильным дымком я во Храме,
Позолочённой иконною рамой
Или слезинкой свечи восковой.

Ваши молитвы, как ангелов крылья, –
Верой великой вы Богу служили,
Правды в сердцах не искали иной.

14

Правды в сердцах не искали иной
Стражники Русской земли и опора,
Чтобы не быть у врага под пятой,
Не допустите в Державе разора.

Злобу и мор удалите от нас,
Да не коснутся беда и болезни:
Грешные – мы уповаем на вас,
Чтоб не исчезнуть в космической бездне.

Наши молитвы – сердцем убогих –
Вы донесите Господу Богу,
Чтоб наши помыслы святость хранили...

Вашим прошеньем рассеялся мрак –
Надо нам жить в православии... как
С верой в Тебя наши пращурь жили.

15

С верой в Тебя наши пращурь жили:
Пахарь, дружинник, чернец и князь
К вере Христовой душой не остыли –
В небо торилась молитвой стезя.

Но смерть вилась над Борисом и Глебом:
Дерзких убийц подослал Святополк,
Знать не вкусил он духовного хлеба,

Крови алкал, аки бешеный волк.
Глеба сгубить окаянный решился...
С жутью лишения власти не свыкся –
Братьям грозил разореньем, войной.

Глеб и Борис были Богу желанны:
Жаждали жить со Христом покаянно,
Правды в сердцах не искали иной.

IV

Князь Андрей Боголюбский

1

Правды в сердцах не искали иной
Дед Мономах и отец – Долгорукий:
Знали, что вера потомкам порукой
В их нескончаемости родовой.

С юного возраста княже Андрей
Слушал душою духовное пенье.
Золотозвон православных церквей –
Сердце охватывал чутким волненьем.

Мудрость взымел из Писаний святых:
Радость рождал в нём Евангельский стих –
В тайне молитвы обрёл он подмогу.

Шли на врагов «С нами Бог» на устах
И побеждали в неравных боях –
Верные любой Отчизне и Богу.

2

Верные любой Отчизне и Богу
В думы Андрея сумели вселить:
Как обрести путь к честному истоку
Кой, словно Родину, надобно чтить.

Истина с правдою в нём совместились:
Мудростью славился, как Соломон.
Если в боях иссякали вдруг силы,
Промыслом Божьим всегда был спасён.

Бог наделил миротворческим даром,
Не затемнённым былой стариной,
Но не считал себя истинно правым:

«Се есть Христос, искусивший меня...»
Волил в душе неземного огня –
Не заносился от славы мирской.

3

Не заносился от славы мирской:
Вместе с отцом строил храмы и грады;
Так породнился он с юной Москвой, –
Будущий жребий её предугадан!

Боле всего в русский север влюблён –
В Суздальский край, где возрастался духовно;
Словно священник, Устав знал церковный,
Службой святою навек покорён.

Жёстко вводил благочестные нравы
Средь убежавших с южных окраин,
Живших земно, словно Авель и Каин:

Их осуждал за слепые пороки...
Многие люди, кого князь управил,
Шли, как и пращур, горней дорогой.

4

Шли, как и пращур, горней дорогой
Те, что шукали света Христова,
Праведной жизни молитвенно-строгой,
Евангелиста истое слово.

С вящей любовью встречал поселенцев
И, не жалея затраченных сил,
Всех заплутавших во тьме отщепенцев
На Божий свет, как детей, выводил.

Князю добром за добро отдавали:
Ладили избы, поля засеивали...
Трудолюбивых людей привечал.

В девственных землях явились Псков, Галич.
И, проникая провиденьем в дали,
Князь о единстве Державы мечтал.

5

Князь о единстве Державы мечтал:
Сердцу претили лихие раздоры, –
Люду несли завсе смерть и разоры.
Но соплеменник вновь землю орал,

Лес корчевал и ходил на охоту.
Волга с Окой поднесли водный путь.
Не одолели безделье, дремота,
Не обуяла бездумная жуть.

Как при Владимире, смело крестились,
Перед Всевышним в злодействах винулись,
Но соблюдали разумную меру.

Чуяли сердцем – Державе быть в силе!
Чтоб называлась Великой Россией,
В людях крепил православную веру.

6

В людях крепил православную веру:
С Богом общался потайно, в тиши –
Для поселенцев был сущим примером:
Простолюдин стал пореже грешить.

О чудотворной иконе «Пирогоща»
Весть разливалась весенней рекой.
Созданный евангелистом Лукой,
Образ святой не отказывал в помощи...

Многих от смертных болезней спасла:
Силу небесную в души влила –
Люд православный в том не лицемерил!

Святость её возымел вертопрах:
Чудо творилось у всех на глазах –
Дух не страшили чумные химеры.

7

Дух не страшили чумные химеры:
Князь Богородицу жарко молил
Быти опорой русскому северу –
Сей край суровый иконе премил...

Не приглянулся ей Вышгород красный:
«В храме ношашеся сюду и сюду...»
Место покинуть желала всевластно,
Чтобы являть в землях северных чудо.

Тайно от мира увёз он икону.
Преодолев непростые препоны,
Путь христианской любви указал.

Вёл к вере толпы людей разноликих,
Чтоб каждый житель Державы великой
Истинно Бога душой почитал.

8

Истинно Бога душой почитал –
Тщился поставить икону в Ростове.
Вдруг весь обоз, будто вкопанный, стал,
Но неспроста, а по Божией воле.

И по молитвам горячим пришла
Сама Богородица с хартию ночью:
Светом небесным рассеялась мгла, –
Все увидали святую воочию!

Сказала Андрею: «Не очу в Ростов:
Поставь образ мой во Владимире...»
Князь по желанью сему восхотел

Призвать в град зиждителей – Божьих рабов –
Храм Рождества возвести её имени
Волей Всевышнего свято прозрел.

9

Волей Всевышнего свято прозрел:
Неча бояться замшелых устоев!
Перед Спасителем честен и смел:
«Белую Русь... городами застроил...»

Да многолюдными веси соделал,
В храмы свои вёл язычников смело...
Русь Божья Мать взяла под покров –
И воссиял в сей земле свет Христов.

Князь каждодневно ходил на Причастье:
Зрел в православии суть сильной власти
И о грядущем всечасно радел,

Чтоб одолели потомки невзгоды...
Явственно видел сквозь мрачные годы
Вечной России сулимый удел.

10

Вечной России сулимый удел
Князь созидал по веленью Господню:
Был по молитвам сердечным угодным
И воплощал в жизнь духовную цель.

Избран на княжеский стол всех радетьель
Суздальским краем, что Богом храним:
За то был любим он, как добродетель
К Богу имяше и сущим под Ним.

Вера в Спасителя преодолеть
Может болезнь да телесную смерть,
Гнусные мерзости, бесом чинимы.

Русь не сразят ни война, ни туга...
Истость мою сберегает века
Генная память подспудно, незримо.

11

Генная память подспудно, незримо
Уготовляет мирянам пути:
Пращуров славой и Богом хранима
Горней тропой помогает идти.

Стану я звоном её колоколен,
Камнем в холме Покрова на Нерли,
Чтобы узреть нашу русскую долю
В той неизведанной Божьей дали...

Киев – повержен, разбиты болгары,
Сгинули в Лету кровавые свары, –
К вере Христа приобщался народ:

Русь выводилась из ночи неверья!
Имя вершителя – князя Андрея –
В наших сердцах неизбынно живёт.

12

В наших сердцах неизбынно живёт
Князево дело – Руси воссозданье:
За христианские благодеянья
Первым царём люд его назовёт.

Во укрепление русской земли
Единовластно Державою правил:
Главной опорой считал православие,
И ко Спасителю силу молитв.

А в обретенье мощей просветителей
Чудо узрели ростовские жители,
Но перед Господом не был он горд.

Чуя, что рядом адово вражество,
Видал воочью: Суздаля княжество
Солнышком входит в ночной небосвод.

13

Солнышком входит в ночной небосвод
Подвиг Андрея над Русью рассветной...
Людю простому сие неприметно:
Видал святой – время славы грядёт.

Не было в мыслях за жизнь опасенья,
Но в окружении заговор зрел:
Шайка убийц по жены наущенью
Ночью вломилась в дворцовый придел.

Исчез меч Бориса необъяснимо,
Спасавший Андрея в смертных боях,
Но не сломил князя гибельный страх:

Видно, пред взором в последний тот миг
Лик чудотворной иконы возник –
Образ Руси Святой, неодолимой.

14

Образ Руси Святой, неодолимой
Нам поручили святые отцы:
Со свету сжить жаждут лишь подлецы,
Только она – вечно Богохранима!

Ныне к Спасителю путь каменист:
Катится свет ко всемирной войне...
Жизнь положив, аки Глеб и Борис,
Наш страстотерпче, моли о стране!..

Принял Ты смерть от людишек безбожных,
Что навязали России путь ложный,
Но воссиял в мире жизнью честной!

Люд мой ведёшь сквозь безверья потёмки,
Чтобы пришедшие в мир сей потомки
Правды в сердцах не искали иной.

15

Правды в сердцах не искали иной
Верные любой Отчизне и Богу:
Не заносились от славы мирской,
Шли, как и пращурь, горней дорогой.

Князь о единстве Державы мечтал:
В людях крепил православную веру.
Дух не страшили чумные химеры –
Истинно Бога душой почитал.

Волей Всевышнего свято прозрел
Вечной России сулимый удел...
Генная память подспудно, незримо

В наших сердцах неизбынно живёт.
Солнышком входит в ночной небосвод
Образ Руси Святой, неодолимой.

Русская государственность до Киевской Руси

*О князях русских старобытных
Нестор монах не добре сведом бе.*
В.Н. Татищев. «О истории Иоакима
епископа Новгородского»

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Н. Рубцов

Славянская государственность сложилась задолго до первых известных летописных сообщений. Продолжающееся объединение славянских племён привело к образованию в VII в. до н.э. огромного государства вандалов-венедов, с союзами племён – скифов, россос и сарматов. В работах (22, 23) было установлено, что племена россос в этом государстве занимали три территории, обозначенные как: **северные росссы** – лесная область от Чудского озера до Уральских гор; **дунайские росссы** – область к северу от Дуная до отрогов Карпат, придунайские берега, а также Балканские горы, с возможным распространением на юго-западе до Адриатического моря и **поморские росссы** – междуречье Эльбы и Вислы, Вислы и Одры и далее к северу до Немана. В территорию северных россос входили государства Новгородской и Ростовской земель, которые и стали в дальнейшем основой для образования Русского государства.

О Новгороде. В материалах рукописи А.Я. Артынова, приведённых в работе (22, с. 144) за VI в. до н.э., сообщается об основании князем Славяном на берегу реки Мутной (Волхова) города Кунигардии. Его сын Вандал на другом берегу реки Мутной основал Новгород, а город Кунигардию в память об отце назвал Славянском. Итак, удревняется почти на полторы тысячи лет, по сравнению с принятым ныне, время основания Новгорода.

Юрий Александрович Яхонтов – профессор, доктор технических наук. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член СП России. Лауреат конкурсов: «Лучшая книга 2011-2013» за книгу «Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика», «Лучшая книга 2012-2014» за книгу «То, что в сердце давно берегу...». Награждён орденом «Золотая осень» и.м. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями и.м. А.С. Грибоедова, «Литературный Олимп», «А.П. Чехов». Живёт в Москве.

Приведённые в Радзивилловской летописи миниатюры, расположенные в строго хронологическом порядке, дают обоснованное подтверждение этого более древнего построения Новгорода. На первой миниатюре изображено строительство Новгорода. «Словене же седоша около озера Ильменя, и прозвашася своим именем, и соделаша город, и нарекоша Новгород». На второй миниатюре показан приход св. Андрея Первозванного с учениками к месту основания Киева, благословение св. Андреем Первозванным этого места и воздвижение креста на высоком берегу Днепра. На третьей миниатюре показано основание Киева тремя братьями: Кием, Щеком и Хоривом, занявшими три горы, и сестрой Лебедью. Киев был основан в V в. н.э., а если быть точнее, то, по сведениям св. Димитрия Ростовского, которые он приводит в Летописи (5, ч. III, с. 13), – в 430 году. К этому времени и относятся события, изображённые на третьей миниатюре. Время прихода св. Андрея Первозванного к месту будущего основания Киева следует отнести к первой половине I в. н.э. Очевидно, что события, изображённые на первой миниатюре, являются более древними. Тем более что св. Андрей Первозванный, придя к новгородским славянам, увидел уже живших там людей, в то время как в описании к первой миниатюре говорится только об их поселении около озера Ильмень.

Естественно, что известие в летописях о построении Новгорода Рюриком нельзя воспринимать как дату основания города, поскольку Славянск [а значит, и Новгород] в своей истории дважды приходил в полное запустение, как пишет М.В. Ломоносов: первое запустение Славянска было от великого мора [морская язва], от которого почти все жители погибли, а второе – от нашествия гуннов (9, с. 194). М.В. Ломоносов также пишет, что Новгород, о котором Нестор упоминает раньше всех городов, построен был дважды – вначале и в 862 году (9, с. 177). Да и само приглашение новгородцами и ростовцами Рюрика говорит о том, что Новгород существовал и до его прихода.

Некоторыми исследователями, вопреки существующим историческим фактам, поддерживается теория, отрицающая старшинство Новгорода по отношению к Киеву, который выводится на первый план. Это преподносится как борьба с норманнизмом, который якобы начал свой путь от Новгорода. Однако, и при старшинстве Новгорода, у норманнизма сколько-нибудь серьёзных научных основ нет, поскольку приглашённые варяги во главе с Рюриком были поморскими славянами (исключительно близкими родичами новгородцев и ростовцев – то есть поморскими росссами, как было установлено в работе (23)), не имеющими никакого отношения к норманнам.

Следует сказать также, что выдвигание Киева на первое место противоречит известным историческим сведениям, а также укорачивает новгородскую историю на полторы тысячи лет. Самое древнее время основания Новгорода указывается в Мазуринском летописце (л. 2), где говорится, что великий князь Словен в 3113 г. (2395 г. до н.э.) поставил город Словенск, который ныне зовётся Великим Новгородом.

В Иоакимовской летописи говорится, что князь Славен [в других источниках: Словен; Славян] основал город Славенск, и что после него был князь Вандал, правивший всеми славянами (18, с. 108). Иордан, говоря о Новиетуне, начиная от которого и до Днестра, по его словам, живут склавены [словене], определённо имел в виду Новгород (7, с. 72). Возможно, что под Мурсианским озером у него подразумевался Ильмень. Е.А. Рыдзевская приводит обозначение территории Великого Новгорода на латинском языке в немецких и

шведских памятниках как – *Nogardia* (17). Очень близко с первоначальным названием, которое дал Славян – Кунигардия.

Анализ древнескандинавских географических сочинений позволил Е.А. Мельниковой утверждать, что «столицей Древнерусского государства в письменных источниках всегда называется Новгород» (12). Там же (с. 37) говорится, что тремя «старшими» городами Северо-Восточной Руси названы Муром, Ростов и Суздаль. В письменных памятниках Скандинавии доминирует представление о Новгороде как столице Руси, отмечается в работе (11).

О старшинстве Новгорода писал и Гедеонов: «...уже из Нестерова предания о словенском происхождении шести русских племён, следует заключить о племенном старшинстве Новгорода в русской земле... Ещё при Всеволоде Георгиевиче (несмотря на изменившиеся отношения племён, после перенесения великокняжеского стола на юг), Великий Новгород считается старшим городом на Руси: “А Новъгородъ Великий старѣйшинство имать княженью во всей Руськой земли” (Лавр. 177); историческое явление далеко восходящее за эпоху призвания варягов» (2, с. 109-110). Более древнее основание Новгорода по сравнению с Киевом очевидно и из миниатюр Радзивилловской летописи, описание которых было дано ранее.

О Ростове. В работе (22, с. 150) говорится, что сын Вандала Владимир, придя к озеру Неро примерно в 450 г. до н.э., уже застал здесь городок, который и назвал Ростовом. Но этот городок располагался на месте военного стана дружины Росса-Вандала (Россов-стан), а царевич Росс-Вандал, как показывают хронологические сведения жил в XVIII в. до н.э.

К этому времени и можно отнести документально подтверждённое основание Ростова (Россов-стана), поскольку Владимир в V в. до н.э. только «распространил» Ростов, как говорится в рукописи. Следовательно, Ростов (Россов-стан) основан по крайней мере на тысячу лет раньше Рима и является одним из древнейших городов мира. При этом, возможно, город был основан и в более ранние, чем XVIII в. до н.э., времена. Ростовские предания говорят о том, что и до прихода дружины Росса-Вандала на этом месте уже стоял город Горицы, в котором правил царь Брутовщина (19, с. 7, 8). Обратим внимание на славянский характер наименований города и царя. И этот город Горицы мог быть основан значительно раньше, ещё первыми поселенцами, славянскими росскими племенами, пришедшими сюда на рубеже IV-III тыс. до н.э. или в начале III тыс. до н.э.

Важным является и то, что указанное время основания Ростова (Россов-стана) – XVIII в. до н.э., хронологически полностью соответствует материалам Рождественской стоянки на Городском острове на озере Неро и соответственно – поздневолоосовскому периоду. А.Л. Никитин пишет, что стратиграфия отложений на Городском острове на озере Неро свидетельствует о заселении его в период резкого обмеления озера.

Ксеротермический период вызвал обмеление озёр и рек, поэтому, возможно, самые ранние датировки древних славянских городов могут быть установлены археологами именно на территориях, занятых ныне водой (например, в Новгороде и Ростове). Исследования показывают, что во время основания дружиной Росса-Вандала Ростова (Россов-стана) (XVIII в. до н.э.) береговая линия уходила далеко в озеро Неро в современных его очертаниях.

Расширение Ростова и превращение его в большой город (Ростов Великий), начиная с V в. до н.э., археологически подтверждается находкой в Ростове золотой монеты Филиппа Македонского. Данный факт В.А. Городцов

рассматривал как свидетельство деловых взаимоотношений (4). Учитывая, что место, где возник Ростов, называлось Россов стан, становится очевидным и происхождение наименования города. Россов стан или став при произношении легко перешёл в искомое название: Россов став – Ростав – Ростов.

Время бурного развития города начинается с приходом Владимира Вандала, особенно когда после смерти двух его старших братьев Избора и Столпосвета он стал царём всех славянских земель и, видимо, продолжал жить в Ростове, который при нём стал столицей славян и, вероятно, с этого времени начал называться Ростовом Великим. Этому способствовало и исключительно выгодное географическое положение города, когда по естественным водным магистралям связь могла осуществляться с отдалёнными территориями огромного славянского государства.

Подтверждение нахождению общеславянской столицы именно в Ростове можно видеть на карте Европейской Сарматии Птолемея (20). Сарматы царские находились в расположении Ростовской земли, и тем самым доказываются нахождение царя славян именно в Ростове. Естественно, что название «царские скифы», а позднее «царские сарматы» пошло от того, что из этого племени был общий славянский царь с основной резиденцией в этой области. Общее же название славянской территории – Сарматии зарубежными авторами во времена Птолемея отразило, во-первых, выход к пограничным рубежам именно сарматских славянских племён и, во-вторых, дальнейшую интеграцию славянских племенных союзов.

Сопоставим племена северных россов (23) с племенами, упоминаемыми Геродотом и другими древними писателями на той же территории. Прежде всего отметим тот факт, что о северных племенах, как становится ясно из рассказа Геродота, ему никто ничего определённого рассказать не мог. Он пишет: «И я не видел ни одного человека, который сказал бы, что земли эти он знает как очевидец» (3, IV, с. 16). Анализ работ более поздних авторов показал, что им также ничего не было известно о племенах, занимающих лесную полосу. Из крайне скудных данных с весьма неопределённой координатной привязкой можно сделать вывод, что с достаточной определённостью в лесной полосе проживали гиперборей и невры. Геродот пишет, что севернее невров идёт уже безлюдная пустыня. Плиний упоминает о счастливом народе гипербореев, которые живут за Рифейскими горами, в стране, где постоянно падает снег (13).

Помпонию Мела также помещает гипербореев на далёком севере, за Рифейскими горами (10, с. 124). Рифейские [Уральские] горы прочно вошли у древних авторов в территорию гипербореев. Тем более что в Схолиях к Аристотелю, к Сочинению «О небе», прямо сказано, что скифы-рос являются гиперборейским народом.

По мнению многих исследователей, область распространения племени невров локализуется у истоков Днестра. С этим никак нельзя согласиться. У Геродота ясно написано, что выше скифов-пахарей живут невры, а страна, лежащая к северу от невров, не заселена людьми (3, IV, с. 17). По этим сведениям [выше скифов-пахарей], невров можно поместить на территории, начиная от истоков Днепра и выше к северу, поскольку, по мнению Геродота, дальше невров к северу уже никто не живёт. Псевдо-Скимн передаёт слова Эфора, что «первыми по Истру живут карпиды, потом пахари, далее невры вплоть до необитаемой вследствие холода страны...» (14). Плиний пишет ещё конкретнее: «Невры, от которых вытекает Борисфен...» (13). И.Е. Забелин, анализируя

сведения Марцеллина, пишет: «К числу соседей алан принадлежат по его [Марцеллина] словам, невры, живущие в глубине страны... Марцеллин в другом месте прибавляет, что из страны невров течёт Днепр» (6, с. 346).

Таким образом, из сообщений древних авторов, земля невров начиналась от истоков Днепра и далее к северу распространялась до необитаемых уже районов. Но ведь это – территория Новгородской и Ростовской земель. Следовательно, геродотовских невров также можно соотнести с племенем россов. Значительное количество гидронимов с корнем «нер» в Ярославской, Костромской и других северных областях подтверждает этот вывод.

Относительно геродотовских аримаспов выскажу мнение: известно, что древние греки часто давали племенам греческий перевод-кальку, поэтому «одноглазые» аримасы точнейшим образом могут быть соотнесены с кривичами, то есть тоже – «одноглазыми».

Рассмотрим один спорный вопрос, касающийся непосредственно Ростова и Ростовской земли. У мусульманских писателей Аль-Истахри и Ибн-Хаукаля говорится о том, что русы состоят из трёх племён: одно в городе Куяба, другое называется Славия и третье – Артания с городом Арт (1, с. 193, 220). Относительно города Куяба все исследователи сходятся на мысли, что это Киев. По поводу второго племени с названием Славия тоже, мне думается, не должно быть сомнений: находится выше Киева – там жили словене, следовательно, это Новгородская земля. Относительно же третьего племени споры не утихают до сих пор, причём какие только города и княжества ни назывались. Однако со всей очевидностью можно согласиться с И.Е. Забелиным, который считал, что Артания [или Артания] с городом Артс [или Арт] есть не что иное, как Ростовская область с Ростовом. «Нам кажется, – писал он, – исследователи вовсе забывают о Ростове, который, судя по названию Великий, то есть старший, древний, несомненно, был старшим городом в своей стране с незапамятного времени...» (6, с. 518).

Теперь, когда известны материалы рукописи А.Я. Артынова, приведённые в работе (22), можно с уверенностью подтвердить эти выводы. Русское государство возникло посредством объединения двух огромных государств – земель Новгородской и Ростовской. При Аль-Истахри и Ибн-Хаукале – X в., столица была уже перенесена в Киев, но Новгородская и Ростовская земли сохраняли свои размеры, к объединённой мощи которых добавился Киев. Поэтому на третье племенное объединение славян другого претендента, кроме Ростовской земли, не может быть.

Завершая тему Ростовской земли, отмечу, что территория её была действительно огромна. Даже для более позднего времени [уже как Ростовского княжества] она занимала несколько губерний на географической карте XIX века. Вот как описывает эту территорию известный исследователь Ростовского княжества Д.А. Корсаков, перенося её на современную ему [XIX в.] карту России. Ростовское княжество занимало: всю Ярославскую губернию; три западных уезда Тверской губернии (Кашинский, Бежецкий и Весьегонский); восточную часть Новгородской губернии (уезды Устюженский, Череповецкий и треть Белоозерского); уезды Вологодский и Грязовецкий Вологодской губернии; западную половину Костромской губернии (уезды Солигаличский, Чухломский, три четверти уезда Кологривского, две трети Макарьевского уезда, уезды Кинешемский, Нерехотский, Костромской, Буйский и Галичский) (8). И сам Ростов в период своего расцвета занимал обширнейшую территорию. Как пишет Б.Н. Эдинг: «по косвенным указаниям одной легенды

город был в несколько раз больше современного; его “средний ров” окружал огромные пространства, в настоящее время совершенно пустынные...» (21, с. 16). И ещё там же (с. 12): «А в этом городе... когда-то умели жить и создавать так, что нам в памятниках прошлого ясна печать нетленной красоты...»

В материалах рукописи А.Я. Артынова, приведённых в работе (22, с. 209-214) за IX в., говорится, что предводитель мирных варягов князь Рюрик, мстя за смерть матери королю франков Карлу Великому, разгромил его столицу Лютецию (Париж) и над воротами её повесил свой победоносный щит. В это время новгородские и ростовские славяне собрались на всеобщий Совет по выбору князя.

Дано исключительно важное определение по отношению к варягам, которыми предводительствовал Рюрик, – мирные варяги, чем подчёркивается их отличие от варягов немирных, скандинавских, бравших дань. Из сообщения о разгроме Лютеции (Парижа) следует важный факт, что славяне россы (поморские славяне) ещё в IX веке взяли штурмом Париж. Попутно отмечу, что и в более раннее время исторические факты не свидетельствуют об особых успехах Карла Великого в войнах со славянами. В.К. Ронин пишет, что современная научная критика источников оставляет мало оснований для традиционного тезиса о Карле Великом как завоевателе славян (15).

Уже существовал обычай вешать щит на воротах побеждённого города. Таким образом, Вещий Олег, повесив щит на воротах Царьграда, повторил то, что сделал ранее Рюрик в побеждённом Париже.

Подробнее остановимся на событии, которое оказало огромное влияние на последующую судьбу восточных славян. Это Совет новгородских и ростовских славян о выборе единого князя и объединении двух славянских – русских территорий в единое Русское государство. Знаменитые старейшины или князья Гостомысл в Новгороде и Бегислав в Ростове выгнали из своих пределов варягов, которым платили дань. Причём, «прогнаша немирных варяг за море».

Учитывая, что Рюрик был предводителем мирных варягов, то очевидно, что в то время очень чётко подразделяли варягов на мирных и немирных. **Мирные варяги** – это поморские славяне, россы, а **немирные варяги** из Заморья – это скандинавы, норманны. И.Е. Забелин пишет: «Именем варягов в собственном смысле древнейшие летописи обозначают особое от скандинавов племя, с которым Русь жила, как с своим братом». И далее: «Одно это обстоятельство, что варяги приходили в Новгород сухим путём, служит яснейшим доказательством их славянства» (6, с. 135). Аналогично можно заметить, что в Повести временных лет говорится, что от Новгорода св. Андрей Первозванный отправился в страну варягов и пришёл в Рим. Очевидно, что св. Андрей Первозванный отправился в Рим не через Скандинавию, а через государство поморских славян, от которого до Рима было недалеко. И это также говорит, что варягами в летописях обозначали славян Поморья. В работе (23) было показано, что поморские славяне были россами, то есть славяно-россами (мирными варягами, варягами-русью).

После общего Совета для единой державы обеих республик было решено идти к поморским славянам, к известному варяжскому князю Рюрику, после его победы над франками и взятия их столицы Лютеции. В Летописи св. Димитрий Ростовский писал, что приглашённые «на княжение Русское» три варяжских брата «Рурикъ, Синаусъ или Сенеусъ и Труворъ или Триворъ» говорили на славянском языке (5, ч. III, с. 15).

Долгие, долгие годы оставался загадкой этот немислимый парадокс: только что изгнали варягов, которым платили тяжкую дань, и тут же отправились приглашать их княжить и владеть славянами. Это сообщение способствовало созданию пресловутой норманнской теории, с приверженцами которой шла борьба со времён М.В. Ломоносова. О странности такого приглашения бывших врагов писал ещё в XIX веке С.А. Геденов: «Может ли народ или общество, желающие князя миротворца и судию, обратиться к князьям чужого, враждебного племени, не знающим ни языка, на котором должны выслушать притязания родов, ни права, по которому судить своих подданных?» (2, с. 92). И далее (с. 132) делает вывод, что «если бы не история и народное предание, историческая логика указала бы на поморских князей».

И вот этот парадокс разрешается наконец простым уточнением, что были **варяги мирные и немирные**. И с этим уточнением о так называемой норманнской теории можно навсегда забыть. Мнение учёных разных поколений и направлений, доказавших, что норманизму нет места в нашей истории, теперь хорошо согласуется с летописными сведениями о приглашении варягов мирных (!), то есть поморских славян россов.

Представим себе ситуацию того времени. Славяне Новгородской и Ростовской земель понимали, что разделены они искусственно. Они хорошо знали, что поморские славяне такие же росссы, как и они. Кроме того, в то время все славяне говорили ещё на едином общеславянском языке. Как быть при желании объединиться? Необходимо выбрать такого князя, который бы всех устроил. Ясно, что какими бы мудрыми и хорошими ни были Гостомысл (новгородский) и Бегислав (ростовский), для избежания спорных моментов их выбирать нельзя. И тут узнают («прошла молва»), что не просто славянский, а славяно-росский князь Рюрик разгромил столицу могущественной империи франков. Конечно, такой вариант всех устроил. Тем более, как мы знаем из материалов рукописи А.Я. Артынова, приведённых в работе (22), Рюрик был представителем и прямым наследником старшей ветви славянской правящей династии. В Новгороде и Ростове правили представители младшей ветви – ростовской. Поэтому, приглашая Рюрика, был сделан блестящий политический ход – найден претендент на титул князя князей, который имел на это право по династической линии, который доказал своими действиями исключительные способности как военачальник и руководитель и который был того же рода-племени, что и будущие его подданные, говорящие на одном с ним языке. При такой авторитетной для всех личности споры и разногласия утихли сами собой.

Нельзя не отметить высокий нравственный уровень поступка князей Новгорода и Ростова – Гостомысла и Бегислава. Для процветания отечества они добровольно отказались от единоличной власти в своих огромных землях-государствах и выступили инициаторами объединения. Гостомысл предложил послать приглашение Рюрику возглавить вновь образующееся славянское государство, а Бегислав возглавил делегацию северных племен. Отмечу ещё один важнейший момент: Русское государство образовалось от объединения северных территорий – Новгородской и Ростовской земель. Именно они, а не земли полян и северян стали той основой, вокруг которой в IX веке снова стали объединяться славянские племена. Именно они, объединившись, стали первым в IX веке русским государственным образованием, а не Киевская Русь, которая возникла позднее, после перенесения Олегом в Киев столицы из Новгорода.

В некоторых исследованиях подвергаются сомнению отдельные фразы из Повести временных лет и других летописей. При этом отмечается, например, что там «идёт путаница из фрагментов разной направленности» (16, с. 47). В результате предлагается «новое» прочтение и осмысление летописных материалов. При таких «новых» прочтениях, в качестве основы выдвигаемой концепции, предполагается когда-то произведённая переделка текста летописей. Причём это очень ответственное предположение основывается лишь на гипотетических исторических исследованиях. Например, в работе (16, с. 53) отмечается, что «игумен этого [Выдубицкого] монастыря Сильвестр кое-что изменил в полученной книге [летописи Нестора]... Новая переделка была поручена “Ладожанину”». Далее в той же работе говорится, «поправки к рукописи Нестора (1113 года), сделанные “Ладожанином”, носят явно проваряжский характер» (16, с. 53). И затем отмечается, что чувствуется постоянное стремление поставить Новгород на первое место, оттеснив Киев.

Ранее было приведено достаточное количество фактов и сведений из разных источников, которые свидетельствуют о безусловном первенстве и главенстве Новгорода. Так что, если следовать букве существующих ныне письменных источников, то оттеснять Киев “Ладожанину” не было никакой необходимости, поскольку Киев никогда не был не только на первом месте, но и на втором (вспомним сведения о Ростове Великом). Как уже было сказано, Новгород вообще был основан и стал столицей общеславянского государства за тысячу лет до основания Киева. Утверждения “Ладожанина”, что был варяжский народ «русь», также полностью соответствуют исторической истине. Как уже говорилось ранее, поморские славяне (мирные варяги) и были росским племенем или, как написано в летописях, – варягами «русь». Поэтому в отождествлении русов с варягами для людей того времени не было никакой неожиданности, а воспринималось как заурядная истина. В нашей же статье сведения русских летописей хорошо согласуются с излагаемой концепцией, и при этом варягам норманнам фактически вообще не остаётся места в отечественной истории.

Рассмотрим ещё один момент, связанный с приходом Рюрика с братьями на Русь. Можно предположить, что вместе с Рюриком и его братьями переселилось довольно много мирных варягов – поморских росссов. «И избърашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь...» То есть переселились все поморские росссы, как следует из приведённой летописной цитаты. Такое переселение ни археологически, ни лингвистически уловить, конечно, невозможно при одинаковой культуре, языке и антропологическом типе. Однако, если учесть, что, как пишет И.Е. Забелин (6, с. 132), летописец страну славянских вагров, оботритов, рюгенцов, велетов-лютичей называл одним именем Русь, то переселение могло быть значительным. Это переселение со своими родами и со всей русью, конечно, укрепило вновь образованное Русское государство со столицей в Новгороде, но, возможно, ослабило позиции поморских славян.

Выводы: 1. Образование Русского государства произошло в результате объединения Новгородской и Ростовской земель до существования Киевской Руси. Государства Новгородская и Ростовская земли занимали огромные пространства лесной полосы от Чудского озера до Уральских гор.

2. Во время призвания Рюрика возглавить Русское государство, существовало чёткое разделение: **мирные варяги** – поморские славяне, такие же росссы как и жители Новгородской и Ростовской земель, и **немирные варяги** из Заморья – скандинавы, норманны, которым перестали платить дань

и которых прогнали со своей земли северные россы. Приглашение Рюрика было блестящим политическим ходом, позволившим объединить северное славянство.

3. Россы лесной полосы входили в объединённое славянское государство вандалов-венедов вместе со славянскими племенами скифов и сарматов, создание которого завершилось около VII в. до н.э. Таким образом, славянская государственность возникла, по крайней мере, за полторы тысячи лет до государства Русь. При этом есть признаки государственности у славянских племён и в более раннее время.

4. Основание Новгорода произошло в VI в. до н.э. на месте, где многие сотни лет проживали славянские племена. Итак, время основания Новгорода удревняется на полторы тысячи лет, по сравнению с известными сообщениями летописей, в которых указано время возобновления Новгорода, а не его основания.

5. Ростов также основан значительно раньше, чем идёт первое упоминание о нём в летописях. В середине V в. до н.э. он был возобновлён на месте древнего военного стана розской дружины (Россов стан), который соотносится с ещё более давним временем – XVIII в. до н.э. Таким образом, Ростов (Россов стан) основан по крайней мере на тысячу лет раньше Рима.

Литература

1. *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
2. *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. СПб., 1876.
3. *Геродот.* История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972.
4. *Городцов В.А.* Бытовая археология. М., 1910, с. 384.
5. *Св. Димитрий митрополит Ростовский.* Сочинения. Т. IV. М.: Синодальная тип., 1827.
6. *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времён. Ч. 1. М.: Синодальная тип., 1908.
7. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М.: Восточная литература, 1960.
8. *Корсаков Д.А.* Меря и Ростовское княжество. Казань: Университ. тип., 1872, с. 195.
9. *Ломоносов М.В.* Замечания на диссертацию Миллера Г.Ф. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. Т. 6. М.-Л.: АН СССР, 1952.
10. *Помпоний Мела.* Землеописание. SC. II, 1.
11. *Мельникова Е.А.* Новгород Великий в древнескандинавской письменности. В кн.: Новгородский край. Л.: Лениздат, 1984, с. 129.
12. *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М.: Наука, 1986, с. 37.
13. *Г. Плиний Секунд.* Естественная история. SC. II, 1, с. 174.
14. *Псевдо-Скимн.* Землеописание. SC, I, 1, с. 89.
15. *Ронин В.К.* «О власти» Карла Великого над славянами. СС. 1984. № 1, с. 44.
16. *Рыбаков Б.А.* Мир истории. Начальные века русской истории. М.: Молодая гвардия, 1987.

17. *Рыдзевская Е.А.* Холм в Новгороде и древнесеверный Holmgard.r, ИРАИМК. Т. II. Петербург, 1922, с. 109.

18. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М.-Л.: АН СССР, 1962.

19. *Титов А.А.* «Велесово дворище» и легенда о жреце Киче. М., 1887.

20. *Удальцов А.Д.* Племена европейской Сарматии II в. н.э. // СЭ. 1946. № 2.

21. *Эдинг Б.Н.* Ростов Великий. Углич. М., 1913.

22. *Яхонтов Ю.А.* Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика. М.: Вече, 2009.

23. *Яхонтов Ю.А.* Три территории россов. Литературно-исторический журнал «Великороссь» 2015. №1(15), с.73-79.

ПОЭЗИЯ

Сергей Павлович Калугин – родился в 1978 г. в Москве в семье инженеров. В 2000 г. окончил МИИТ. В 2003 г. защитил диссертацию. Пишет стихи с 1999 г.

Живёт в Москве.

Сергей КАЛУГИН

«Когда былое не ушло...»

Отчий дом

В этом доме мне нету покоя,
В этом доме не будет отрады,
Не имею угла своего я,
Всем я в тягость, и мне здесь не рады.

И когда я от жизни устала,
Мать, и отчим, вдруг сделавшись мрачен,
Упрекают, что опыта мало,
И бранят, коль иной неудачен.

Будят, только глаза чуть смежу я,
И в борьбу постоянно толкают,
Так безжалостно, словно чужую,
И опять, и опять упрекают...

Мой любимый в беде не поможет,
Ведь ему я не всё рассказала,
Да он сам разорвать и не сможет
Паутину своих интегралов.

Так к кому же тогда прислониться,
Рассказать о своей горькой доле,
Как давно мне ночами не спится
От сердечной мучительной боли?

Слова тёплого я не услышу,
Настоящей любви не узнаю,
Не найду я свой дом, свою крышу,
Нелюбимых детей спеленаю...

Прощальный подарок

Вручённое в молчании,
Как я расстался с Танею,
Осталось на прощание
Карманное издание.

Стихи мои любимые,
Весёлые и грустные,
Легко произносимые,
Как обращенья устные,

Слова любви и радости,
Надежды и сомнения,
Для юности и старости
Любого поколения,

И сладкие, и жгучие,
Как будто бы бездонные,
Как будто бы по случаю,
Недавно сочинённые,

Похожие и разные,
Они всегда попутные,
Их повторяю в праздники,
Шепчу в минуты трудные,

Звучат слова несложные,
Другие намечаются,
И счастье невозможное,
И время возвращается...

Узник

В оковах жил я много лет,
Но час настал – и вот,
Себе хозяин и совет,
Плыву по глади вод.

Чтоб на свободе снова жить,
Заплачено ценой
Судьбы и жизни, может быть,
И даже не одной.

Но что за дело мне до них,
Хранителей оков,
Людей и чуждых и чужих,
И временных врагов,

Когда былое не ушло,
Ещё сильна печаль,
И оттого так тяжело,
И никого не жаль?

Я не один таков теперь,
Участвуя в борьбе,
Где каждый — враг, где каждый — зверь
И людям, и себе.

Сейчас везде, возьмёшь ли дно,
И даже высший свет —
Ожесточение одно,
Любви и дружбы нет.

Везде, что город, что село,
И что таёжный скит —
Всепроникающее зло
Свои дела творит,

И беззащитной красоте
Недолго ждать конца,
Когда уже ничьи, нигде
Ей не смягчить сердца...

Да, в мире стало горячей,
И ваш ответ готов:
Живи с досмотрами вещей,
С контролем паспортов!

Живи среди стальных дверей,
Заборов и собак!
Нет, лучше остров дикарей,
Такой уж я чудак.

Пора уйти от дел мирских,
От суеты сует,
Ведь нет сомнений никаких,
Что в мире правды нет.

Ведите, люди, без меня
Борьбу между собой,
Распространяйте власть огня
Среди земли любой,

А мне оставьте старый дом,
Волнение весны,
Цветенье сада за окном,
Мои цветные сны,

Оставьте в сумерках со мной
Весеннюю грозу,
В час одиночества ночной
Случайную слезу...

Я их найду, не пропущу,
Пойму издалека,
Чего я так давно ищу,
Найду! — ну, а пока

Расстаться с вами я спешу,
Вам не желая зла,
И лодку вдаль я увожу
Ударами весла.

Катя Варенцова

Если бы, не дай Бог, Катя оказалась на улице одна, и какой-нибудь заботливый, а может, просто любопытный прохожий спросил её: «Ты чья, девочка?», она, не задумываясь, ответила бы следующее: «Меня зовут Катя Варенцова. Мне пять лет. Я живу с мамой и папой на Серебрянической набережной в доме номер пятнадцать дробь семнадцать». Родители научили Катю на всякий случай, надеясь, что этот самый случай никогда и ни за что не случится.

Правда, было это давно – ещё в прошлом году, до войны. А теперь Кате шесть лет, идёт война, и живут они вдвоём с мамой.

Война началась так неожиданно, что долго ещё ничего нельзя было разобрать. Слов кругом говорили много, но смысл прятался в словах, как старая коряга в густом тумане. Это напоминало какое-то колдовство, которое тоже всегда начинается внезапно и само просто так не заканчивается. Вокруг Кати всё постепенно стало меняться, переворачиваться, словно бы Катя вдруг очутилась в сказке. Только вот сказка на сей раз была страшной.

Сначала изменился город. «Москву заколдовали», – думала Катя. Очень быстро весёлая и нарядная прежде Москва стала мрачной и серой, затянутой в какие-то лохмотья, как обедневшая и без времени постаревшая красавица. Было похоже на волшебное превращение, но волшебство было злым – вдруг явился колдун и обратил прекрасную царевну в старуху. Конечно, все знали, что старуха ненастоящая и потому изо всех сил добивались, чтобы чары поскорее спали. Но это оказалось непросто – колдун был силен.

По набережной больше не гуляли красивые пары, зато носились грузовики, о которых говорили, что они везут для фронта. На улицах и во дворах перестали смеяться. Даже трамваи на бульваре огрызались злобно. Да что там трамваи! Стали происходить совершенно невозможные вещи: несколько раз, когда маме не нужно было утром на

Светлана Георгиевна Замлелова – родилась в Алма-Ате. Окончила РГГУ. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Член корреспондент Петровской Академии наук и искусств. Прозаик, публицист, критик, переводчик. Автор книг прозы «Гностики и фарисеи» (повести и рассказы), «Посадские сказки», «Блудные дети» (роман), «Скверное происшествие. История одного человека, рассказанная им посмертно» (роман) и др. Автор переводов французской и болгарской поэзии. Кандидат философских наук (МГУ им. Ломоносова), автор философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX-XXI вв.»

Живёт в Сергиевом Посаде.

дежурство в больницу, они ходили ночевать в метро на «Площадь Дзержинского». Слышанное ли дело: весь зал уставлен кроватями, а кругом – люди, люди... И всё женщины с детьми, такими как Катя, поменьше, постарше. Катя никогда прежде не видела такого количества людей, спящих бок о бок. И кто бы мог подумать, что метро превратится в ночлежный дом! Это мама так говорила, а Катя лишь повторяла, потому что ей нравилось выражение «ночлежный дом». Наверное, это такой дом – волшебный – где все только и делают, что спят. Настоящее сонное царство! Таким царством теперь стало метро – спит «площадь Дзержинского», спит «Маяковка», спят «Сокольники» – спят и другие большие и малые станции. Спят спокойно и не слышат сирены, похожей на голос невиданного и невидимого чудовища. Вой этой жуткой сирены проникал в самое нутро, и Кате казалось, что она слышит его животом.

Спят и не бегут среди ночи в подвал, где, как в доме на Серебрянической набережной, устроено своё маленькое бомбоубежище. Спят и не боятся самолётов – ужасных железных птиц, которым ничего не стоит разрушить школу, трамвай и даже водопровод, живущий глубоко под землёй.

Но главное, Москва вдруг обезлюдела, опустела, а тех, кто исчез из города, стали называть отчего-то «выковыренными». Правда, мама говорила как-то по-другому, но всё равно было похоже на «выковыренных». Катя не знала, почему их так называли, но ей было приятно думать, что они с мамой никакие не «выковыренные» – живут, как и жили раньше, в доме номер пятнадцать дробь семнадцать, и никто их отсюда не посмеет выковырять. Жаль только, что папа уехал. Но ведь он и раньше уезжал, а потом всегда возвращался. Только раньше это называлось «в командировку», а теперь – «на фронт». Но и тогда, и сейчас Катя скучала по нему, по его голосу и по табачному запаху, от которого перехватывало дыхание, когда папа целовал её и накрепко обдирали лицо своей щетиной.

– Борода! Борода! – визжала Катя, уклоняясь от отцовых ласк, несколько, впрочем, не желая их прекращения.

– Ух ты, Катюха! – смеялся папа и подбрасывал её в воздух как какого-нибудь котёнка. – Пузырь!..

Но папа – не «выковыренный», нет. Он – офицер и уехал на фронт. Вот мамина сестра тётя Ляля – совсем другое дело. Она – самая, что ни на есть «выковыренная», потому что ещё в сентябре с Бусей и Марусей уехала из Москвы в Сталинград. Мама потом вздыхала:

– Господи! И смех, и грех... Да кто знал?..

Катя сначала не понимала, чем это тётке Ляле так не понравился Сталинград, что оттуда она через месяц подалась на Урал. И когда Катя наконец спросила об этом у мамы, мама чуть не заплакала:

– Да там же немцы!.. – И тихо добавила, – и папа...

Ух, эти немцы! Это слово стало самым страшным. Всему, что не так – причиной кошмарные, неодолимые немцы. Кто они такие и что им было нужно, Катя не понимала, но сразу начала их бояться. А в октябре все испугались. И все говорили только о немцах. Во всяком случае, Катини соседи – Милочка Солодова и Мунька Бернштейн – сходясь во дворе, говорили только о немцах. Милочке было девять лет, а Муньке – все десять. Катя считала их взрослыми и очень умными.

– Говорят, Москву немцам оставляют, – шептал во дворе Мунька. И непонятные его слова вылетали изо рта паром в холодный октябрьский воздух.

– Не может быть! – выдыхала Милочка.

– Ещё как может!..

Значит, немцам нужна Москва, думала Катя, укладываясь спать. И немцам Москву отдадут. Всю большую Москву – с домами и улицами, с Мавзолеем и Мунькой, с Катей и Милочкой, с мамой и Большим театром, с Яузой и Астаховским мостом...

– А правда, что Москву отдадут немцам? – спросила Катя у мамы, когда и мама уже укуталась в одеяло.

– Кто это тебе сказал? – мама даже приподнялась на локте. – Впрочем, я догадываюсь. Это ведь Михаил забивает вам головы разным вздором?.. Завтра я поговорю с ним, чтобы он поменьше болтал.

– Не надо, – наморщила нос Катя, – не говори...

– Ну хорошо, – согласилась мама, снова кутаясь, – только прошу тебя: не повторяй разные глупости! Ты ведь большая... Никто Москву не отдаст, поняла?.. Никто!

И хоть Катя верила маме больше, чем Муньке, всё же вокруг ничто не сулило хорошего. Мечущиеся в ночном небе лучи прожекторов скрещивались на стене, и в этих световых пятнах появлялись тени фарфоровой собаки, стоявшей на комод, и двух висевших рядышком чучел – белки с шишкой в лапах и совы с жёлтыми стеклянными глазами. Когда свет падал на сову, глаза её на мгновение вспыхивали, и казалось, что вот-вот сова взмахнёт крыльями, ухнет, расхохочется и улетит. Конечно, сделав напоследок что-нибудь настолько коварное, что даже подумать нельзя.

Белка была страшна как никто другой. Глядя на её тень, Катя думала, что видит чёрта: уши с кисточками походили на рога, чуть изогнутая спинка – на безобразный горб, а шишка в лапах – не то на гигантского жука, не то и вовсе на какое-то страшное орудие, о предназначении которого Катя не знала, но не сомневалась, что это что-то чрезвычайно опасное. Шли ночи, но ни сова, ни белка, ни фарфоровая собака не покидали насиженных мест. Только сова, посверкивая глазами, вызывала наибольшие подозрения и заставляла Катю наблюдать за ней, высунув нос из-под одеяла. И, как оказалось, не зря. Сова и белка накликали беду.

Как-то давно Катя видела в парке, как мальчишки разворошили палкой муравейник. Потрясенные муравьи заматались, забегали и, по-видимому, совершенно растерялись. В середине октября Москва стала похожа на такой растревоженный муравейник. Казалось, что повсюду хлопают двери, все куда-то бегут и уносят всё, что могут унести. Трамваи и вовсе исчезли, а метро, как говорили, остановилось и не работает больше. Зато на улицах появились коровы и свиньи, целыми стадами направлявшиеся неизвестно куда. Кто бы мог подумать, что в Москве, оказывается, проживает столько свиней и коров! А ещё всю Москву заложили набитыми чем-то мешками. Выросли даже стены из мешков. Мунька сказал, что когда придут немцы, мы будем прятаться за этими стенами и стрелять. Катя возразила, что у них нет оружия. Тогда Мунька заверил её, что оружие им дадут. Но Катя ему не поверила.

Мама уже несколько раз плакала – Катя видела, что глаза у неё красные. А однажды мама сказала на кухне Солодовым:

– ...Вы даже не представляете!.. Из райздравицы все сбежали... Вместе с машинами сбежали...

– Это что! – чему-то радуясь, объявила тётя Клава. – Вон из трамвайного парка бухгалтер ушёл на машине. Да со всей зарплатой!

В тот день все толкались на кухне, чего-то ожидая от радио. Но радио молчало. Ждали в два часа, потом в пять...

– Должны сказать... – шептала мама, сжимая пальцы в замок. – Должны... Не могут нас бросить...

Но радио молчало, и Солодовы заговорили, что «всё, как Москва – там все разбежались, а нас сдают, бросили нас». Тогда Мунькина мама – тётя Мара – ушла с кухни, как будто обиделась.

А Катина мама одёрнула Солодовых:

– Перестаньте паниковать!.. Это паника. Как вам не стыдно...

Поздно вечером, когда Катя уже лежала в постели, а мама возилась с какими-то вещами у комода, в дверь к ним как сумасшедший заколотил Мунька. Мама пошла открывать, и едва только щёлкнул в двери замок, как Мунька, задыхаясь, каким-то яростным шёпотом объявил:

– Скорее... Скорее... Жуков будет выступать!

Мама, державшая в руках серый пуховый платок, бросила его в кресло и побежала за Мунькой на кухню. Катя выпрыгнула из постели, схватила брошенный платок и понеслась следом. На кухне столпились жильцы из всех комнат и молча слушали резковатый и уверенный мужской голос из чёрного приёмника. Из всего, что сказал голос, Кате запомнились только два слова: «военное положение». Но все вокруг были так рады, как будто ничего лучше военного положения просто не существовало на свете.

– Слава Богу!.. Слава Богу!.. – всё шептала мама, когда они с Катей, вернувшись, укладывались спать.

– А что такое «военное положение»? – решила всё же выяснить Катя.

– Это значит, что нас не бросили. Поняла?.. Не бросили... И уже не бросят... Спи!

Катя не совсем поняла и на всякий случай взглянула на сову. Сова зыркнула на неё жёлтым глазом и спряталась в темноте.

Зимой всё окончательно перевернулось. Даже еда стала – нарочно не придумаешь. Самым вкусным теперь были хлеб и нелюбимое когда-то Катей молоко. Но молоко появлялось нечасто и понемногу. Самым же противным была мёрзлая картошка, жаренная на рыбьем жире. Бывала ещё каша – тоже с рыбьим жиром, паштет из дрожжей и селёдка, из-за которой долго потом хотелось пить. От такой еды оставалось только плакать. Но ничего не есть тоже не получалось.

Мама теперь целыми днями пропадала в своей больнице. А Катя в компании Муньки и Милочки поднималась по оледеневшему Николоворобинскому переулку прямо к Воронцову полю – к тому дому, где жила раньше какая-то купчиха, – чтобы съехать потом на салазках вниз, к набережной. С двух сторон от Кати мелькали по переулку дома, дыхание перехватывало от ветра, и было так весело, что Катя забывала даже про рыбий жир. И всё-таки, как ни странно, эта ледяная горка была теперь чем-то самым обыкновенным в новой Катинной жизни.

А ещё Мунька водил их в Сыромятники показать, где работает его дядя, который, по заверениям самого Муньки, заминировал Большой театр.

– Это на случай сдачи города немцам, – важно объяснял он.

Правда, к дяде их не пустили, но Мунька тогда предложил сходить на Тверскую к бабушке, у которой отключили отопление, и в квартире лежит снег, отчего бабушка не моется и носит на себе всю свою одежду, не снимая ни ночью, ни днём.

– И теперь на ней – сто одёжек!
 – И все без застёжек! – засмеялась Катя.
 – Твоя бабушка что, капуста? – только хмыкнула Милочка.
 – Увидите сами, – ответил Мунька таким тоном, как будто обещал показать Конька-горбунка или Жар-птицу.

Мунька не соврал: в квартире у бабушки оказалось едва ли не холоднее, чем на улице. А сама бабушка была похожа на куклу, которую надевают на заварной чайник. Из-за холода бабушка и в самом деле носила на себе всё содержимое своего гардероба, отчего стала в три раза толще. Но что более всего поразило Катю, так это слой инея на стенах бабушкиной квартиры. Катя даже потрогала иней пальцем – он был настоящим: холодным, колючим и хрупким. Но едва только она подумала, что иней на стенах бывает только в пещерах волшебниц, как бабушка заговорила с ней:

– Что, детки?.. Холодно... Замёрз дом... Воду не спустили вовремя... До весны теперь. А там починят!.. А вот угощать мне вас нечем – одни дрожжи...

Катя испугалась, что бабушка заставит их есть дрожжи, и тут же отдёргнула от стены руку, одновременно обращая на Муньку молящий взгляд. Но Мунька и не собирался задерживаться – дрожжи ему тоже не улыбались. И он заторопился.

– Нет, ба, мы засиделись ... – сказал он. – Нам пора.

– Твоя бабушка – волшебница? – спросила Катя у Муньки уже на лестнице.

– Думаю, нет, – как всегда важно ответил Мунька.

Когда они ещё только шли на Тверскую, завывла сирена, приглашая своим истошным воем в бомбоубежище. Приглашение, что и говорить, было не самым изысканным, но все давно согласились, что на войне не до галантности. В подвале дома, где жили Катя, Милочка и Мунька было своё бомбоубежище. Но Кате не нравился сырой и тёмный подвал. Поэтому, когда на полпути к Тверской – в Подколокольном переулке – их застигла сирена, и следом за Мунькой они бросились в ближайшую арку, чтобы скрыться во дворе от возможного и внезапного появления на улице милиции, Катя обрадовалась.

Во дворе было пусто. На расчищенном от снега пяточке стояла скамейка – просто доска, положенная на два одинаковых чурбана. Рядом из сугроба торчал черенок лопаты, и тянули замерзшие ветки тоненькие деревца.казалось, что весь этот двор был нарисован углём на чистом листе бумаги. Следом за Мунькой Милочка и Катя уселись на скамейку, и все трое застыли. Так они и сидели рядом, прижавшись друг к другу на тесной скамейке: Мунька в ушанке, Милочка в круглой шапке с длинными ушами и Катя, затаенная крест-накрест в серый шерстяной платок. Но словно поджидая их, появился во дворе ещё и четвёртый – тощий серый в полоску кот, запрыгнувший на скамейку, усевшийся рядом с Катей и тесно прижавшийся к ней боком. Всё оставшееся время, пока бесновалась сирена, они сидели уже вчетвером на деревянной скамейке.

У Муньки в кармане пальто нашёлся кусок хлеба. Мунька отломил кусочек и молча передал Милочке. Милочка так же молча передала Кате. А Катя подсунула кусочек под нос коту. И кот не побрезговал – взял хлеб и, перекачивая его справа налево, наклоняя при этом голову то в одну, то в другую сторону, разжевал и проглотил. Потом коту дали ещё кусочек. И ещё один. Кот жевал сухой хлеб под вой сирены, даже не думая привередничать. Когда

наконец сирена затихла, кот боднул Катю, точно благодаря за угощение и компанию, прыгнул со скамейки и куда-то исчез. Причём так же внезапно, как и появился.

Невероятное и непостижимое случилось весной. Катя уже забыла, зачем им понадобилась Берниковская набережная на другом берегу Яузы. Им нужно было пересечь мостовую Серебрянической набережной, дойти до Астаховского моста и по нему спуститься на другой берег. Катя лишь помнила, как Мунька, перебежавший через проезжую часть, по которой с самого начала войны сновали взад-вперёд грузовики, махал им рукой и звал к себе. А Катя с Милочкой стояли перед своим домом на тротуаре и смотрели на Муньку.

– Ну давайте! – кричал Мунька. – Ну что вы там застыли?..

И Милочка первая сошла с тротуара на мостовую. А дальше опять началось колдовство. Ступив на мостовую, Милочка огляделась – дорога была пуста. Тогда Милочка побежала – лёгкая, гибкая, тоненькая. Но вдруг на середине дороги поскользнулась и упала на спину, смешно задрав ноги. В то же самое время с Астаховского моста выскочил на набережную грузовик. Милочка заторопилась, но едва только сделала шаг в сторону Муньки, как ботинок её снова скользнул по накатанной мостовой, и Милочка снова упала, только теперь – упираясь в мостовую коленками и ладонями. Катя видела, что уши круглой Милочкиной шапки касаются мостовой, а сама Милочка, обернувшись в сторону грузовика, пытается отползти от скользкого места. Но было уже поздно. Машина, не останавливаясь и даже не просигналив, помчалась мимо Кати. А когда она уехала Катя увидела Муньку, мостовую и лежащую на боку Милочку с поджатыми к груди коленями. Её круглая меховая шапка лежала рядом, разметав свои длинные уши. Почему-то эта шапка больше всего и напугала Катю.

Ещё живую, Милочку отвезли в Яузскую больницу, где работала Катина мама. Но уже вечером Катя узнала, что Милочка умерла.

«Умерла...», – шептала Катя, сидевшая с ногами на своём диване, и жавшаяся к спинке. Умерла...

– Убили ребёнка!.. – кричала в это время тётя Клава. А Катя, понимая и не понимая, что это значит, прислушивалась к этим крикам, доносившимся от Солодовых.

– Убили! Ребёнка убили!.. За что? За что?.. Взяли так просто и убили... Как таракана какого раздавили... Гады! Гады проклятые!..

– Это немцы убили ребёнка? – спросила Катя у мамы, вернувшейся от Солодовых, где она успокаивала тётю Клаву.

– Нет... Не немцы... – мама ответила так странно, таким серым голосом, что Катя, хотевшая спросить о чём-то ещё, отказалась от своей затеи.

А летом – странное дело! – зацвели липы, принялись благоухать как ни в чём не бывало, как будто не было никакой войны на свете, не убивали детей, не падали бомбы на Большой театр и не нужно было есть мёрзлую картошку на рыбьем жиру. В липовом запахе было что-то неуместное, дерзкое, но в то же время... обнадеживающее. И все в доме как-то присмирели, стали привыкать и говорить:

– Ах, как пахнут в этом году липы!.. Ведь и до войны так не пахли...

– Как хорошо пахнут липы! – повторяла за всеми Катя, которая почему-то удивилась, что липы всё-таки зацвели.

Их дом – номер пятнадцать дробь семнадцать по Серебрянической набережной – красивый, трёхэтажный дом был окружён липами и чугунной решёткой с воротами. На ночь ворота запирались, и обитатели дома чувствовали себя совершенно защищёнными. Осенью липы грустили, а от опавшей листвы в комнатах стоял терпкий, кисловатый запах. Зимой липы спали, застывшие и безразличные ко всему на свете. Весной начинали просыпаться и спростонья шевелили ветками, словно огромные жуки усами. Потом просыпались окончательно, покрывались листьями-сердечками и принимались перешёптываться. А вскоре зацветали, и тогда весь дом наполнялся таким ароматом, что казалось, кто-то разбил неподалёку склянку духов.

Но всё это было до войны. До войны Катя вместе с родителями посадила среди лип два тополя. Как-то в начале весны мама принесла домой две тополиные ветки, их поставили в воду, и довольно скоро ветки покрылись маленькими зелёными пёрышками. С каждым днём пёрышки подрастали, пока не превратились в листья – длинные, липкие и душистые. Ваза стояла на подоконнике, и Катя каждый день забиралась на стул, чтобы потрогать листья. А когда стало тепло, они высадили ветки под липами. Катя помнила, что втроем они тогда чему-то смеялись. Чему?.. Разве кто-нибудь сможет теперь это объяснить?..

Осенью Катя пошла в школу на Воронцовом поле. К тому времени исчезли мешки с улиц города, а Мунькиной бабушке починили отопление. Бабушка сняла с себя лишнюю одежду и начала ходить с тётёй Марой в Устьинские бани. Москва тоже понемногу сбрасывала с себя лохмотья и умывалась – чары постепенно спадали. Вернулась с Урала тётя Ляля, а с ней – Буся и Маруся. «Выковыренные», – подумала Катя, но вслух ничего не сказала, потому что Буся и Маруся были тощие, вшивые, а у Буси – ещё и бельмо на правом глазу. Кате очень бы хотелось рассмотреть его как-нибудь получше, но она боялась, что бельмо возьмёт да и перейдёт из больного Бусинога глаза в её собственный здоровый.

И всё же самое главное за это время случилось, когда Катя окончила второй класс. В то лето в Москву привезли немцев, много немцев. Мунька сказал, что они пленные и совсем неопасные. И что их нарочно привезли в Москву, чтобы показывать. Немцев поведут по улицам, а все будут стоять и смотреть. Кате очень хотелось увидеть немцев, почти как тигра в цирке. И они с мамой пошли на Земляной вал.

Сначала Катя не рассмотрела людей – по Земляному валу издали и дальше ползла огромная серая змея. Так показалось в первое мгновение. Но потом Катя увидела людей в серой военной форме. И это были самые обычные люди с уставлыми небритыми лицами. Они смотрели перед собой или себе под ноги, не желая встречаться ни с кем глазами. Шествие проходило в молчании, словно бы и участники, и зрители тяготились им, хоть и по разным причинам. Люди, окаймлявшие Земляной вал, одинаково сосредоточенно, с одним и тем же вопросом в глазах смотрели на серую змею, медленно уползавшую куда-то, чтобы никогда уж не появиться вновь.

– Пошли отсюда, – сказала вдруг мама таким же голосом, каким говорила тогда о Милочке. И они пошли домой.

Спустя месяца два, им принесли письмо. Мама была на работе, и Катя долго крутила письмо в руках, прежде чем решилась прочитать. Письмо было с фронта, но не от папы – от него давно уже ничего не приходило. Вдруг Катя

подумала, что, быть может, это кто-нибудь написал им про папу. И с этой мыслью решила открыть конверт.

Письмо было написано ужасным почерком. Часть слов Катя так и не разобрала. А в некоторых словах не смогла прочесть ни одной буквы. Но всё же смысл письма был ясен. Неизвестный Кате человек, обращаясь к маме, уверял, что он хорошо знал папу и служил вместе с ним – с гвардии старшим лейтенантом Варенцовым. И что гвардии старший лейтенант – герой, потому что в Сталинграде, когда город «очищали от немецких захватчиков, он заметил вражеский дот, из которого противник вёл сильный огонь». Тогда вместе с каким-то своим товарищем «он смелым броском ворвался в дот и захватил трёх обер-ефрейторов, чем обеспечил продвижение наших войск и ускорил уничтожение оставшихся в городе фашистов». А потом – не в Сталинграде, а уже совсем в другом месте – он «во время нашей атаки, будучи тяжело ранен и оставшись в расположении противника, не сдался в плен, отстреливаясь из автомата до прихода наших подразделений. Горько писать об этом, но до госпиталя он не дожил. От полученных ран гвардии старший лейтенант Варенцов скончался...»

Дальше Катя не стала читать и решила спрятать письмо, чтобы мама ни за что его не нашла. Теперь она прекрасно знала, что значит «скончался». Это как с Милочкой. «Убили ребёнка», – говорили тогда. И это значило, что Милочки больше нет, она как будто уехала, только навсегда. Так далеко уехала, что уже никогда не вернётся. Никогда! Никогда! Можно умереть от тоски и ужаса, таящихся в этом слове!..

И вот теперь папа. Он тоже никогда уже не вернётся. Но ведь Катя всё равно будет его помнить. И мама будет. И тополь во дворе.

Что ж. Любая сказка заканчивается. Даже самая страшная. Только до конца доживают не все герои, даже если Добро побеждает Зло. Хорошо бы вовсе не знать этой сказки. Но война никого не спрашивает, навязывая знакомство.

ПОЭЗИЯ

Светлана ГОРОШИЛОВА

СВЕТЛАНА ГОРОШИЛОВА

Светлана Борисовна Горошилова – поэт, член Союза писателей России. Художник.
Живёт в Москве.

Корни Поэма

*...Где начало, кто дал ему жизнь тогда, ну хотя бы лет четыреста назад?
Где все его предки и что значит «их нет»?..*

«Холмы», Василий Белов

Светает. И деревьев тень
уже не укрывает землю,
они встречают новый день,
держась корнями за деревню.

Вот первый луч набрал разбег –
чердак, окно, и свет продлился.
Свой, но приезжий человек
с неясным чувством пробудился.

Влетали ласточки в окно,
усаживались на стропила
и щебетали. Как давно,
но также в детстве это было.

Там спозаранку он, босой,
в жизнь окунался с головою,
где высыхающей росой
дышало утро и травую.

Тогда не знал он ничего
о смысле жизни, только были
здесь школа первая его
да взрослые – добру учили.

Вот и судьба не обошла,
среди житейских бурь и тягот
с лихвой дала плодов и ягод,
в дорогу – силы и тепла.

Он снова здесь, он возвратился,
но погостить да посмотреть.
И, встретив друга, удивился –
успел приятель облысеть.

И понял – тоже разменял
вторую жизни половину
и с неохотой, но признал –
не скоро распрямляет спину.

Признал, сквозь боль души, как смог,
что молодость необратима,
что все следы его дорог
давно от мест родных шли мимо.

А в доме тихо, никого.
Мать после дойки на покосе.
Жена – у дела своего –
загара, видишь, тело просит.

Но... сенокосная пора.
Деревня тоже опустела.
Плескала волнами жара
на крыши властно и умело,

на деревенский мирный лад,
с его настроем и трудами,
как много, много лет назад
и не растратилась с годами.

Всё – сердцу милые места
и к жизни этой он ПРИЧАСТЕН!
Непостижима и проста
мысль эта окатила счастьем.

Он вышел в поле и обвёл
окрестности родные взглядом.
Как хорошо, он здесь, он рядом!
Зов предков ли сюда привёл?

Как странно? Их на свете нет,
но кровь, она не сиротина.
И сердце выдало ответ,
что вместо них его два сына.

Есть мир земной и мир иной,
есть радость жизни и страданье.
Всё – полный круг иль годовой –
рождение и увяданье.

А в небе купол храма плыл
куда-то в неземные дали.
Среди забвений и могил
на холм крутой его подняли,

где только зной и тишина,
да пчёл негромкое жужжанье,
то холмик в травах, то стена.
И всё – Великое Молчанье!

Молчанье дедов и прапра...
их голосов, их глаз, их судеб...
Жизнь разнолика и мудра,
она была, идёт и будет

идти обычным чередом,
минуя дедовы могилы,
крепиться праведным трудом
и забывать о том, что было.

А в жарком небе облака,
как предков вестники из рая.
Плывут небесные стога,
на труд земной благословляя.

И воздух чист, и светел день,
где всё сродни, и всё знакомо,
и потрудиться всласть не лень
на благо у родного дома.

Он сто дорог исколесил,
ветрами, вёрстами испытан,
и понял – где бы ни гостил,
нет ближе места на Руси,
чем у корней, где род прописан.

Где жизнь, как есть, открыта вся
в трудах, цветеньях, летних грозах
и в том, что забывать нельзя,
как суть, как отчий дом в берёзах!

Юморески

Телефонный разговор где-то на (в) Украине

— Слава Украине, Борь, это Павлик.
— Героям слава! Как дела?

— Слава Украине, нормально... Работали вчера, три памятника снесли, Ленину, Кутузову и ещё кому-то, учёный, героям слава, что ли... Семь лениных осталось и всё, жизнь, слава Украине, наладится, мэр сказал. Слушай, вам воду дали? У нас нет до сих пор, скоро чесаться начну, героям слава... Вчера на сносе у мэра спросил, он говорит, пока всё не снесём и не переименуем, воды не будет. А у меня руки чёрные уже, слава Украине!

— Нам дали, героям слава, видать, уже всё переименовали. Приезжай, помойся... Со своей водой только, купи где-нибудь по дороге... Такие счета за воду приходят, Павлик, что слава Украине... И мыло своё бери, героям слава! А уж полотенце я тебе выделю, слава Украине!

— Хорошо, я тогда вечером заеду, если ничего не случится, героям слава. Слышал, вчера в Киеве?..

— Да, слава Украине... Опять, наверное, скоро начнётся героям слава...

— Что-то, по-моему, эти ещё больше слава Украине. Всё разворовали уже... Дальше-то что?

— Америка, героям слава, допоможе. И немцы обещали, и евреи... Евреи всегда своим помогают, слава Украине... А ты знаешь, что Серёгу забрали? Бытовой сепаратист оказался, «Чунгу-Чангу» в ресторане на русском пел пьяный, героям слава...

— Да, знаю... А ведь нормальный мужик, на бытового пьяницу тянул, а на сепаратиста... При мне бы спел, я б его, гниду, лично, слава Украине, заткнул бы... Слушай, я завтра жену с детьми отправляю, героям слава, в Воронеж, у неё ж сестра там, уже давно зовут, москаляку на гиляку. Сказали, что и прокормят, и с жильём помогут, и работу найдут... А я через месяц, слава Украине,

Илья Борисович Криштул – родился в 1964 г. в Москве. Окончил Московский городской педагогический университет (МГПУ им. Ленина). Пишет юмористические рассказы. Публикуется в «Литературной газете», «МК», журналах «Вокруг смеха», «Москва» и т.д. Имеет много публикаций в зарубежной русскоязычной прессе.

Живёт в Москве.

к ним, отсюда, героям слава, навсегда уже. Так что отходная с меня. С девчонками, с этими, которые слава Украины. Придешь? Кто не скачет, тот москаль!

– Конечно!

– Героям слава! А ты-то когда в Россию, слава Украине? Или ты в Испанию-Италию?

– Да шо мне там делать, в испаниях-италиях этих? Дворы мести? В Россию, конечно. Мои-то давно уже героям слава. В клятой Московии живут, всё нормально, вроде, работа есть, деньги приличные кацапы платят, они ж нам за газ сколько должны... Вчера звонили, довольные, счастливые, слава Украине, что уехали. Возвращаться не будут уже, и детям там хорошо... А я остался, хату хотел в селе продать, сунулся, а там героям слава. Хорошо, что не убили, слава Украине, еле отбрехался. Дарственную подписал и героям слава. И тачку отняли... Слава Украине, хоть до станции довели... На моей же тачке... Львівские отморозки, героям слава...

– То нічого, аби не москалі!

– Ну, если б москали, то де мій автомат и слава Украине! Не віддам рідної землі агресору! Мы ж часть Европы уже всё-таки...

– Я даже знаю, какая мы часть у той Европы... Так ты когда к москалям-то, героям слава?

– Ты ж через месяц? Ну а я через пару недель після тебя, слава Украине... Уже квартиру снял, на, извиняюсь, Севастопольском проспекте, героям слава.

– Ну тогда там встретимся, славаукраикнем...

– Ну так нагероимся-наславимся... Покажем проклятим російською як пити...

– «Чунгу-Чангу» споём... Там можно и на нашем, надо бы выучить его уже... Слушай, мои в Воронеже на улице Ватутина живут. Он враг Украины, не знаешь?

– Уже лет пять как враг, не следишь за историей родины совсем. Яценюк же сказал, что Ватутин, слава Украине, Киев от немцев сначала освободил, а потом оккупировал, с героями слава нашими воевал, пока мы, слава Украине, войну выигрывали... Враг хуже Путина, короче. А чего там, проспекта Бандеры нема? Или хоть Шевченко какого, хоть писателя, хоть футболиста? Пусть, героям слава, переедут!

– Да не, уже устроились, слава Украине, обжились...

– Тогда не говори никому, арестуют как сепаратиста и не видать тебе фашистской России, як своих ушей.

– Всё, молчу. Ты тоже никому, ладно?

– Ну не знаю... У меня ж дед герой Украины, сорок партизан немцам сдал, семьдесят евреев, старостой был, его именем улицу в Ровно назвали, героям слава... А я в деда...

– Слава Украине! С меня сало и горилка сегодня, героям слава!

– Вот це другое дело, всё, забыли, вечером жду. Мыло не бери, я тебе, слава Украине, своё отдам. За пять гривен. Для друга не жалко, героям слава...

– Ну ты ещё не в России живёшь, а уже омоскалился, Борь, мыло по дешёвке продаёшь... Всё, слава Украине!

– Героям слава! Всё, давай! Или сдать тебя, что ли, а сало с горилкой себе оставить... Я так думаю, що це в Росії мені дуже знадобиться... Эх, Павлик, Павлик... Но ничего, жинка твоя себе москаляку найдёт, она ж у тебя симпатичная... Сдам, наверное, в память о деде-герое... Слава Украине! Во, свет отключили, москали поганые...

Жалоба

Хозяину магазина у меня во дворе Гургену Григорьевичу.

Уважаемый Гурген Григорьевич!

Вчера я купил в Вашем магазине 3 кг свежих и румяных плодов яблони из Египта. Продавщица Филоненко И., как было указано на месте её – извините – груди, сказала, что они очень вкусные, сочные и дешёвые, что для меня, неработающего инвалида всех групп по душевному здоровью, немаловажно.

Придя домой, я сел обедать этими плодами и смотреть по телевизору интересную передачу про то, как артисты катаются на коньках. Примерно на середине передачи я обнаружил, что внутри каждого вкусного и сочного плода яблони находится так называемый «огрызок» (далее – О.), который я не ем, но деньги за него мною тем не менее заплачены. Я решил досмотреть передачу, а заодно проверить оставшиеся фрукты на наличие в них оплаченных из моего кармана огрызков. Результаты проверки меня потрясли. В каждый плод, уважаемый Гурген Григорьевич, египетские товарищи засунули по одному несъедобному огрызку! Моё возмущение было так велико, что я, впервые в жизни не посмотрев заключительный блок рекламы, собрал все обнаруженные мной огрызки в количестве 16 шт., положил их в пакет с логотипом «Единой России» и вернулся в Ваш магазин.

Подойдя к продавщице Филоненко И., которая, как ни в чём не бывало, так и стояла за прилавком, я предъявил ей чудом сохранившийся чек на плоды яблони, то, что нашёл внутри них, и объяснил, что не имею претензий ни к египтянам, ни к ней, ни тем более к Вам, а просто прошу отдать мне деньги, так как жизнь и так не удалась, а тут ещё эти дурацкие несъедобные огрызки. Гр. Филоненко И., даже не покраснев, заявила, что она не покупает огрызки у населения, и посоветовала мне обратиться вместе с ними в «Скорую психиатрическую», куда я и так обращаюсь довольно часто без её глупых советов. При этом она смотрела на меня таким взглядом, будто я не гражданин РФ, а какая-то дохлая мышка или импотент. Это, кстати, ложь – на мышку, даже дохлую, я не похож, а насчёт потенции можно спросить у моей соседки Ани, скончавшейся в 1978 году и похороненной на Домодедовском кладбище. Да там у любой можно спросить, что я и объяснил продавщице Филоненко И., но она демонстративно отвернулась и начала обслуживать мужчину, отдалённо напоминающего врага народа Березовского. Я слегка повысил голос и попросил гр. и продавщицу Филоненко И. всё же взвесить обнаруженные мной огрызки и вернуть мне их стоимость, вычтя её из стоимости самих плодов. Я так же рассказал ей, что как-то вечером купил шоколадное яйцо и продавец честно предупредил меня о наличии внутри яйца пластмассового огрызка, из которого можно собрать дракончика, чем я и занимаюсь последние 3 года, но получается паровозик, а получится ли паровозик из огрызков, купленных у неё, это ещё вопрос. Мужчина, похожий на Березовского, спросил, почему я не в школе для дебилов, а гр. Филоненко И., пока я объяснял, что в 54 года в школу не ходят даже дебилы, оскалилась, взяла один из моих огрызков и бросила его в район моего лица русской национальности, при этом громко призывая на помощь охрану. Вышедшему охраннику продавщица Филоненко И. и мужчина вылитый Березовский указали на мои умственные и физические недостатки, не совпадающие, кстати, с моей историей

болезни. Охранник отвёл меня в сторону, назвался Витьком и предложил выпить. Я гневно отказался и с удовольствием выпил. В процессе выпивания я изложил охраннику Витьку свои претензии, и он успокоил меня, сказав, что действия гр. Филоненко И. это произвол и возврат к сталинским методам торговли, так как она грубо нарушила мои права потребителя, а именно статью № 1 «О возврате огрызков» (со слов Витька, но он знает). Поддерживаемый им, я вновь подошёл к прилавку и очень вежливо попросил всё же отдать мне деньги, можно даже каким-либо спиртосодержащим товаром типа портвейна. Пакет с логотипом и огрызками, кстати, был уже в руках у мужчины-Березовского, который попытался надеть его мне на голову, но я ловко увернулся, а продавщица – гражданкой я её назвать не могу – Филоненко И. сказала, что таких покупателей, как я, она своими руками, то есть лично, вешала бы вверх ногами прямо в торговом зале. При этом она применила ненормативную лексику, тюремный жаргон и неверно процитировала известную песню, пожелав мне или мгновенной смерти, или огромной раны в области паха. Затем она вырвала пакет с моими огрызками из рук Березовского и причинила мне им невыносимую боль в районе копчика. Во время причинения боли охранник Витёк неожиданно перестал меня поддерживать, и я упал, ударившись всем телом о витрину с мясной продукцией.

Жить в стране, в которой граждан бьют по копчику пакетами с логотипом правящей партии, не имеет смысла, и я решил уехать навсегда к египетским яблоководам, но на подъезде к городу Кинешма был остановлен милицейским патрулём, который и вытащил меня из-под прилавка, где я ехал в купе повышенной комфортности. Этот патруль впоследствии оказался бандой оборотней, так как, не вняв моим просьбам о поимке Березовского, привёз меня в какое-то спецучреждение без туалета, где я и проснулся утром с плохим самочувствием из-за отсутствия денег. В этом учреждении я, кстати, был унижен раздеванием донага, то есть совсем, перед молодым врачом, пол не помню, и подвергся пытке жаждой. Поэтому, уважаемый Гурген Григорьевич, и в связи со всем вышеизложенным я прошу Вас о нижеследующем:

1) Возместить мне моральный и физический ущерб, нанесённый пытками и унижением в спецучреждении, в размере 100 рублей и пачки «Явы».

2) Запретить гр. – продавщицей я её назвать не могу – Филоненко И. при моём появлении в магазине интересоваться, чем кормят в больнице им. Кащенко и сколько в год моего рождения стоил аборт, что моя мама пожалела таких денег. Также прошу оштрафовать её в мою пользу на 100 рублей и что-нибудь запить.

3) Принять все меры к поимке Березовского, опознать которого можно по моим огрызкам (далее О.) и логотипу «Единой России» на пакете. Скорее всего, в данный момент он сожительствует с гр. и продавщицей Филоненко И. по адресу г. Лондон, ул. Первомайская, д. 37, где я пару раз их видел. Премии за поимку в размере 100 рублей и килограмма пельменей отдать мне.

С уважением к Вам и к Вашему малому бизнесу постоянный покупатель Ваня Лепёшкин, ну в такой шалке ещё смешной хожу, Вы вчера видели.

Воронежская область и терроризм

Махмуд, главарь одной из террористических банд Ближнего Востока, тот самый Махмуд Завахири, которого долго и безуспешно разыскивали по всему миру разведки всех стран, страдал от похмелья в коммунальной квартире на Первомайской улице в Москве, где жил последние пять лет. Братья-арабы, спрятавшие его там от ЦРУ и других подобных организаций, и подумать не могли, что интеллигентный учитель Миша, увидев своего нового соседа, уйдёт в тяжёлый и продолжительный запой, захватив с собой их непьющего раньше лидера. Каждое утро в течение этих пяти лет, не совершая даже утреннего омовения, они одевались, шли в местную скупку металлолома и сдавали туда двадцать гранат-лимонок и три противопехотные мины. В скупке их уже отлично знали и давали хорошие деньги, только постоянно просили продать автомат Калашникова, который Махмуд всегда носил с собой. Махмуд улыбался, кивал, грозил местным бомжам пальцем, когда те пытались дёргать его за бороду, но автомат не продавал. Он делал вид, что не понимает по-русски, брал деньги, они с Мишей уходили, а через три минуты их останавливал местный участковый. Пять лет подряд каждое утро этот участковый ждал их на одном и том же месте возле продуктового магазина, где и отдавал молча свою полицейскую честь. Махмуд также молча протягивал российский паспорт, в котором под ранней фотографией Розенбаума арабской вязью, справа налево, было написано: «Иван Иванов, погонщик». И ещё там всегда лежала тысяча рублей, что, как объяснили Махмуду знающие люди, в Москве необходимо, если хочешь носить с собой автомат Калашникова. Участковый паспорт брал и почти сразу, не раскрывая, возвращал обратно. Как он при этом вынимал тысячу, Махмуд не понимал и каждый раз удивлялся, восхищённо цокая языком. Затем участковый растворялся в воздухе, Махмуд с Мишей заходили в магазин, покупали четыре бутылки водки и возвращались домой. А на следующее утро, как, например, сегодня, Махмуд страдал от похмелья и ждал спасительного стука в дверь.

Он вскоре и раздался. В дверь просунулась опухшая Мишина физиономия и многозначительно кивнула. Махмуд надел повязку на пустую глазницу – искусственный глаз неделю назад они подарили продавщице, но забыли, в каком магазине, – и кивнул в ответ. У него гудела голова, дёргались руки, щемило сердце и шалила печень. Миша, у которого, наоборот, шалила голова, щемили руки, гудело сердце и дёргалась печень, выдохнул перегаром и сказал:

– Пошли. У нас гость.

Махмуд встал, оделся и вышел на кухню. Там уже был накрыт стол, то есть стояла пепельница и возле неё лежали спички. За столом сидел сосед Боря, нежно прижимая к груди большую пластиковую бутылку пива. Миша подал стаканы, Боря налил в них напиток, они чокнулись и выпили.

– А жена чего не идёт? – вдруг спросил Миша и посмотрел на Махмуда.

Махмуд понял, что вопрос относится к нему, но на всякий случай решил уточнить.

– Чья жена?

– Чья... Твоя! Остальные-то здесь холостые – Миша показал свободные от обручальных колец пальцы, а Боря кивнул в знак согласия.

Махмуд сделал большой глоток и посмотрел на руку. На его безымянном пальце красовалось массивное золотое кольцо, которого вчера утром точно

не было, а вечером... Вечер, к сожалению, из памяти был, по обыкновению, стёрт. Махмуд задумался. Все его жёны были далеко и оказаться в Москве на Первомайской улице никак не могли. На всякий случай он решил зайти в свою комнату – во-первых, шутить такими вещами Миша не мог, во-вторых, Миша вообще шутить не мог, в-третьих – кольцо, а что в-четвёртых, было уже не важно, поскольку, дойдя до комнаты, он увидел, что на его холостяцком ложе, сделанном из сдвинутых ящиков с гранатами и минами, накрывшись с головой одеялом, храпит какое-то существо. Махмуд тихонько закрыл дверь и вернулся на кухню.

– Миша, кто это? – тревожно спросил он, наливая.

В его положении женщины были не нужны, это Махмуд знал давно. Под «положением» он имел в виду не своё нахождение в розыске какими-то там разведками, а нахождение в состоянии опохмеления.

– Я же говорю – жена твоя. Зовут Ира, продавщица, приехала из Воронежской области, – хохотнул Миша: – Вы сегодня туда уезжаете в свадебное путешествие, с тещей знакомиться. Ты, кстати, вчера на свадьбе «Калашников» свой подарил невесте, так что поосторожней с семейными разборками. Пристрелит. Она ведь уже не невеста, а жена. Вон по НТВ показывали...

– А БМП? – перебил Мишу Махмуд.

У него была ещё БМП, спрятанная в Измайловском парке, и он испугался остаться совсем безоружным в этой далёкой и дикой стране.

– БМП у подъезда стоит, мы на ней вчера в ЗАГС ездили, – сказал Миша.

Махмуд подбежал к окну. Внизу действительно стояла боевая машина пехоты, украшенная ленточками и шариками. Она была вся облеплена местными детьми, на стволе висела кукла в беленьком платице, а рядом стоял участковый и что-то подсчитывал на калькуляторе. Видимо, свою будущую прибыль. Махмуд охнул и сел за стол.

– И что теперь делать? – спросил он.

– Как что? Жить! – Мише становилось всё лучше и лучше: – Ты паспорт свой посмотри, у тебя там и печать стоит. Зато у тебя теперь всегда будут стиранные носки и горячие пельмени, пока смерть не разлучит вас. Так в ЗАГСе сказали. Вас ведь сразу зарегистрировали, как только вы туда с «Калашом» вошли. Она вся в белом, ты весь пьяный... Красивые...

Раздались шаги, и на кухне появилось заспанное существо, которое теперь являлось махмудовской женой. Обведя троицу неласковым взглядом, жена спросила:

– Кто муж?

– Он! – хором ответили Миша и Боря, показывая на Махмуда.

Жена внимательно осмотрела его и осталась недовольна.

– Переодевайся. Зовут как? Не надо, вспомнила – Максимчик. Мы вчера кому костюм купили? Омару Хайяму? Вот его надевай, а эту лабуду, – молодая жена кивнула на восточное одеяние Махмуда: – сымай и выбрасывай. Или мне это самой сделать? И что это за повязка пиратская?

– Лицензионной не было... – решил пошутить Боря, чтоб разрядить обстановку, но под взглядом Иры осёкся и замолчал.

Миша же, заметив, что Махмуд ничего не понял, решил ему помочь.

– Она говорит, чтобы ты переоделся. А по случаю вчерашней свадьбы... – Миша достал из-под стола бутылку водки, а Боря извлёк из холодильника шмат сала.

– Никакой водки. Или убирайте, или вылью. Он теперь женатый человек. И переводить ему ничего не надо, он сам всё понимает. Да, Максимчик?

Сказано это было таким тоном, что опытный Боря сразу исчез вместе с водкой и салом и Миша остался в одиночестве со своим желанием выпить. Махмуд был уже не в счёт.

– Ира... – ласково заговорил Миша, сразу вспомнив, кому они подарили искусственный глаз: – А помнишь, как мы тебе камушек красивый подарили? Так это его глаз, поэтому он в повязке...

– Я из него уже брелок сделала, так что глаз менять будем. И обои. И паркет. И люстру. И входную дверь. И не забудь – ты с завтрашнего дня грузчик у меня в магазине. Вернёмся из свадебного путешествия, Максимчик к тебе в сменщики пойдёт. Да, Максимчик? Мусор вынеси, скотина.

Махмуд-Максимчик сидел, обхватив голову руками. Он уже понял, какую ошибку совершил вчера по пьянке. В детстве отец рассказывал ему старинную восточную легенду про мужчину, которого била жена. Чтобы скрыть синяки, этот мужчина стал носить паранджу, родственники прокляли его, друзья отвернулись, мальчишки при встрече бросали камни, он стал изгоем, и его жена взяла себе сначала второго мужа, а потом третьего, четвёртого и пятого. Легенда гласила – родом жена этого несчастного была из Воронежской области, а там существует поверье, что один муж в семье вырастает эгоистом. Мужей должно быть много, чтоб они носились по всему дому, играли, смеялись, баловались, приводили друзей... Да и в старости подспорье... «Мусульманин не должен брать жену из Воронежской области, если не хочет прогневить Аллаха» – так заканчивалась эта легенда.

Махмуд встал, взял мусорное ведро и вышел из квартиры. Из подъезда он уже выбежал и, добежав до участкового, долго его о чём-то просил. Участковый отказывался. Отказывался до тех пор, пока из окна не раздался Ирин голос:

– Максимчик! Домой, скотина!

Махмуд съёжился, участковый вздрогнул, побледнел и шёпотом спросил:

– Она что, из Воронежской области?

Махмуд кивнул.

– Землячка моей жены... Поехали.

Через десять минут знаменитый, разыскиваемый всеми разведками мира террорист Махмуд Завахири сдался российской ФСБ.

Премия за поимку особо опасного террориста разделили между собой дежурившие в тот день офицеры ФСБ, участкового повысили в звании и представили к награде, хотя в деньгах он, конечно, потерял, а вот про Иру как-то забыли. Она пару раз приезжала к зданию ФСБ, требовала вернуть ей мужа и обещала в случае отказа разнести это здание по кирпичику, но офицеры ФСБ закрывали все двери и тихо сидели в своих кабинетах. А через некоторое время, к их счастью, Ира переключилась на Мишу и про Махмуда на время забыла. Она уже свозила нового избранника к теще в Воронежскую область, где он и остался. Его друзьям и родственникам Ира сказала, что Миша влюбился в неброскую красоту её родины, одел рубище, сморкается в бороду, поёт воронежские частушки и возвращаться в столицу пока не собирается, поскольку счастлив. А она будет жить здесь, в его квартире с другим мужем, работать и ждать, когда он там досморкается, допoeт и вернётся. И про Махмуда она тоже стала частенько вспоминать, поглядывая на запертую дверь его комнаты. Мужей же должно быть много, иначе они вырастают эгоистами...

Сам Махмуд, кстати, под угрозой того, что его выпустят на свободу и общат об этом Ире, охотно давал правдивые показания и просил себе пожизненное заключение в любой самой суровой тюрьме, расположенной вдалеке от Воронежа.

А Воронежская область стала запретной для воинов Аллаха, особенно после того, как там бесследно исчезли двенадцать шахидов-смертников. Нашли их только через год, но это были уже совсем не шахиды и совершенно не смертники. Просто их взяли себе в мужья воронежские девушки и смерть теперь для них – несбыточная мечта...

Москва

(из цикла «Великие города мира»)

Восемьсот шестьдесят лет назад по распоряжению Юрия Михайловича Лужкова была основана столица нашей Родины город-герой Москва. Сначала это был маленький населённый пункт, в нём жила дружина князя Долгорукого с жёнами да местные, которые ещё не знали, что стали москвичами. А, когда узнали, очень этим загордились и придумали сначала прописку, потом регистрацию и четыре тысячи долларов метр. За это москвичей сразу не любил остальной народ и несколько раз сжигал весь город. Жгли все – татары, французы, братья-славяне... Но москвичи отстраивались заново, причём сами, без помощи турок и молдаван. В те давние времена они ещё умели это делать своими руками. Секрет строительства домов без участия турок и молдаван, к сожалению, утерян. Или украден молдаванами. А Москва после каждого пожара становилась всё краше. В ней появились первые достопримечательности – Черкизовский рынок, 3-е транспортное кольцо и метро «Выхино» в час пик. Кроме них к московским красотам относится подземный переход под площадью трёх вокзалов, автовокзал на Щёлковском шоссе и, конечно, Кремль. Кремль это сердце Москвы. Капотня – лёгкие, оба Бутовых – отбитые почки, а Измайлово, судя по лицам жителей, давно и неизлечимо больная печень.

Шли годы. Москва превратилась в огромный мегаполис, в который рекой льются деньги и бомжи. Видимо, бомжи деньги привозят, прячут их, забывают, куда, и идут спать в последние вагоны метро, несмотря на турникеты. Турникеты, кстати, изобрели тоже в Москве. Особенно нужны они в трамваях, которыми пользуются исключительно бабушки. Куда они постоянно ездят в количестве, равном количеству сидячих мест, это загадка, над разгадкой которой бьются многие исследователи. Ближе всего к истине предположение, что до конечной остановки и обратно. Главное, что турникеты бабушкам не страшны, у них специальные проездные с фотографиями. А вот зайти в трамвай человеку с улицы стоит 25 рублей и 40 минут в очереди, так как бабушки никуда не торопятся. К счастью, не только турникетами славна наша столица. Всем известно, что в Москве обитают самые добродушные и гостеприимные милиционеры страны. Мимо них невозможно пройти бесплатно. Это искусство, которым владеет далеко не каждый москвич, что уж говорить о гостях столицы. Но Москва это не только милицейское гостеприимство. Москва – город, который приносит людям счастье. В Москве Наташа Королёва встретила Тарзана, а маленький Юрочка Куклачёв – свою первую кошку. В Москве

нашёл работу В. В. Путин, а скульптор Церетели обрёл вдохновение и мастерскую. Как изменились улицы, украшенные его творениями! Как красив и высок Пётр Первый! Говорят, что в голове Петра находится двухуровневый боулинг-центр, а в мизинце правой руки купил себе квартиру Роман Абрамович. Недалеко от Москвы расположена и знаменитая Рублёвка с её нефтяными фонтанами и газовыми факелами, где можно вкусно отобедать за 5000 долларов под пение живого Элтона Джона. И именно в Москве открылись самые крупные в Европе «Икеа» и «Ашан», «Мега» и «Арбат Престиж». В этих магазинах надо жить, что, кстати, многие москвичи и делают. Но всё-таки не магазины являются лицом столицы. Недалеко от ресторана «Correa's» можно обнаружить Третьяковскую галерею, на задворках ЦУМа стоит Большой театр, из бутика «Giorgio Armani» виден Собор Василия Блаженного, а из одного ночного клуба даже краешек Пушкинского музея. В окружении такой красоты не хочется ни хамить, ни обманывать, поэтому в Москве вам никогда не нахамят и вас не обманут. Убить убьют, хотя это запрещено. Но, к сожалению, запреты в Москве не приживаются. Стоит мэру столицы что-нибудь запретить, как это что-нибудь появляется везде и в удвоенном количестве. После последних запретов теперь у каждого казино, на платных парковках стоят девушки лёгкого поведения с шаурмой в руках, при этом распивая пиво в общественных местах и торгуя с рук собой же. А гей-парады проходят в лучших концертных залах. И во всех подземных переходах грузины продают молдавские вина из «Боржоми». Может, попробовать запретить в Москве море, пляж и обнажённых мулаток?..

Резюме соискателя на получение должности главного юриста Бусева Б.С.

А, Бусев Б.С., родился в тихом и зелёном городе Москва в 60-ых годах прошлого века, где и живу почти в центре по индексу 105043. Уточнить дату рождения можно у моего нынешнего работодателя, директора всего общепита в кафе «Лакомка», хоть он и не говорит по-русски, но человек очень хороший и паспорт обещал вернуть. Участковые (милиционер и доктор Сергей Николаевич) мною в известность по поводу паспорта поставлены, а я, в свою очередь, поставлен ими в известность на учёт в какое-то заведение с окнами, они сказали, что это биржа труда. Непонятно только, почему на бирже труда мне колют болезненные уколы и заставляют пить несладкие таблетки, а из работы предложили только мыть полы в женском туалете, на что я с радостью согласился, но до обеда, потому что потом я в «Лакомке» нужен, там тоже полы после обеда грязные, посетители столько грязи нанесут, что ужас.

Школу я окончил в 1998 году уже разведённым мужчиной и сразу поступил на юридический факультет МГУ на должность слесаря-сантехника. Окончив в 2000 году МГУ на той же должности за мелкую кражу, я начал работать главным юристом и уже в 2002 году в списке самых богатых людей мира, составленным журналом «Forbes», занял почётное 5 879 432 574 место с годовым доходом 4156 рублей 54 копейки, на 53 копейки опередив свою жену-сожигательницу Зину, тунеядку и проститутку. За время работы главным юристом я сменил 145 организаций и принял участие в 145 судебных процессах, которые проиграл, приобретя огромный судейский опыт. Этот опыт

пригодился мне в моих последующих 57 процессах, которые я тоже проиграл, опять приобретя опыт, сын ошибок трудных (да, стихи я тоже пишу). После этого главным юристом в Москве меня на работу не брали даже дворником на рынок, зато хорошие случайные знакомые предложили должность главного бухгалтера в компании «Иванкорп», которая занималась всяким бизнесом. Спустя три месяца там чего-то случилось, и компания «Иванкорп» прекратила заниматься всяким бизнесом, а меня отправили в важную командировку в Читинскую область, где я и провёл последующие три года общего режима с конфискацией. Во время командировки я познакомился со знаменитым экономистом Ходорковским, который охотно начал заниматься со мною математикой, экономикой и юриспруденцией. Через три минуты после начала занятий г-н Ходорковский предложил мне выкопать подземный туннель до Израиля и покинуть Читинскую область с целью продолжения образования в Иерусалимском университете, так как я чертовски талантлив. Копать я начал незамедлительно, потому что когда ещё побываю в Израиле, но ко мне сразу подошли неизвестные мужчины в форме, поинтересовались здоровьем и сделали физическое замечание резиновыми дубинками, после чего я попал в больницу и в командировку уже не вернулся, а вернулся в Москву на свою жилплощадь по указанному выше индексу с целью получения инвалидности, которая у меня и так была после падения с высоты собственного роста по пьянке во втором классе. Из документов к этому времени у меня были военный билет моей жены-сожительницы Зины и её же детские рисунки, по которым устроиться на работу оказалось очень сложно. Меня последовательно не взяли главным юристом в Кремль, в патриархию, в Думу и в ФСБ, поэтому я и вынужден работать в кафе «Лакомка» просто юристом, но со странными обязанностями.

Уважаемый Барак Обама! Взяв меня на работу главным юристом США, Вы приобретёте не просто ценного и толкового работника, имеющего огромные связи в деловом мире Первомайской улицы (Ваня с 28 квартиры, Руслан из 33), но и кристально честного человека, любящего рэп, баскетбол, афроамериканцев и всегда стоящего на страже всего. Ведь люди типа меня, входящие в список самых богатых людей журнала «Forbes», о чём я уже писал выше, воровать прекращают, так как уже нечего и незачем, хотя лишний рубль никогда не помешает. И не забывайте, что я приеду к вам из страны, в которой ведётся суровая борьба с коррупцией и за взятки сажают всех, невзирая на должности. Даже депутата за взятку могут посадить на место мэра или губернатора, а самого мэра или губернатора сошлют в ссылку в далёкую, а если взятка большая, то и в тёплую страну.

И последнее. Зарплата в 4 (зачёркнуто) 5 (зачёркнуто) 7 тысяч рублей (зачёркнуто) долларов (зачёркнуто) евро (зачёркнуто) 8 тысяч в какой-нибудь достойной меня валюте, плюс еда, одежда и проживание у Вас в Белом Доме меня вполне устроит. Жену-сожительницу Зину я могу взять с собой, но если у вас там есть чего поновей, посимпатичней и без запаха, в наказание она знает за что оставлю в Российской Федерации и буду навещать по средам чартерными рейсами, но не каждую неделю, я же не железный. Резюме это передаю с оказией через одного знакомого грузина по кличке Армянин, его всё равно из России высылают и он в Ваши края собирается поработать. Вы ему там помогите первое время, но барсетки, свою и жены, подальше держите, он в основном по ним работает. Прошу отметить мою изумительную грамотность, которой я достиг, ежедневно анализируя сказки народов Севера

в туалете на Ярославском вокзале. Жду от Вас положительного решения по телефону 367-47-21 добавочный 2, Ирина, звонить после обеда, позвать Нину Сергеевну, а она уже позовёт меня, если я не пьяный. С уважением, искренне Ваш, Бусев Б.С., родившийся в тихом и зелёном городе Москва в 60-ых годах прошлого века.

Смерть подвижника

На 29-ом году жизни скончался Ефимий Никодимский, автор книг «Как прожить до 100 лет», «О правильном питании», «Почему вредны алкоголь и табак», «Жить без болезней» и многих других, учёный, исследователь, подвижник и ярый популяризатор здорового образа жизни. Всё отпущенное ему время он исповедовал раздельное питание, в любую погоду ходил босиком, принимал ледяной душ и даже летом плавал в проруби. Ангина, простая ангина сгубила этого замечательного человека. Богатырский и закалённый (а не истощённый, как заявляют медики) организм не выдержал нервного напряжения последних месяцев. Развязавшая травлю учёного семья не понимала его, не принимала его учение, отказывалась вести здоровый образ жизни и выбрасывала пищу, приготовленную Ефимием, в мусорное ведро. Последней каплей стал запрет на растирание смесью из коровьего и конского навоза, которое Ефимий применял в последние дни, борясь со смертельной болезнью. Блестящий учёный ушёл из жизни непонятым родными людьми, но так и не предал своё учение, показав пример стойкости своим ученикам. Уже находясь на смертном одре, он отказался принимать из рук родственников так называемые «лекарства», хотя они, эти родственники, действовали грубым, силовым методом, с привлечением психиатров и милиции. И даже на похоронах эти варвары устроили скандал! Прадед покойного, 106-летний Илья Борисович, заметив группу последователей Ефимия и находясь под воздействием табака и тяжёлых алкогольных напитков, схватил всю группу (16 человек) и выбросил за забор кладбища. А ведь их всего на один час отпустили из больницы! Все они уже давно ведут здоровый образ жизни и недавно получили инвалидность I группы! Как потом выяснилось, Илью Борисовича возмутила попытка учеников Ефимия помянуть покойного, выпив при этом чайную ложку растительного масла и закусив корнями одуванчика. Пожилой человек, к сожалению, не читал книг правнука и не знал, что растительное масло, выпитое утром вкупе с корнями одуванчика, прекрасно выводит из организма шлаки, поднимает жизненный тонус и даёт положительный заряд на весь день! Сам ушедший от нас Ефимий в течении последних двух лет предпочитал именно такую пищу! Всё это пытались объяснить Илье Борисовичу ученики Ефимия, но старый и, по-видимому, смертельно больной и глухой человек никого не хотел слушать. Два санитаря ещё в течение часа собирали плачущих от обиды последователей Ефимия, которых разметало ветром по огромному пустырю за кладбищем. Когда их грузили в багажник больничной «Нивы», один из последователей, собравшись с силами, пробормотал: «Дикая страна... Дикая страна...» Эти слова, произнесённые почти шёпотом, услышал Илья Борисович и, несмотря на сильную никотиновую и алкогольную интоксикацию, перевернул автомобиль вместе с пассажирами, тяжело больными людьми, исповедующими здоровый образ жизни. Действительно – дикая страна, дикие люди...

Подарок

Многие, потерявшие своих любимых четвероногих друзей, спешат завести похожих на них сразу же. Да это и понятно. Боль потери настолько сильна, что тяжело её вытерпеть. И в то же время, это получается как-то по-предательски по отношению к только что погибшему другу. Сразу забыть о нём, как будто его и не было никогда? А как же приятные мгновения, проведённые вместе? Все двенадцать лет любви, ласки, иногда огорчений, беспокойства, радости – коту под хвост? Не стало, предположим, Ладушки – быстрее беги, заводи новую? Я, конечно же, очень хочу собаку, но когда пройдёт определённое время, когда боль расставания потихоньку утихнет, когда я напрощаюсь вдоволь со своей любимицей, отдав ей в своих воспоминаниях долг памяти, чтобы Там она не чувствовала себя одинокой, покинутой. Ведь нам так хорошо было вдвоём.

Время идёт, не останавливаясь. Вот уже и сорок дней прошло, и два месяца, и три, и четыре, и полгода. За это время мне уже три раза предлагали собачек, я отказывалась по тем или иным причинам. Всё ждала, когда Бог мне пошлёт псёныша, как послал в своё время трёх предыдущих. Подошло лето, а с ним и отпуск, в который можно было бы изменить что-то в моей судьбе. Но четыре недели проскочили, как один миг, всё оставив по-прежнему. Почти каждый день я бегала в лес, туда, где в укромном уголке под развесистой ивой лежала в земле моя Ладушка. Она уже выросла ко мне зеленью. Теперь я уже могла дотронуться до неё, поглаживая рукой траву, цветы, высокую распушившуюся белой короной дудку. Эти прикосновения приносили мне и успокоение, и боль. Я продолжала, что называется, надирать себе сердце воспоминаниями о том, как в предыдущие годы мы славно гуляли по этому лесу с моей любимицей. Теперь же я гуляла с её «духом». Я шла вниз – Лада облаком надо мной сверху. Я просила её: «Ладочка, дай мне продолжение тебя. Мне без тебя очень плохо». Но что

Алла Александровна Синьковская – живёт в Лобне.

могла сделать она для меня в данной ситуации? И я, конечно же, обращалась с той же просьбой к Богу. И ждала, ждала и в то же время ужасно боялась, что просьба моя когда-нибудь удовлетворится. Пока всё было без изменений. Я гуляла по вечерам одна или с подругами. И вот в последний вечер моего отпуска мы с моей соседкой решили сходить на дальний пруд, на одном берегу которого небольшая берёзовая рощица даёт приют рыбакам, любителям отдыха на природе и собачникам с их питомцами. Был как раз час собачьего выгула. Собаки с хозяевами рассредоточивались среди берёз.

– Ты собираешься заводить собачку? – спросила соседка.

– Да, хотелось бы. Вот всё жду, когда Бог пошлёт. Три раза мне предлагали собак. Может быть, в этом и был Божий промысел, не знаю. Я отказывалась. Три раза отказывалась. На четвёртый надо будет брать. С этими разговорами мы дошли до конца рощицы и повернули по дорожке, бегущей вдоль пруда, обратно. Навстречу шёл молодой человек с очаровательным маленьким четвероногим существом на поводке. «Ой, какая прелесть!», – я протянула руку, чтобы это рвущееся с поводка существо погладить.

– Это ваш пёсик? – молодой человек кивнул головой куда-то за наши спины. Мы обернулись.

– Нет. Не наш.

Откуда же он взялся? Мы же только что шли в ту сторону – никого впереди не было, и на тебе – дымчато-серый пушистый щенок буквально подкатился к нам под ноги. Я отвернулась и даже закрыла глаза: «Ну, ничего себе, Божий подарок, и так быстро! Но я же сейчас не могу взять его. Мне завтра выходить на работу».

– Поворачивайся. Убежал он, убежал. За собачкой убежал, – вернула меня к действительности соседка. Мы медленно побрели к дому. Я немного успокоилась. Разговор зашёл на другую тему. Плеться нога за ногу (уж очень славный прохладный вечер выдался после изнуряющей дневной жары), мы нехотя подошли к нашему дому, подошли и остановились, продолжая разговаривать.

– Смотри, – соседка кивнула головой вниз. Я глянула. На меня в упор смотрели наивные вопрошающие глазёнки дымчатого пушистого существа. Как же он догнал нас? Ведь от пруда до нашего дома довольно далеко.

– Господи, Господи, Господи, ну не могу я сейчас взять его! С кем же он будет дома? С работы же я приезжаю поздно, – мне показалось, эта немая, рвущая сердце сцена длилась целую вечность. Я не могла позволить себе не то что приласкать его, а даже сказать ему доброе слово. Если бы я это сделала, то уже не смогла бы отказаться от него. И он понял. Бочком, бочком, будто мы его побили, полез под стоящую рядом машину. В первый раз я пересилила себя – не приглубила, не приласкала нуждающееся в ласке и заботе существо, и чуть не поплатилась за это – ночью прихватило сердце. Еле прокоротав бессонную ночь, утром, толком не одевшись, выскочила во двор. Если бы щенок вылез из-под машины, под которой он спрятался вечером, я бы взяла его домой. Но никого, кроме соседского кота, во дворе не было. Я почувствовала и боль, и облегчение одновременно. Меня утешало то, что было лето, было тепло и то, что неизвестно откуда взявшаяся собачка могла иметь уже своего хозяина и просто убежала от него. Ведь куда-то он опять исчез? Мысли мыслями, но надо было выходить на работу. Там закрутилось, завертелось – производственных переживаний было хоть отбавляй, но через два месяца меня ждал следующий отпуск. И вот тут-то я обеспокоилась. Вспомнились

наивные вопрошающие глаза и то, как он бочком-бочком полез под машину. А вдруг этот псёныш ничей. А вдруг он продолжает скитаться. А впереди неизвестно какая зима. Я решила найти его во что бы то ни стало. Употребив отпуск на поиски малыша, я буквально прочесала весь город. Но, видно, Богу не нравится, когда отказываются от его подарков.

И кто знает, осчастливит ли Он меня вновь? Во всяком случае, я не теряю надежды...

ПОЭЗИЯ

Сергей КОБЕЛЕВ

Сергей Константинович Кобелев – родился 27 мая 1989 г. в Москве. В 2006 г. поступил в Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет на Исторический факультет. В годы учёбы в университете начал писать стихи и прозу. Осенью 2013 г. по благословению отца, протоиерея Константина Кобелева, начал работу по созданию филиала Бутырского музея при храме Покрова Пресвятой Богородицы на территории СИЗО № 2. Поёт в Домодедовском церковном смешанном любительском хоре.

Живёт в Домодедове.

«Сердце русское как восковая свеча...»

Этот мир, чтобы жить!

Этот мир, чтобы жить, эта жизнь, чтобы петь,
И от сердца прогонят тоску
Золотого заката звенящая медь
И берёзы на скользком яру.

Пусть уходят друзья, пусть на свете война,
Но в горячих кровавых бинтах
Сердце русское как восковая свеча,
Что сжигает жестокость и страх!

И в обломках судьбы, под обстрелом зверья,
Что как призраки прячутся в тень,
Мы поднимемся, как поднимались всегда,
Чтобы ночь превратилась в день!

И настанет рассвет, и сквозь тысячи лет,
Что прошли после Крестного Дня,
Улыбнётся Христос, нас снимая с Креста,
Что стоит среди терний и звёзд...

Может, осень пору перепутала...

Мягким облаком роцу окутала
И дождями звенит за окном,
Может, осень пору перепутала,
Заморозила воздух, как льдом?

Может, солнце заснуло до времени,
Утомлённое бегом людей,
Чтобы нашему роду да племени,
Холода ощутить поскорей?

Может, кто-то всё ждёт-ждётся,
Чтоб мороз вновь мосты застелил?
А деревья скорее покаются,
Чтоб Христос и людей всех простил.

Золотая пора ожидания
И прощального танца листов,
С журавлями земли расставания,
И небесного плача без слов.

Что ж, звени, звени, осень, золотом,
И дождями рыдай за окном,
Только б нищего сердца да голоду,
Напитаться Распятым Христом.

Дочь Человека

Светлое утро воскресного дня,
Белая песня холодного снега,
Хочется вычистить брошенный дом,
Чтобы принять в нём Дочь Человека.

Грязно и грустно на скатерти дня,
В печке остатки остывшего хлеба,
Совесть морозит, как брошенный ком,
Светлого, чистого, белого снега.

Но для Неё теснота не впервой,
Грязный мой дом, как звериные ясли,
Если бы только вернуться домой,
Будет спокойно и в скорбном ненастье!

Если бы сердца звериная клеть,
С крышей непрочной, ослиные мысли,
Преобразила бы в золото и медь,
Запах несвежий в ладан и смирну.

Если бы яркая в небе звезда
Мне указала бы путь возвращенья,
В сердце моё, где заждались дела,
Где кружевами паучье творенье!

Если бы Сын вдруг родился у Ней,
Прямо в моих незаконченных яслях,
Я бы прикрыл вечно ржавую дверь,
Чтобы не дуло на Радость и Счастье!

Счастье моё – Христос, Счастье твоё – любовь!

На землю падал полумрак...

На землю падал полумрак, вуалью тёмною ложился,
И не звучали крики драк, в той полутьме, где я молился.

И сердца светлая печаль, как свечи яркие, горела,
Ах, как же больно, как же жаль всех тех, кто нас покинул смело.

Уходит боль, уходит ночь, звенит на лезвии рассвета,
Я вспоминаю Анны Дочь, что краше лилии одета.

Она держала на руках Младенца, что сильнее мира,
И сердце Матери в слезах о Тех, Кого она Любила.

Её Ребёнок для Креста готовит нежные ручонки,
А над землёю, как звезда, Архангел в паволоке тонкой.

И в небо мудрые волхвы глядят в надежде воскресенья,
А в поле молча пастухи внимают ангельскому пенью.

Пускай уходят без тоски все те, кто сердце сохранили,
На землю искрами любви они снежинки уронили.

И в этот год, тот Самый Бог, Кого лелеяла Мария,
Дарует Жизнь и новый вздох стране по имени Россия!

Россия, моя! Россия твоя! Его, её Россия, моя, твоя Россия!

Елена Валерьевна Гнитеева – родилась в Москве. Окончила Московский Государственный Университет Геодезии и Картографии и Московский Областной Педагогический Институт им. Крупской, лингвист. Член литобъединения «Фатьяновская весна». Пишет большую и малую прозу. Печатается в журналах. В 2014 г. вышла первая книга «Выбор» (сборник рассказов).

Живёт в Москве.

Международный пассажирский лифт

Двери лифта медленно закрылись. «Может, ещё успею хотя бы к концу заседания», – подумала я и посмотрела в зеркало. Видок у меня был ещё тот: всклокоченные волосы, тушь осела синяками под глазами, стрелка осталась только на правом глазу.

Над дверью зажглась лампочка, и раздался нежный звонок.

«Остановка?» – раздражённо подумала я.

В лифт вошли трое мужчин в серых костюмах. Они приветливо кивнули мне и продолжали разговор на своём языке. Я попыталась понять, на каком языке они разговаривают, но не смогла определиться даже с языковой группой. Если бы я знала, где остановился лифт, было бы легче.

Опять замигала лампочка, и опять звонок. Опять мужчина, но уже один и в чёрном костюме. Он протиснулся между теми, что были в сером, и встал около меня. Наверное, ему тоже высоко. Даже выше. Он ведь не нажал никакой кнопки, значит, выше. Дверь как-то особенно медленно закрывалась, я пыталась вспомнить, все ли документы у меня с собой. Мысленно проверяла папку за папкой. Вроде все.

Лампочка, звонок.

– Ну сколько ж можно! – вырвалось у меня.

Мужчины в сером обернулись. Пришлось широко улыбнуться. А заодно и соседу в чёрном. Зашла женщина в дорогом и очень красивом сари и осталась стоять у дверей. Следующий этаж мой. Лампочка послушно зажглась, ей вторил звоночек, двери открылись. Я пробралась между товарищами в костюмах и, глядя на часы, вышла вслед за женщиной в сари. Вроде, пятнадцать сорок пять, сразу и не разберёшь. Часы из новой коллекции, без цифр. Но в любом случае – слишком много. Я услышала, как двери за мной закрылись. Доля секунды. Лифт исчез.

Я оторвала глаза от стрелок и увидела перед собой... Индию! Молодой рикша тащил двух

крупных женщин в чёрных сари. Вплотную ко мне проехали трое мужчин в разноцветных рубашках на старых велосипедах. Следом за рикшей ещё один, но вместо людей на сидении находилось что-то напоминающее газовый баллон. Тут же автомобиль неизвестной марки серого цвета, чёрная корова сама по себе, опять рикши, очень пожилой человек, в воздухе пахнет чем-то несвежим, а может, просто неизвестным. Жара.

– Дели, – осипшим голосом, по-моему, сказала я. – Какого чёрта, Дели?! Я же должна выйти в Москве! Почему Дели?

Я не могла поверить глазам. В Индии «этаж» есть только в Дели. Значит, это Дели!

В первые несколько минут было просто тревожно. Потом, когда сориентировалась, даже полегчало. А вот потом стало страшно. По-настоящему страшно. Аккредитована я была в Москву, вся документация на меня пришла в Москву. Здесь ничего не получу. Как я смогу получить новое направление на новую аккредитацию без документов? И тут внутри меня что-то оборвалось.

– Загранпаспорт!

Дрожащими руками я полезла в портфель в надежде на чудо. Рыскала во всех отделениях. Чуда не свершилось, паспорта нет. Поставила портфель на асфальт. Чудовищная ошибка! Как же так получилось?! Опять подняла портфель, поискала во внешнем кармане предписание. «Кнопка 9». В консульстве меня даже не станут слушать.

– Какого чёрта я решила, что 12?! – сказала я вслух, и слёзы потекли по щекам.

Раздался то ли гудок, то ли крик. Я отскочила в сторону. Мимо прокатил рикша с огромной жёлтой коляской. А следом ещё что-то жёлтое на трёх колёсах.

– Почему двенадцатый? Возвращаясь из Минска в Москву, всегда же девятый этаж, – я спрашивала сама у себя, но объяснения у меня не было.

Я пошла вдоль улицы. С подбородка слёзы капали на лацканы пиджака. Меня обгоняли яки с телегами, рикши, трёхколесные машины. Солнце припекало, казалось, сразу со всех сторон. Бегали дети, сигналили машины, кричали уличные торговцы, на тротуаре сидели нищие и лежали коровы. В воздухе пахло всё той же кислятиной, временами перемешанной с запахом пота, иногда волнами накатывало что-то съестное. Духота. Один дом сменялся другим. Таким же обшарпанным, как и предыдущий.

Мама всегда мне говорила, чтобы я не пользовалась лифтом. Почему я не слушала мамочку? Теперь я здесь застряла. Наверняка вредно. Не может быть не вредно. Просто статистику ещё не набрали. А когда наберут, будет уже поздно. Сколько раз я перемещалась? Двадцать? Двадцать пять? Уже очень много! Но ведь так удобно. Мамочка права была. Летай, говорила она, самолётом. Я же – нет, мне некогда. Я спешу. Я опаздываю. Мне надо успеть.

Какой-то жирный индус больно толкнул в плечо.

«Ничего, меня здесь вообще не должно быть. Меня здесь почти нету. Меня здесь нету. Нету», – повторяла я про себя и плакала.

Улица стала шире, рикшей и коров меньше, а машин больше. В основном белые, иногда серые, иногда красные. Все сигналият, заглушая друг друга и всех окружающих.

– А что же ты хочешь, если он, как уволился, так и пьёт. Уже третий месяц... а когда говоришь... казалось бы, да...

Я остановилась. Страшно испугнуть. А вдруг показалось. Сквозь сигналы машин пытаюсь опять расслышать русскую речь. Страшно поверить. А может, галлюцинации?

Я медленно оборачиваюсь. Мелькают лица, фразы, меня задевают проходящие мимо люди. Вижу, у входа в магазин разговаривают две женщины. Они.

– А потом дочка мне говорит: «Мама...»

– Простите, – перебила я говорящую женщину. Я подошла так близко, почти вплотную. Мне хотелось до неё дотронуться.

– Простите, – повторила я, обращаясь больше именно к ней, – я услышала русскую речь. Понимаете, я ошиблась кнопкой лифта. Я должна была выйти в Москве, а вышла здесь. У меня нет аккредитации, загранпаспорта, вся документация в Москве. Я даже не знаю, где здесь пункт оформления трансфера.

Женщина с подозрением выгнула бровь. Пока я говорила, она смотрела лишь на мои губы.

– Я знаю, о чём она говорит, Свет, – сказала её собеседница. – Вы о международных пассажирских лифтах?

– Да, да, точно! – обрадовалась я.

– Помнишь, Свет, я говорила тебе, что Любка устроилась на литовский пункт по трансферу?

– Кто? – переспросила та, что Света.

– Ну Любка, жена Арджуана.

– А-а-а, Любка! А я думала, она на почте работает.

– Нет, на трансферном пункте. Я же говорила. Я могу вас, девушка, проводить к ней. Она лучше сможет разобраться. Может, чем поможет.

– Ой, это было бы чудесно! Спасибо огромное! Спасибо! – я еле сдержалась, чтобы её не обнять.

– Ладно, Светка, потом договорим. Пойдёмте, – кивнула она мне.

– Спасибо, до свидания, – попрощалась я с женщиной по имени Света и поспешила за своим проводником.

– А вы из России? – я поравнялась со своей новой знакомой.

– Из Белоруссии.

– А я вот как раз в Минске была. Мне очень нравится Минск. Я часто по делам в нём бываю. Чистый, светлый город.

Моя собеседница никак не отреагировала на мои слова. Может, ей не хотелось вспоминать Минск, а может, она в нём и не была ни разу. Я замолчала.

С этой переполненной автомобилями улицы мы свернули в переулок. По обе стороны от проезжей части стояли прилавки на колёсах: фрукты, специи, масла. Там же, где ездили велосипеды, скутеры и мотоциклы, паслись всё те же бесхозные коровы. Здесь же иногда проезжали автомобили. Половину улицы накрывала тень от домов. В ней группами стояли мужчины, что-то эмоционально обсуждая. Мимо них семенили женщины, плотно завернутые в разноцветные сари. Мы ещё несколько раз повернули и остановились у ничем не примечательного двухэтажного здания. Когда-то оно было белое. Сейчас об этом напоминали его отдельные места.

Мы вошли внутрь. Со света показалось, что здесь очень темно. Монотонно жужжал кондиционер, распространяя столь желанную прохладу. За высокой стойкой, как в Сбербанке, сидела женщина лет сорока пяти. Вьющиеся, некогда осветлённые волосы были небрежно убраны в пучок. Сари было

надето поверх футболки, на которой красовалась надпись: Don't bother me («Не беспокойте меня»).

У меня не создалось впечатления, что она очень обрадовалась нашему приходу, но улыбнулась. Я поздоровалась, представилась и начала объяснять свою ситуацию. Женщина меня внимательно слушала, но особых эмоций не выражала.

– Понимаете, в чём дело, – начала она, когда я закончила свой рассказ. – У нас посадочная платформа на прямой лифт в Вильнюс. Был бы у вас загранпаспорт, я бы без проблем отправила вас через Литву. Но, учитывая отсутствие документа, вам это не поможет, – сказала она, как приговор зачитала.

– Но, может быть, есть вариант в Вильнюс, но через остановку в Москве. Тогда загранпаспорт не нужен. Я как-то слышала, кто-то так делал, – предложила моя спутница.

Женщина из-за стойки посмотрела на неё с укоризной. В её взгляде так и читалось: «Кто тебя за язык тянет?»

– Я заплачу. Я обязательно заплачу. Если есть такая возможность...

– Понимаете, в чём дело, – перебила меня сотрудница пункта, – такая возможность есть, но... – Она опять недовольно покосилась на свою приятельницу, – это, как бы так сказать, не совсем по правилам.

– Вся документация на меня уже в Москве. Посмотрите, вот моё предписание на трансфер, – я полезла в портфель за листком. – Если бы я не ошиблась кнопкой, то я бы...

– Хорошо, – она опять меня перебила, – а гражданский паспорт у вас с собой?

– Да, конечно, – я извлекла из внутреннего кармана пиджака свой российский паспорт.

Она его медленно пролистала, изучила прописку, штамп о выдаче загранпаспорта, регистрацию брака, вписанных детей.

– Если у меня возникнут проблемы, то они возникнут и у тебя, Оль, – равнодушно проговорила сотрудница пункта, не отрываясь от моего паспорта.

– Угу, – так же неэмоционально ответила моя спасительница.

– Нового предписания, сами понимаете, я вам дать не могу. Отправитесь по старому. Вам же в любом случае только по нему получать документацию.

– Хорошо, – радостно ответила я. – Я бы хотела, вот, это вам, спасибо огромное, – при этих словах я достала из кошелька деньги и положила их на стойку. – В рублях, правда...

Женщина молча накрыла деньги ладонью, и они исчезли под стойкой. Взамен я получила свой паспорт.

– Ну, ладно, – сказала моя Ольга, отходя от стойки, – счастливо добратесь.

– Подождите, – попыталась я её остановить. – Спасибо вам большое. Я хочу отблагодарить вас.

– Нет, не надо. Не за что, – не останавливаясь, проговорила она и исчезла в свете дверного проёма.

– Спасибо! – крикнула я ей вдогонку.

– Можете проходить к платформе, – послышался голос из-за стойки. – Сейчас прибудет лифт. По этому маршруту Москва будет на двенадцатом этаже.

– Спасибо огромное! – ещё раз поблагодарила я сотрудницу пункта и встала на платформу. Появился лифт. Над дверью зажглась лампочка, и раздался привычный звонок. Двери открылись, и я вошла внутрь.

Двери лифта медленно закрылись. «Может, ещё успею к самому концу заседания», – подумала я и посмотрела в зеркало. Видок у меня был ещё тот: всклокоченные волосы, тушь осела синяками под глазами, стрелка осталась только на правом глазу.

Над дверью зажглась лампочка, и раздался нежный звонок.

«Остановка?» – раздражённо подумала я.

В лифт вошли трое мужчин в серых костюмах...

ПРОЗА

Нина ГОЛОВАНОВА

Нина Федотовна Голованова – физик-теоретик и поэт, родилась в семье советских инженеров. Окончила московскую школу с золотой медалью, а затем физический факультет МГУ им. Ломоносова. Научная деятельность связана с изучением микромира. Имеет научные труды. Член МГО СП России. Автор трёх поэтических сборников: «Эти строчки», «Избранное», «Ясным утром». Последняя книга, изданная МГТУ им. А.Н. Косыгина, в 2011 г. была отмечена дипломом литературного конкурса МГО СП России «Лучшая книга». Награждена также литературными премиями МГО СП России имени Грибоедова и Лермонтова. Роман Н.Ф. Головановой в стихах «Люк и Фек. Мир и война» в 2014 г. был удостоен литературной премии МГО СП России «Серебряный крест» с вручением наградного знака «Серебряный крест».

Живёт в Москве.

«Радовались дорогой Победе...»

Знают немцы слово Сталинград

Знают немцы слово Сталинград
И какой ценой мы спесь им сбили.
В мужестве и граждан, и солдат
Был источник нашей грозной силы.

Помним мы горящие поля,
Помним города в сплошных руинах.
Помним, как брала к себе земля
В каждом доме мужа или сына.

А когда гремел на всю страну салют,
Радовались дорогой Победе.
Знали, стихнет боль, дожди пройдут,
Соловьи зальются на рассвете.

Так помянем дедов и отцов,
Братьев и сестёр, Победе жизнь отдавших,
И пусть подвиг этих храбрецов
Сохранит Россия в сердце каждом.

Чистый Дух Победы

В монастырской ограде танки стоят
Среди гиацинтов и тюльпанов.
Каким занесло их в эти края
Странным неведомым ураганом?

Здесь Дух обитает, как плоть, триедин,
С пресвятой Божьей Матерью Девой
В золотых окладах икон и холстин.
Что танкам-то, кажется, тут делать?

Чёрными надписями на их боках
«Дмитрий Донской» и «Александр Невский».
Эти имена для русских во все века
Символы храбрости очень веские.

Победы Дух в старых танках живёт,
Собран по капелькам в мощь народом.
Не нужно ему никаких позолот,
Он чист и сияет в лучах небосвода!

В светлом храме

Сосны, ели, сосны, ели
Ветви свечками одели.
В необъятном светлом храме
Всех, кто пал на поле брани,
Ветры-странники отпели,
Отшумели, улетели.

Крики, вопли, стоны муки,
Плач надежды, боль разлуки,
Всё земля в себя впитала,
Под травой и черноталом
Сберегла и охранила
Ад военного горнила.

Офицеры и солдаты,
Генералы и комбаты,
Вас повсюду разбросала
Злая сила, но не стала
Наша Родина рабыней.
Будь свободной и отныне!

Сосны, ели, сосны, ели
Ветви свечками одели.
В необъятном светлом храме
Всех, кто пал на поле брани,
Ветры-странники отпели,
Отшумели, улетели.

Мир

Мир! Закончился ужас войны.
Возвратились домой солдаты.
Из Берлина пришли одни,
А других привезли из санбатов.

Принимали домашние всех,
Кто здоров, кто калека, болен,
И сквозь слёзы счастливый смех
Был блаженней, чем звон колоколен.

Из покинутых вражьих домов
В поезда забирали трофеи:
Платья, вина из погребов,
Мелочь всякую с галантереей.

Разорили фашисты страну,
И не грех взять с собой подарки,
Чтоб порадовать деток, жену,
Прогуляться нарядными в парке.

Хоть остались нам немцы должны,
Контрибуции с них не брали,
Сами были ужасно бедны,
Но наладить им жизнь помогали.

Галерею прекрасных картин
В водах Шпреи они затопили,
Мы её из размытых холстин,
Кропотливым трудом возродили.

И народу немецкому в дар
Целый поезд шедевров бесценных
Был отправлен. Забыт весь кошмар,
Мрак потерь от Войны той Священной.

Но нельзя забывать никогда,
Что куются штыки и ракеты,
И случится, наверно, беда,
Если быть не готовым к ответу.

Хохма

*«...И счастлив тот, кто мог и кто умел любить:
Печальный тёрн его прочней, чем лавр героя...»*

С. Надсон

...Он сидел на скамье, отполированной до блеска армией предыдущих посетителей, и тоскливо смотрел в окно. Сквозь запylённые, редко протираемые стёкла хмурое питерское небо казалось ещё более тусклым, навевающим щемящую тоску.

Он был в каком-то странном раздвоении: часть его сидела здесь в этой юдоли печали, часть, в то же время, где-то витала над всем этим серым и тусклым днём, видя как будто со стороны всё происходящее. Мысли его беспорядочно перебегали с одного объекта на другой...

– Встать! Суд идёт...

В зал вошла немолодая невысокая женщина в чёрном бесформенном балахоне и прошла к судейскому столу, стоящему на возвышении. Она села и стала перебирать бумаги на столе. Её лицо было и озабоченным, и беспросветно тоскливым, как погода за окном. Не глядя в зал судебных заседаний, она стала профессионально равнодушно, без интонаций проговаривать положенное, периодически повторяя сказанное для того, чтобы секретарь суда – бойкая девица за ноутбуком – успевала записывать:

– Так... Слушается заявление о разводе... Заявитель присутствует... Вторая сторона предупреждена... Заявитель: данные паспорта... регистрация... год рождения...

Тут она сделала паузу, и на её сереньком мышином личике впервые проскользнуло что-то вроде интереса:

– Полных лет – шестьдесят девять...

Она глянула на него невыразительным взглядом своих тусклых глаз:

– Заявитель! Вы что так поздно спохватились? Вы прожили в этом браке...

Матвей Игоревич Тукалевский – родился в 1941 г. Окончил три курса Бакинского высшего общевойскового командного училища. Учился на факультете журналистики. Ещё в армии стал сотрудничать с редакцией газеты Закавказского военного округа «Красное знамя». С тех пор – внештатный сотрудник ряда газет разного уровня: от районной газеты до газеты «Правда». Окончил Ленинградский финансовый техникум, потом Сыктывкарский университет... В 1992 г. в Москве тиражом в 10 000 экземпляров вышел первый сборник стихов и песен «Вуктыльские кедры». С 2007 г. пишет прозу.

Живёт в Санкт-Петербурге.

Она глянула в бумажки, лежащие перед ней на столе:

– ...Сорок три года! И что? «Второе дыхание» открылось?..

... И вот опять он почувствовал это странное раздвоение, как будто случился стоп-кадр, и вся действительность вокруг него замерла, а мысли унесли его в какую-то безвременную виртуальность...

«...Второе дыхание! Скажет тоже! Тут первое бы не прекратилось – с утра давление прыгало так, что две внеочередные таблетки рассосал... Моё капризное инвалидное сердце протестовало против переизбытка негатива...

И с чего она так язвит? Какой-то убийственный сарказм... Видать, я ей не глянулся... Так сказать, антипатия с первого взгляда? Может, её спутник жизни тоже с ней развёлся?.. Или вообще для неё давно "все мужчины – сво"? Нет... Скорее всего, ввевшаяся судейская привычка издеваться над безответным человеком? "Синдром вертухая"¹.

А ещё говорят: "Суд – беспристрастен." Какой там беспристрастен?! В нашей стране ни беспристрастного суда, ни равноправия сторон в суде не бывает. Как, впрочем, и в жизни...

Вон, даже на шоу "В зале суда" специально подобранные судьи-актёры и то в каждом заседании подчёркивают это неравенство. Их называют "Ваша честь", а они обращаются к участникам судебного процесса узаконенными кличками: "Подсудимый", "потерпевшая", "свидетель", "сторона защиты"...

Каковы законы, таковы и отношения...

Впрочем, ни в одном законе обращение "Ваша честь", вообще-то, не предусмотрено?!.. Опять слямзили у Запада? У "оплота демократии – США"? Так там в суде всех, даже маньяка, называют "мистер".

А уж если бы в суде США судья позволил себе сарказм или насмешку над обвиняемым, то его адвокат в три счёта обвинил бы судью в пристрастности и ещё содрал бы с него компенсацию за "моральный ущерб"!

Как всегда, даже слямзить как следует не сумели. Копируя, переделывая на свой уродливый российский лад...

...Господи! Да о чём это я?! Меня разводят, а я о проблемах равноправия! Свои бы проблемы решить... Кажется, судья что-то спрашивала...

Но судья уже забыла о своём вопросе и продолжала монотонно и нудно свою сольную арию...

Мысли опять унесли его:

«...Вот и жена ненавистно бросила, как плевок в лицо: "Нашёл себе кого-нибудь... помоложе... В никуда просто так не уходят..."

Ну, ладно, жена съязвила. Её понять можно. Ей сейчас тоже невесело. А судья? Она что, на самом деле считает, что я ещё способен на это самое "второе дыхание"?

С ума они все посходили что ли?! Какое там "второе дыхание"?! Да я себя чувствую яблоком, выеденным червяком изнутри! И единственное, о чём я мечтаю, это о тишине и покое. Я хочу одиночества. Ибо "одиночество вдвоём" стало нестерпимым...»

¹ Вертухай – это жаргонное, на языке уголовного мира означает: 1) дежурный милиционер, 2) надзиратель в тюрьме.

...Сго вернул к действительности стук судейского молотка:
– Заявитель! Вы где витеаете?! Я вас спрашиваю: «По какой причине разводите?»...

«...По какой причине я развожусь? Ответить в одно слово невозможно. Её что, всю жизнь свою рассказывать? Всю хронологию этой своей "роковой любви"?.. Как я, молодой курсантик военного училища, приехав в Ленинград на спортивные сборы, впервые увидел её... Увидел, чтобы никогда уже не забыть!

Рассказать, как я усиленно пытался ей понравиться... В результате, понравился её родителям и её тётке, но был почти безразличен ей... Как я мучился этим всё время нахождения в Ленинграде!..

После выступления нам дали отпуск, и я на 10 суток остался в её городе. Приютила меня её тётка, которую сближали с нею и небольшая разница в годах, и доверительные отношения...

...Однажды мы загулялись по городу допоздна, и она осталась ночевать у тётки. Я сидел на краю её кровати и целовал её.... Тогда это и случилось... Я смутно помню события той ночи. Знаю одно твёрдо: так захотела она. Я был очень робким, к тому же, она была у меня первая женщина... И я так любил, что боялсядохнуть на неё...

...Утром я, едва увидев её, прошептал радостно и заговорщицки:

– Теперь мы – муж и жена!

Она ответила удивлённо:

– С чего ты это взял?

Я опешил. Мать в меня вложила с юных лет чувство ответственности за свои поступки. Я растерянно сказал:

– Как же!?! После того, что случилось?!

На что она ответила убийственно спокойно:

– А что такого, собственно, случилось?..

...Мне было двадцать лет, а ей – шестнадцать. Но я почувствовал, что она гораздо старше и опытнее меня...

...Что мне рассказать судье? Как я маялся непонятным её ко мне отношением: то она была мила и приветлива, то, буквально, видеть меня не хотела. Эти перепады её настроения мне стали ясны только много позже...

А тогда, найдя в себе силы воли, я решил прервать эти свои муки и уехать...

Помню Московский вокзал и как я нервно курил у вагона, мучаясь от тоски и душевной боли – она не пришла меня провожать! Как впрыгнул последним в вагон, несмотря на ворчание проводника... Как тоскливо смотрел на уплывающий вдаль перрон... И как вдруг увидел бегущую знакомую фигурку, которая, растолкав толпу, замерла на краю перрона, подняв руку в немом прощании... Я собрал в кулак всю свою волю, чтобы не выпрыгнуть из вагона, и не броситься назад! К ней!..

...Поймёт ли эта, зачерстевшая на своём судейском посту, женщина мои тогдашние муки?! Скорее всего, прервёт меня репликой, что эти все эмоции к делу не относятся. А что относится?..

...Отпуск прошёл в нетерпеливом ожидании письма от неё. Вернувшись в училище, я стал писать ей письма. Сначала каждый день... Потом раз в неделю... Потом раз в месяц...

От неё пришло только одно письмо, которое я зачитал до дыр. Я мучительно пытался понять, что же происходит?! Я писал её тётке, её родителям. В ответ – гробовое молчание...

...Страшнее всего и хуже всего – неизвестность! От суицида меня тогда спасла только любовь к матери: я был единственной её опорой в будущем и знал, что мой уход убьёт её.

Мне стала в тягость учёба в училище. Я рассуждал, что не будь я связан по рукам и ногам армией, я бы поехал в Ленинград, устроился кем угодно и где угодно, только чтобы видеть её ежедневно. Что я сумел бы заслужить её ответную любовь...

...Я ещё тогда и не знал, что взрастить любовь невозможно...

Три года спустя, когда я уже перестал и писать письма, и ждать на них ответов, вдруг пришло письмо от её тётки:

"...Прости! Не отвечала тебе, т.к. у нас произошло много событий. После твоего отъезда у нас появилось сразу две беременные: я и племянница. На этот счёт разразился скандал: её родители подозревали тебя... Но от племянницы дознались, что ты тут ни при чём... Нашли её соблазнителья и под угрозой суда заставили жениться... У них родился сын... Я бы не писала тебе, если бы у них жизнь наладилась... Но жизни у неё семейной никакой нет... Муж пьёт... Гуляет... По неделям не бывает дома... Скандалист... Ударил тётку... Избил тестя... Не знаю... Если у тебя в сердце осталась любовь к ней – вмешайся!.."

Это письмо принесло мне сначала бурную радость: "Так вот в чём дело! Вот почему она не писала! Возможно, она и любит меня, да ей стыдно..." И горечь, т.к. я мало что мог, будучи связанным по рукам и ногам военной дисциплиной!

Помогла мама. Из моих писем почувствовав мою маяту и неуёмное желание лететь, рваться, мчать, она придумала план, который могла придумать только любящая мать. Зная свою хронически больную поджелудочную железу, она специально наглоталась запретной острой пищи и вызвала сильнейшее обострение болезни. Когда её увозили на "скорой", она настояла, чтобы медики заверили телеграмму сыну, т.е. мне. По этой телеграмме мне командование дало внеочередной отпуск – пять суток с дорогой.

Когда я приехал к маме, она, бледная и ослабевшая от обильных капельниц, прошептала мне, заговорщицки подмигивая:

– Лети к ней! Вот тебе на билеты на самолёт...

И сунула мне свой старый кошелёк, в котором лежали деньги, как я позже узнал, занятые ею у соседей – на её заработок ночного сторожа на стройке много не налетаешь...

Влюблённый – эгоистичен! И я принял эту очередную материнскую жертву. Единственное, что я смог сделать, это обратиться к отцу, в первый и последний раз за всю свою жизнь, попросив у него помощи, чтобы хоть долг отдать, освобождая мать от непомерных лишений.

...Жертвы оказались неоправданными. Я прилетел в Ленинград на одни сутки. Говорил с любимой. Я спросил её, согласна ли она стать моей женой. Она отвечала очень уклончиво. И фраза из тёткиного письма: "она многое передумала и сильно переменялась" оказалась более желаемым, выданным за действительность. Я настаивал, чтобы она ждала окончания мной училища не в Ленинграде, а в Сочи, у моей мамы. Она отказалась. Больней всего было

то, что она использовала меня, под причиной разговора со мной, вырвавшись из жесточайшей маминой опеки, чтобы, на самом деле, сходить с кем-то там в кино...

...Это облегчило мне разрыв с нею, и на этот раз я улетал из города без жестокой боли, разрывающей сердце. В моей груди только было пусто и холодно, как будто сердце вообще вынули оттуда...

...Прошло ещё несколько лет. Я с большими потерями ушёл-таки из училища. Пришлось отслужить ещё и срочную. Итого шесть лет жизни были выброшены зря.

...Ещё служа в армии я, по настоянию мамы, женился на её соседке. Я честно сказал этой девушке, что я люблю другого человека, которому я не нужен, но что, при всём при этом, я постараюсь быть хорошим мужем. Она согласилась на такой брак. И не столько из пылкой любви ко мне, сколь "по размышленью зрелом". Она была старше меня, а Сочи такой же "город несчастных невест", как и Иваново. Там женщины мечтают хотя бы родить ребёнка в законном браке...

Вскоре у нас родилась дочка. После возвращения из армии жизнь с любимой не заладилась. После штампа в паспорте, она перестала прилагать усилия, чтобы очаровывать мою маму своей добротой, скромностью и обходительностью, резко сменив к ней своё отношение. Это оттолкнуло меня от этого человека, на котором я и женился-то из-за восторженной аттестации матери. Пошли мерзкие мещанские скандалы.

Я работал к этому времени крановщиком, но мечтал о журфаке. Я уже опробовал себя в журналистике, и редакция окружной газеты дала мне направление в ВУЗ. В Сочи тогда учиться было негде, и все эти причины побудили меня к отъезду. Уехал я во Владивосток. Там жила моя старшая сестра, она работала в Академии наук и могла мне посодействовать и с поступлением в ДВГУ, и с учёбой...

Я устроился на работу водителем и поступил на журфак на вечернее отделение. Жизнь потихоньку налаживалась...

...И вот тогда, совершенно неожиданно для меня, пришло письмо из Ленинграда. От неё. В нём говорилось, что она многое пересмотрела за прошедшие шесть лет, многое и многих переоценила. Что она сейчас не поступила бы так глупо, как тогда...

Прочитав это письмо, я написал ей длинный и "очень правильный" ответ. Я писал о том, что "поезд ушёл". Что нельзя дважды войти в одну и ту же реку, что я – женатый человек. Что у меня есть дочь, что безответная моя любовь умерла в моей душе... И тому подобное.

Вечером отнёс письмо на почту...

В эту ночь я заснуть не смог... Произошедшее взорвало меня обещанием возможности счастья. Пережив за эту ночь всё, связанное с моей неразделённой любовью заново, я еле дождался утра и побежал на почту вновь.

На этот раз я отослал телеграмму:

"По-прежнему люблю и мечтаю быть вместе."

А ещё через три месяца бурной переписки и подготовки к переезду, я улетел во Владивосток, напутствованный прощальным разговором со своей умной Старшей сестрой:

– Знаешь, братик, ты со мной не юли! Ты ведь не советоваться пришёл, а прощаться?! Билет в каком кармане лежит у тебя? В этом? Или в том?.. Что ж... Ты едешь за сомнительным счастьем: ведь не полюбила она тебя тогда,

когда ты – молодой курсантик – всячески добивался её любви! Как же она могла тебя полюбить вдруг, не видя тебя все эти шесть лет?!

И задумчиво добавила:

– За что я горжусь нашим родом, так это за то, что мы готовы бросить всё и мчаться на край света за призрачной птицей счастья!

Что ж, может быть это – твоя судьба...

Я желаю тебе добиться в этой жизни твоего трудного и заслуженного счастья!

...Потом были эти самые сорок три года супружеской жизни.

Счастливые?

Несчастливые?

Разные...

Пожалуй, первые десять лет я прожил слепым и глухим, в любовной страсти. Потом, хоть и стал прозревать и понимать, что она меня не любит, да всё надеялся пробудить в ней встречное чувство, объяснить свою боль неразделённой любви. Часами вместо секса я говорил с ней, взывая к её мозгу.

Как будто можно этим вызвать Желание?!

Со временем смирился. Пошли дети. И вся моя нерастраченная любовь перешла на них. А недостающая мне любовь шла мне от них, согревая моё сердце. Но сексуальная неудовлетворённость угнетала. О себе стал думать, как об ущербном. Как об импотенте. Им бы и стал, в конце концов, ведь установлено, что мужская импотенция на 1 % – в теле и на 99 % – в мозгах. Вот я и выстрадал мысль, что слаб телесно, ежели не могу зажечь своими ласками женщину. Импотенцией бы и кончилось, но Судьбе было угодно приободрить меня и она даровала мне Женщину, которая мне вернула веру в себя...

– Ты запомни, – сказала тогда мне она, – ты очень сладкий мужчина. Ты ласковый и сильный. Побольше бы таких "импотентов"! А жена твоя – бесчувственная дура!

Ей, этой моей спасительнице, можно было верить: она имела обеспеченного мужа, любимых детей и не собиралась ничего менять в своей жизни. То есть, была лицом незаинтересованным... Во всяком случае, низкий ей поклон!>

– Вы что, заявитель, все сорок три года не любили свою жену?!

«...Это я-то не любил?! Да я её боготворил. Я окрашивал и покрывал своей любовью, как позолотой, всё, что касалось её. Я полюбил её мать, очень чёрствую, болезненно полную женщину, с вечно недовольным видом, пеняющую и выговаривающую всем и за всё, которая меня с первых дней подозревала в желании "пристроиться в Ленинграде и завладеть жилплощадью". Этого недалёкого и не очень развитого человека из глубины мещанского болота Ленинграда, я пытался оправдать. Понимая, что это не её вина, что она родилась не в профессорской семье.

Я оправдывал её, говоря себе, что её такой сделали военная юность, когда она вместо учёбы была вынуждена стать зенитчицей и оборонять Ленинград. Блокада. Тяжелейшие послевоенные годы разрухи, когда люди работали на износ. Муж-инвалид, которого надо было сначала отвоевать у соперниц – зенитчиц, а потом всю жизнь держать в ежовых рукавицах, чтобы

как-то свести концы с концами и поднять троих детей, т.к. выяснилось, что он – не дурак выпить...

Я постарался понять её даже тогда, когда, счастливый, похвастал своей первой публикацией, а в ответ получил: "Сранный журналист". Я постарался не обидеться и тогда, когда тёща поместила в своей спальне портрет моего пасынка, хоть у нас уже было двое детей – родился мой первенец. Попытки увещевать и объяснить, что такое выделение одного из детей и бестактно, и неразумно, т.к. может меня восстановить против пасынка и детей друг против друга, не возымели действия. Тёща упрямо стояла на своём. Я и тогда пытался оправдать её, говоря себе, что, по сути, она – его мать, т.к. намаялась с ним, дочка его родила в девятом классе...

Оправдывал и тем, что знал – тяжёлая жизнь добавляет паскудности в характер любого человека...

В ответ на колкости, я обнимал эту толстую женщину, отталкивающую меня, целовал её и говорил ей добрые слова.

Надо сказать, что мне, всё-таки, удалось растопить лёд, в сердце этой замордованной жизнью женщины. Правда, только в конце её жизни. Мы тогда уже жили на своём Крайнем Севере, когда она, умирающая от рака желудка, хрипела в трубку мне: "Помоги моим детям! Только на тебя надеюсь!"...

Я так любил свою жену, что моей любви хватало на всех её родственников...

Я любил её отца, алкоголика, который трудился кочегаром и в свободное от работы время был занят поисками выпивки. Он был глух, в результате контузии. Я возил его к врачам, чтобы сделать ему слуховой протез. Но он протез носить не стал. Ему было хорошо и комфортно в его глухоте. Что ему было надо, он научился понимать по губам говорящего. Зато, если он не хотел чего-то слышать, ему было достаточно закрыть глаза или отвернуться, чтобы попасть в свою блаженную глухоту... Он по-своему был добр ко мне. Часто повторял мне, тягуче и однотонно, как говорят глухие: "Не люби её так!". Он был далеко не глуп, этот глухой кочегар...

...Я полюбил пасынка, которому было четыре года. Мне никаких усилий делать не приходилось для этого, я всегда любил детей. И это же был её сын, её частица! И парень всей душой привязался ко мне. Но в его генетике был заложен смертельный коктейль двух алкоголиков: дедушки и его физического отца и этот страшный коктейль, несмотря на все мои титанические усилия, сделал своё чёрное дело. Сейчас ему – пятый десяток, он законченный алкоголик, отсидел почти два десятка лет, но по-прежнему почтителен ко мне и не знает другого отца.

"Наградой" мне от неё прозвучало скрытое обвинение: "Мы его упустили!"

Я так не думал. Я, во всяком случае, сделал всё, что мог. При его абсолютном отсутствии желания учиться, дотянул его до ПТУ, где он получил профессию автокрановщика.

Сколько я растратил нервов, испытал и стыда, и боли из-за этого парня! Когда я вытаскивал его, используя свой авторитет, из милиции и спасал, пока мог, от суда. Когда, отрывая от семьи, выделял средства на поездку жены к нему каждые полгода, на продукты, которые она к нему увозила, на пачки червонцев, которые она нелегально передавала ему в "зону", чтобы он мог на них купить себе послабления...

Этот пожилой ныне мужик говорит мне каждый раз при случае:

– Папуля! Прости меня, дурака, за все беды, которые я Вам принёс!

... Можно ограничить бутылочное стекло как драгоценный алмаз, но от этого бутылочное стекло не станет бриллиантом...

А от неё я за эти долгие четыре десятилетия ни разу не услышал ничего подобного:

– Спасибо тебе, за сына! И прости меня за то, что я тебе преподнесла такое приданое!

Да мало ли чего я не услышал!

Называя её всяческими ласкательными производными от имени, в ответ я всю жизнь именовался только по полному имени, да, при хорошем настроении, ласковым: "папуля".

Ни разу я не услышал из её уст слова "любимый"! Ни разу не услышал слов признания в любви! И если, разъедаемый нестерпимым голодом по этим знакам любви, я вымаливал эти знаки:

– Ты меня любишь?

То и тогда получал уклончивое:

– А кого же мне ещё любить...

А я любил...

...Я любил её настолько, что баловал, как мог, взваливая на свои плечи и часть её домашних обязанностей, в довесок к своей работе. Хоть и так работал всю жизнь на двух работах сразу.

...Я любил её настолько, что постоянно был в заботах о членах её семьи. С малых лет безотцовщина, сам пробивая себе дорогу в жизни, я охотно помогал другим людям. Вот и тянул из пагубного алкогольного болота и её братьев. Устраивал их, не окончивших даже среднюю школу и не имеющих никакой профессии, на работу, обучал рабочим профессиям, устраивал в общежития, следил, помогал, контролировал.

К этому времени я, от постоянных попреков тёщи, уехал на Крайний Север, на Всесоюзную ударную стройку. Через 7 месяцев привёз туда жену с пасынком и моим годовалым сыном в первую в моей жизни, полученную мною жилплощадь – половинку строительного вагончика. Потом, с ростом нашего таёжного городка, мы переехали в однокомнатную... трёхкомнатную..., четырёхкомнатную...

Я любил её так, что писал ей письма в стихах. В первый месяц на Крайнем Севере, тоскуя о ней, я написал ей свою первую песню о кедрах, которые, тоскуя, ждут ТЕПЛА, записал её на МАГ и послал ей. Эта песня стала впоследствии гимном нашего городка...

Я любил её так, что эта любовь сделала меня поэтом и местным бардом. Мои песни распевали, как застольные, в моём маленьком таёжном городке, выраставшем вместе с нами, его строителями...

Ей нравилась моя известность. Она с удовольствием принимала почести жены местной "достопримечательности"... Но, при этом, никогда её не интересовало моё творчество, она не знала моих стихов, кроме исполняемых часто в компаниях песен, никогда не стремилась их прочитать.

Мои попытки поделиться с нею радостью новых, только что рождённых произведений, вызывали, в лучшем случае, равнодушное безразличие, если не сарказм. Она часто вырывала из моего текста фразу, которую перекручивала так, что она становилась мне в укор.

Иногда она пыталась рифмовать сама. Её стихи рождались всегда с критической направленностью против меня... Но она ими чрезвычайно гордилась и часто друзьям декламировала, даже не понимая убожества своей поэзии.

Я любил её и старался оградить от всех ударов жизни, принимая их на себя, подобно тому, как ограждает малыша при первых его шагах кольцом своих рук отец. Она не замечала этого и не ценила. В компании она всегда исполняла песни с постоянной подтекстовой направленностью: "Ты разлюбил меня бы, что ли!..", "Без меня тебе... лететь с одним крылом". И при этом дополняла своё пение многозначительной мимикой, чтобы всем стало ясно, что она поёт, имея в виду наши отношения...

Никогда не смогу понять, почему она в ответ на моё воспевание и восхваление её и моей любви к ней, изо всех сил старалась продемонстрировать какую-то непонятную пренебрежительность ко всему, связанному со мной? Глупую и не заслуженную мной пренебрежительность. Иногда это настолько беспардонно и грубо высказывалось, что создавало стеснительную паузу за столом.

Однажды один из моих друзей, человек прямой и резкий, не выдержал и сказал ей в ответ на очередной выпад в мой адрес:

– Однако, за такие высказывания, подруга, пощёчины дают!..

...Но были в совместной жизни и моменты, о которых мне больно и стыдно вспоминать и сейчас...

...Иногда она так вела себя по отношению ко мне, что мой друг – дагестанец – недовольно кричал и говорил, как бы в никуда:

– Мой отец говорил: "Если ты не бьёшь женщину, она начинает бить тебя!"...

Как накаркал...

Однажды меня затащили в компанию. К этому времени моя "широкая известность в узком кругу" сделала меня желанным гостем в любой кампании. Там меня, естественно, попросили спеть...

В этот момент ворвалась моя жена и с ходу ринулась ко мне с пощёчинами. Вот тогда, распалённый выпитым вином и взбешённый унижением перед людьми я молча пошёл за ней, как она потребовала, а дома "дал волю" рукам...

...Я тогда самым настоящим образом избил её. Избил, против всех своих правил и заповедей, привитых матерью. Потом, на второй день, ужаснувшись содеянному, покаянно, на коленях, просил прощения...

...Мать, узнав об этом ужасе, тихо и горестно сказала тогда:

– Я, сынок, думала, что ты настолько силен, что её поднимешь до своего уровня. А ты оказался настолько слаб, что позволил опуститься себе! Я очень огорчена...

Этот поступок грыз меня всю жизнь! Ведь я всегда считал, что поднимать руку на женщину – крайняя низость. И горько переживал своё падение.

Да и слова матери, горячо любимой и почитаемой мною, ранили сильнее кулаков...

...В те страшные для меня дни я дал себе клятву, что скорее обрублю себе руки, чем подниму их на женщину ещё раз! И выдерживал эту клятву, хотя часто чувствовал, что она, ну, прямо-таки, напрашивалась на повторение этого ужаса, провоцируя его не только словами, но и поступками...

...Но, отгоняя от себя эти страшно неприятные для меня воспоминания, я не мог не поразиться её реакции. Сначала она опешила и попыталась продолжить давать мне пощёчины, но, получив жестокий отпор, сразу стала "ручной". Мало того, она целовала мне кулаки, измазанные её кровью, и, преданно

заглядывая, как собачонка, в глаза, скулила: "Прости меня! Я сама виновата! Я сама напросилась!"

Я ожидал, что после этого она меня возненавидит. А она... заужала!

И часто думалось: а, может быть, есть сыромятная правда в высказывании: "Русская баба любит, чтобы её били!?"

...Но моя любовь была неисчерпаема.

Я сумел даже победить её врожденную неприязнь к учёбе... Друг – директор вечерней школы – помог ей окончить десять классов и получить аттестат зрелости. Потом я, не имеющий законченного образования, решил таки получить диплом, ибо к этому времени был уже руководителем небольшого предприятия – на Севере хороший работник быстро шёл в рост.

Я сумел её уговорить, и мы оба поступили в питерский экономический техникум, хоть она "всю жизнь ненавидела математику".

Благо, время было советское и государство народное – оно позволяло своим гражданам бесплатно получать образование. Правда, от первых же контрольных на меня посыпались "шишки" и упрёки, что я-де, сунул человека под нелюбимую математику. Но я не унывал. Я любил её и любил математику и с удовольствием взял на себя её задания.

К концу учёбы обнаружилось, что я иду на "красный диплом". Это известие, вместо разделённой радости и гордости за успехи мужа, принесло в семью раздражение и непонятную озлобленность. Пришлось вытягивать на "красный диплом" обоих...

Я "с разгона" продолжил свою учёбу, закончив экономический факультет университета, а её на это подвигнуть уже не смог:

– Хватит! Я и так ради тебя два года маялась! – был в ответ мне брошен упрёк.

Почти сразу же после окончания техникума её диплом "сработал", защитив её от сокращения на работе и принеся повышение по службе.

Но и тогда я не услышал слов благодарности. Да я их уже и не ждал...»

– Заявитель! Ну, объясните нам, в чём перед вами провинилась ваша жена? Она что, изменяла вам? Имеет пагубные привычки? Что делает невозможным ваш брак?..

«А. Так я тебе, мымра, и ответил! Мой рассказ тебе нужен, как зайцу стоп-сигнал!..

..."Изменяла?"

Не знаю...

В какой-то момент нашей жизни мне так показалось. Точнее, кумушки нашептывали. Проверил. Вроде не подтвердилось... Нашей паре многие завидовали. И, не зная всей подноготной нашего брака, даже считали образцовой парой...

Да и я очень верил ей. Считал, что я застрахован от "рогов" хотя бы тем, что она – холодна к сексу. "Вот такая я – урода!" – говорила она в редкие минуты самокритики.

И я верил, потому что... хотел верить.

Но однажды эта вера пошатнулась...

...Она всегда мечтала о загранице. И хоть мы каждый год ездили всей семьёй в Сочи – там жила моя мама и младшая сестрёнка, жене хотелось за границу. Возможно, для неё это была идея-фикс. Возможно, это было для неё

эталоном преуспеваемости человека. Не знаю. Знаю, что если бы она мечтала о луне с неба, я бы и её попытался ей достать...

...В то время выезды за границу были возможны только в страны соцлагеря, по путёвкам и коллективными группами. Государство щадяще и внимательно относилось к труженикам вообще и к северянам, в частности. Поэтому северянам шли все "лакомые" путёвки на знаменитые курорты СССР, в санатории, и в Дома отдыха, и за границу. Так удалось получить путёвку в Болгарию на знаменитый курорт "Златни пясъци".

О том, чтобы поехать вдвоём, не могло быть и речи. Во-первых, куда деть детей? Во-вторых, наш семейный бюджет едва выдерживал зарубежное турне одного человека. В-третьих, я против "забугорья" имею устойчивый иммунитет: никогда туда не рвался ни раньше, ни сейчас...

...Убеждён, что все прелести природы самых экзотических стран с избытком покрываются прелестями нашей российской природы. А просторы России гарантируют любому долгожителю, что путешествуя по её необъятным просторам хоть всю жизнь, всё равно останется для него много "белых пятен" на карте нашей страны...

...Вообще-то, поездка в Болгарию была не так уж и дорога. Но знающие люди советовали, к разрешаемым к вывозу деньгам, напрягать в потайные места наших российских "красненьких" – десятирублёвок, которые там шли влёт и обещали дополнительный комфорт и обслуживание выше среднего уровня.

Чтобы собрать для жены "финансовый кулак" на эти цели, я решил сэкономить: пасынка отдал на лето бабушке, а с трёхлетним сыном отправился в отпуск на Украину, к родичам в село, где жизнь была дешевле и соблазнов почти не было. По окончании её поездки решено было съехаться в Сочи у моих...

...Тогда в нашей стране отпуска у людей были полноценные, а не куцые "уикэнды", как ныне. А у северян они вообще были по два-три месяца, да и дорога бесплатная. В СССР не практиковалась потогонная "система Тейлора", когда из рабочего капитал выжимает в короткий срок все соки, выбрасывая его на помойку жизни. То, что процветает ныне у нас...

...Мы с сыном приехали в Сочи позже жены. Меня радостно встретила мама:

– Привет сыночек!

– Здравствуй, мамуля! – Я её обнял и поцеловал. – А жена приехала?

Мама как-то сразу потускнела:

– Да... Явилась...

...Мама всю жизнь была для меня самым близким и дорогим человеком. Мало того, она была моим доверенным человеком. Я сразу почувствовал что-то неладное и спросил:

– Случилось что?

Мать скупо ответила, пряча глаза:

– Да... Так... Сам увидишь...

Я тогда подумал: "Ну, поспорили свекровь с невесткой! Бывает!"...

...И только вечером, когда жена пришла с пляжа и я, истосковавшийся по любимому человеку, бросился к ней с объятьями, то увидел у неё на шее несколько пятен... Следы жарких поцелуев...

С той поры я не был так уж уверен ни в её фригидности, ни в её верности...

Тогда же и моя мать сменила своё мнение о жене. Она, в своё время сделавшая всё для того, чтобы мы поженились, стала с той поры настороженно холодна к ней.

Жена же, однажды хорошо усвоившая, что мать для меня – святое и что никому никогда не удастся восстановить меня против матери, приняла иезуитскую тактику: она убивала и меня, и маму подчёркнуто вежливым и учтивым, но несокрушимо ледяным, как айсберг, отношением к моей матери. До самой смерти этого самого дорогого мне человека...

"Имеет пагубные привычки?"

Да...

К сожалению и ей досталась капля крови алкоголика отца. Она была склонна к выпивке. Всю жизнь. Периодами эта склонность зашкаливала... В такие периоды она запускала себя, переставала за собой следить... Опускалась...

Я боролся с этим всеми силами. Уговорами... Посулами... Подключал взрослых сыновей... Горько это... Горько и противно...

Все призывы к ней удерживаться от этого соблазна, вызывали дикое ожесточение, полное отрицание очевидного и, прямо-таки, ненависть ко мне, вплоть до оскорблений...

...Но и с этим можно было жить.

Правда, наша жизнь всё меньше походила на брак. Близость бывала у нас всё реже и реже. Ей явно она не доставляла удовольствия. Да она её никогда и не желала. Секс у нас был скупой и ненасыщенный. Вероятно, он обоим не приносил удовлетворения. Только себе я долго в этом не мог признаться, усиленно выдавая желаемое за действительное. Мы не подходили друг другу ни темпераментом, ни физиологически. Секс с ней постоянно травмировал меня, настолько её физическое строение не было "под меня".

А что самое жуткое, в момент близости я, порой, задышался от сильного тошнотворно-сладкого, как трупный запах, запаха её ног, но попросить её помыть их перед сексом не смел. Тогда бы не было ни секса, ни жизни мне. Как минимум, на ближайшие несколько дней она бы устроила то, что я стал называть "холодной войной", когда она не разговаривала со мной днями, а в вынужденных случаях говорила таким ледяным голосом, что у меня тоскливо сжималось сердце...

За эти четыре десятилетия я помню – на пальцах сосчитать – случаи, когда она по-настоящему жаждала близости и отдавалась сексу горячо и страстно...

На пальцах одной руки...

...Странно устроен человек! Вероятно, действительно, и человеческие отношения управляются всё теми же вездесущими законами физики: разные полюса – притягиваются...

...Или Вселенский Разум, создавший нас, забавляется, соединяя Лёд и Пламя...

...Вскоре мы стали спать, в разных комнатах. Она очень сильно храпела, а у меня к храпу – сильнейшая аллергия. Долгое время я "наносил ей визиты"...

Но потом и это стало случаться всё реже...

А когда желание переполняло и разрывало меня, я находил Женщину. Женщину, которой я был мил и желанен. И она, конечно, об этом догадывалась – "загулы" мужа никогда не проходят незамеченными для жены. Но мы будто заключили негласный пакт: я не надоедал ей своими "поползновениями", а она "не замечала" моих походов. Правда, когда у меня появилась постоянная женщина, жена, почувствовав угрозу браку, сделала всё, чтобы разорвать нашу связь. Даже, как я узнал гораздо позже, встречалась с моей любовницей и уговорила её оттолкнуть меня...

...Помню, как эта молодая, моложе меня на пятнадцать лет, женщина, умная и порядочная, просто не очень счастливая, плакала, прощаясь со мной, у меня не плече:

– Ты удивительный мужчина и я тебя очень люблю!.. Но ты никогда не бросишь своих мальчишек! У нас нет будущего... А я... я выхожу замуж...

...Никакого замужества у неё, как оказалось и не предвиделось. Она и сейчас живёт одна. А мои "мальчишки" выросли, получили высшее образование, нашли в жизни свой путь, имеют уже своих детей и теперь не нуждаются в отце...

Я любил её и всегда старался трудное взять на себя. Когда мы вернулись с нашего Крайнего Севера практически нищими, т.к. государство своим либеральными реформами обесценило и поглотило наши многолетние сбережения, мы были уже пенсионерами. Но прожить на пенсию было нереально и пришлось искать работу. Это было время, когда питерские кандидаты наук оформлялись уборщицами в офисы к новым хозяевам жизни. Она сразу заявила: "На капиталистов работать не собираюсь!" Да я и не возражал, да вот безработица и возраст сбивали мою всегдашнюю уверенность в себе. Безуспешно рыская в поисках работы, я стал понемногу паниковать...

Помог соученик по университету. Он пристроил меня главбухом к своему знакомому, бывшему профессору, который тоже пытался выжить, занявшись бизнесом. Сначала было трудно – я никогда не работал по этой профессии. Пришлось засесть за учебники и находить опытных главбухов для консультаций. "Терпенье и труд, всё перетрут!" – говаривала мама. И я освоил эту профессию. Так и работаю по сей день...

Иногда, в моменты доброго настроения, совпадающие с дорогими подарками ей, она поощряла:

– Папуля! Наш добытчик!

И целовала.

С годами и эти крохи ласки пропали. А в моменты недоброго настроения она демонстративно заявляла:

– Надо мне устраиваться на работу...

Но это не выходило из области деклараций...

И всё-таки "невозможным наш брак", невозможным до развода, сделало совершенно другое.

С годами характер у всех меняется. У жены тоже. И она в какой-то момент, посчитала, что во всех её бедах виноват я. С той поры её равнодушие ко мне сменилось всё усиливающейся неприязнью. Иногда в ссоре я, глядя в её побелевшие от бешеной злости глаза и слыша её дикие обвинения и грубые

оскорбления, внутренне недоумевал: "Неужели она эти обвинения считает справедливыми?!"

Правда, и в начале нашего брака она допускала жесты, оскорбляющие и принижающие меня. Она всю нашу совместную жизнь демонстрировала какую-то свою нарочитую "независимость" и всегда выступала непримиримым и огульным оппонентом мне. И если я всегда поддерживал её авторитет в семье, она мой пыталась всегда принизить. Как сказала однажды жене, попав на очередную семейную перепалку, одна давняя друг семьи: "Он воспитал хорошо ваших детей, подруга, не благодаря твоим усилиям, а вопреки им!"

Эта давняя знакомая после этого высказывания стала *persona non grata*.

Постепенно во враги зачислялись все, кто хвалил меня. Зато те, кто отзывался обо мне недружелюбно, мои недруги, которых рождал в избытке мой прямой характер, принимались ею благосклонно. Их высказывания старательно складировались в её памяти с тем, чтобы в нужный момент быть брошенными мне в лицо.

Перепалки становились всё ожесточённой и бескомпромиссной. В них было всё меньше попыток разобраться и всё больше желания уязвить.

Причём, когда я доходил до крайней степени каления и решался на радикальные меры, она задерживала меня "на пороге", вдруг взрываясь словами горького раскаяния, уничижения, сожаления и обещаний. Такими словами, которые я безуспешно ждал всю свою жизнь: "...Я идиотка, потому что сама всё испортила, сама оттолкнула тебя от себя!.. Умоляю тебя! Не уходи! Ты прав, говоря: "Ты сама приползёшь ко мне!" Я уже ползу! Я готова ползать, если тебе это будет нужно. Я не смогу жить без тебя!.."

Это меня полностью обезоруживало и расслабляло. Не жестокий по характеру, я был довольно резок и непримирим к воюющему врагу. Но стоило ему покаяться упасть на колени, как я первым бросался поднять его с колен... А это всё-таки была мать моих детей. Моя первая юношеская любовь! Моя первая Женщина! Как я мог разрубить отношения после такого покаяния?!

Наступала пора перемирия. И я, не насилуя себя, вытряхивал всё зло и все обиды из закоулков своей души, вновь и вновь открывая её доброте и любви.

Но проходило время, и всё возвращалось на круги своя. Если я прошлое вспоминал с любовью и умилением, то ей прошлое вспоминалось, почему-то, как нескончаемая череда моих виновностей. Настоящих и мнимых. Причём, мои вины рассматривались через лупу, а её вин вообще не было.

Опять каждое моё высказывание и мнение вызывало ярое непримиримое отторжение. С моими недоброжелателями, с которыми я разорвал отношения, она демонстративно их поддерживала, люди, вызвавшие мою симпатию или выразившие симпатию мне, отторгались. Мне вновь и вновь внушалось, что я – сплошная вина... Что я грешный, грешнее не придумаешь, и испортил жизнь ей, безгрешной, "белой и пушистой".

Я втягивался в полемику, пытаюсь отстоять свою точку зрения и отстоять... себя.

Полемика эта перерастала в очередной скандал, ожесточая стороны, никому ничего не разъясняя и отравляя жизнь.

Стало пошаливать сердце. После серьёзного обследования кардиолог заявил:

– Сосуды у вас неплохие для вашего возраста. Вас могут погубить их спазмы, вызванные нервными расстройствами.

И подвёл итог:

– Хотите жить – не нервничайте! Избегайте стрессов!

Я стал понимать, что при продолжении такой жизни, надолго меня не хватит...

А что было делать? Выхода я не видел...

...Человек с годами опутывается незримыми нитями с живущими рядом. Порой сотни этих нитей связывают человека с другим человеком сильнее каната любви.

И чем больше человеку лет, тем нереальней его освобождение от пут...

...Кто-то мудрый сказал, что надо бояться тех, кто заставляет нас себя разлюбить.

По-моему, это – аксиома! Потому что, человек, разлюбивший себя практически мёртв...

А я хочу жить! Неважно сколько! Сколько Создатель отмерил. Но жить в гармонии с собой. Человеку очень важно внимание и почтение окружающих. С годами уважение окружающих становится жизненно необходимым, потому что компенсирует человеку отступившие в прошлое маленькие его радости: застолье с друзьями, упоение любимой работой, новые эмоции от новых встреч...

И я не хочу умереть, как отец, в горьком одиночестве – в "одиночестве вдвоём", потому что он, бросивший когда-то мать, так и не решился из гордости своей, хоть в старости вернуться к ней, по-прежнему любящей его. Не нашёл в себе силы разорвать тот канат из нитей, который утянул его на тот свет.

Но...

Кроме всех этих "благих намерений", которыми, как известно, "вымощена дорога в ад", существует ещё и парализующее:

"Поздно!"

"Поздно и стыдно разводиться в семьдесят лет!"»...

Он очнулся от своих тягостных раздумий. Оказывается, суд уже закончился. К нему подошла секретарь суда и сказала, поглядывая на него со смешливым интересом:

– Дайте ваш паспорт – снять ксерокопию!

И, указав на скамью возле двери кабинета судьи, добавила:

– Здесь подождите!

Он послушно сел на указанное место. В кабинет вбежала ещё одна девушка из соседнего кабинета. В неплотно прикрытую дверь кабинета просочился диалог:

– Ну, что, идём обедать?!

– Да. Вот только сниму ксерокс с паспорта одного чудака. Пришёл тут один дедусь разводиться в семьдесят лет! Вот хохма!..

Он вышел из здания суда, остановился на ступеньках крыльца и, закинув голову, посмотрел на небо. Оно не предвещало перемен...

И тут он вдруг почувствовал, что терзавшее его чувство раздвоения

наконец-то покинуло его. Обе его половинки воссоединились, но почему-то не здесь, в этом пасмурном мире, а в той, безвременной виртуальности. Он сверху, как поднимающийся на воздушном шаре человек, видел удаляющиеся ступеньки крыльца суда и себя, почему-то опускающегося на эти ступеньки безвольным комком...

Последнее, что он услышал в своей жизни, был встревоженный крик:

– Человеку плохо! Вызовите «скорую»!

Наступило какое-то чудесное облегчение. Обруч, с утра сжимавший грудь, пропал. И он почувствовал себя невесомым, как в детстве.

И – свободным...

Ольга АЛФЁРОВА

Из истории военного мундира

Интерес к истории русского костюма, в частности к истории военного мундира, так или иначе, был всегда и в последнее время только возрос. Образ мундира используется в книжной иллюстрации, кино, в реконструкциях военно-исторических клубов. И даже для более-менее точного воспроизведения мундира необходимы источники, из которых можно почерпнуть необходимые сведения. К счастью, мы имеем доступ к большому количеству источников информации. Можно зайти в интернет, обратиться к книгам, альбомам, музейным экспонатам и другим источникам. И чтобы понять, откуда такое обилие сведений, заглянем в историю.

Многие из ранних сведений о России дошли до нас не только из летописей, но и из писем, шпионских донесений иностранных послов, прибывавших ко двору русских правителей с дипломатической миссией. Одним из таких послов-разведчиков был некий Эрик Пальмквист. Он был членом посольства, которое в 1673 году прибыло к царю Алексею Михайловичу для переговоров о союзе против турок.

Этот представитель посольства не выпускал из рук бумаги и стила, всё время что-то зарисовывал: виды городов и крепостей, бытовые сцены, планы местностей. Записывал, сколько вёрст от одного населённого пункта до другого, кто из иностранных наёмных офицеров служит в местном гарнизоне. Покупал у чиновников карты Московии. Таким образом, он собрал ценнейшую информацию в виде альбома, который привёз в Швецию и передал шведскому королю.

Но истинная ценность миссии Пальмквиста проявилась спустя столетия. Благодаря этой миссии до нас дошли изображения русских стрельцов и конных воинов времён Алексея Михайловича, а также рисунки знамён различных стрелецких полков. По сути, это первые изображения русского мундира, сделанные с натуры. Из заметок Эрика Пальмквиста: «Четыре изображения русских

Ольга Леонидовна Алфёрова – художник-график. Родилась в Вологодске, школу окончила в Можайске Московской области, там же окончила художественную школу им. С.В. Герасимова. Участвовала в художественных выставках фонда «Бородино» (2010), Московского союза художников-графиков (2012). Окончила факультет графических искусств Московского Государственного университета печати им. Ивана Фёдорова (2013), учится в аспирантуре при университете, преподаёт компьютерную графику. Живёт в Москве.

военных. Пиковые и старшие офицеры. Один из царских драбантов. Стрелец или мушкетёр. Четыре русских конника.

Русская артиллерия весьма хороша и эффективна. Состоит не только из обычных картоверов, шлангов, мортир. Они имеют и другие маленькие изобретения, особенности которых представлены в нижеследующих чертежах»...

В Швеции альбом Пальмквиста тогда не понадобился, но история его альбома на этом не заканчивается. В 1898 году шведский король издал альбом тиражом семьдесят пять экземпляров в чёрно-белом исполнении, и два экземпляра он подарил российскому императору Николаю II. Ещё несколько экземпляров попали в Россию со временем. В Исторической библиотеке есть один такой экземпляр. И в 2013 году одна из издательских фирм после десятилетней работы историков и шведских, и российских издала факсимильное воспроизведение этого альбома.

По сути, первое подобие военного мундира в России было введено ещё Иваном Грозным. Стрельцы – аналог западных мушкетёров – были вооружены пищалью и бердышом, одеты в сапоги, кафтаны и шапки, перепоясаны берендейками с натрусками для пороха. И первые их реальные изображения – содержатся в альбоме Пальмквиста.

Расцветом русского военного костюма можно считать XVIII век, эпоху правления Петра I. По возвращении из заграничного путешествия, уничтожив мятежные московские стрелецкие полки, он учреждает регулярную русскую армию, по образцу европейской.

Новый военный костюм по целому ряду пунктов уступал прежнему, условно скажем – национальному. В любом случае немецкие или французские башмаки, шляпы, кафтаны и прочий «мундиронг», как тогда говорили, был менее удобен, а в ряде случаев менее гигиеничен. А когда начиналась зима и войска расходились по винтер-квартирам, такой костюм в принципе не носили. К новому обмундированию приходилось привыкать и адаптироваться.

В те времена приходилось воевать сначала числом, а потом – умением. Сражения XVIII и начала XIX веков – это сражения линий. Линии стрелков постепенно сближались друг с другом, вели огонь из стрелкового оружия,

Одежда и вооружение стрельцов XVI–XVII вв.

пока не соприкасались в рукопашной схватке. И в разнообразной расцветке мундиров тех времён был свой практический смысл. В XVIII веке ружьё стреляло на двести шагов. Пистолет на двадцать-двадцать пять. На таком расстоянии маскировка в принципе бесполезна. Стреляли залпом, потому что одиночная стрельба большого толка не имела. Большие скопления войск на таком расстоянии замаскировать нельзя.

Артиллерия стреляла на несколько тысяч шагов. Всё равно всё это происходило в визуальном контакте, стрелки видели друг друга. И маскировка здесь не играла большой роли. Зато одинаковый костюм – он полезен при регламентации (а регулярная армия – это регламентация, это одинаковая униформа). Это звания, гербы, знамёна... Такая форма помогала ориентироваться на поле боя полководцам, адъютантам...

Постепенно, с развитием тактики появлялись всё новые военные специальности и их новые мундиры. Например гренадер – от гранаты, кирасир – от кирасы, мушкетёр – от мушкета. Но у некоторых специальностей и родов войск более сложное происхождение названий. Слово «улан», как считается, происходит от турецкого «оглан», т.е. «удалец, молодец». В то же время уланами стали называть вид лёгкой кавалерии. Слово «гусар» – вообще нет точного толкования, есть разные версии, откуда оно происходит. Драгунами называли едущую пехоту. Т.е. войска, обученные действовать и в конном, и в пешем строю. Насчёт происхождения термина «драгун» до сих пор тоже ведутся споры.

На протяжении развития мундира на первый план выдвигались то его декоративная, то практическая сторона. Ещё одной важной составляющей внешнего облика военного была причёска и «прочая растительность на лице». А также парики, косицы, букли и, конечно же, усы. Для специалистов такие особенности позволяют установить время с точностью до года.

В указаниях времён Елизаветы Петровны, в частности, было требование, чтобы драгуны и кирасиры непременно отращивали усы. И по возможности, как можно длиннее, чтобы их можно было пустить кругом по щекам. А те, кто по молодости лет не имел усов, чтобы обязательно носили накладные, и чтобы усы, на разводах и других мероприятиях, «обязательно должны быть подчеркнуты».

В популярной литературе по истории русского военного мундира существует мнение, что ответственность за онемечивание русского мундира лежит

Фузилерные шапки Днестровской
Инспекции Херсонского
Гренадерского полка. 1802–1804 гг.

Офицеры Преображенского полка, Семёновского полка и Лейб-гвардии
Бомбардирского батальона. Середина XVIII в.

в основном на двух русских императорах. Первый из них – Пётр III. И как бы подчёркивая верность «исконным традициям», Екатерина II во время переворота облачилась в мундир Семёновского полка с плеча подпоручика Талызина. Но, по большому счёту, любое царствование в России в XVIII веке можно обвинить во внедрении неметчины. Пётр I внедрял неметчину. При Елизавете Петровне тоже отнюдь не древнерусские костюмы были в употреблении. Но когда говорят о неметчине, почему-то всегда вспоминают Петра III и Павла I, хотя это было не совсем так.

По сути, на протяжении XVIII века русский военный мундир был довольно неудобен для ношения. Первую попытку сделать его более приспособленным к реальным задачам предпринял ближайший сподвижник Екатерины II, князь Григорий Потёмкин-Таврический, генерал-адъютант. Он отнёсся к вопросу солдатского обмундирования со всей серьёзностью, ведь сам он прошёл турецкую кампанию: «Одежда войск такова, что придумать нельзя лучше к угнетению солдата. Узкие сапоги, подвязки, пропасть вещей, бег сокрушающих. Щегольство должно быть уничтожено. У солдата же нет слуг. Костюм солдата должен быть таков – как встал, так и готов».

Но с начала царствования императора Павла Петровича, мундиры, как и вся жизнь государства российского, снова подвергаются реформированию. Павел обмундировывает армию по образцу, принятому в Гатчине: узкие штаны, штиблеты, длинные перчатки, высокие треугольные шляпы, усы, косы, букли. В этой неудобной форме русские войска под командованием фельдмаршала князя Суворова преодолели Альпы. Суворов же насчёт солдатского

Кавалергарды. Офицер и рядовой. XVII-XVIII вв.

обмундирования высказывался следующим образом: «Пудра – не порох, булки – не пушки, коса – не тесак, а я не немец, а природный русак». За что и оказался «на выселках» в деревне.

Но сам Суворов, несмотря на личное негативное отношение к реформе императора, с крайним педантизмом относился к соблюдению всех статей воинского регламента, в том числе и правил ношения парика. Однако Павел I старался заботиться о солдатах. Например, вместо неудобного плаща и холодного, он ввёл тёплую шинель. Павел навёл такой страх на офицерство, что они боялись воровать, и паёк солдата увеличился.

Если сведениям о военном костюме XVII века мы во многом обязаны Эрику Пальмквисту, то откуда же взялись сведения о крое мундира в XVIII веке?

Во время правления Николая I было высочайше указано систематизировать многочисленные разрозненные сведения об истории русского мундира. Для Николая I важно было создать историю мундира как историю доблести, как историю, скрепляющую разные поколения. И поэтому он создал специальную комиссию, которая должна была описать мундиры прошлого времени, но сделано это было всё по-чиновничьи, во главе поставили генерала Клейнмихеля.

Он собрал подчинённых и приказал им собирать материалы. Но оказалось, что ни у одного из участников этой группы нет ни малейшего понимания, что с этими материалами делать.

И вот здесь находится человек, которому была поручена работа над составлением всеобъемлющего труда по истории русского мундира. Им

оказывается Александр Васильевич Висковатов – российский военный историк. Сегодня даже трудно себе представить, как сложно было найти, систематизировать и свести воедино весь огромный материал от начала летописной истории до первой половины XIX века! Не случайно этот объёмистый труд и поныне считается библией у военных историков и реконструкторов.

Тридцать четыре тома «Исторического описания одежды и вооружения Русских войск» в виде тетрадей с приложенными иллюстрациями выходили в Санкт-Петербурге в течение двадцати лет! Существовало два варианта исполнения: дорогое (текст на ватманской, а рисунки на китайской бумаге), с частично раскрашенными иллюстрациями – пять рублей. Более дешёвое (текст на веленовой, рисунки на французской бумаге), с чёрно-белыми иллюстрациями – три рубля.

Работа отчасти была закончена, но, к сожалению, в 1858-м году Висковатов умер. Но некий Леонид Аполлонович Верховцев продолжил эту работу и выпускал следующие тома, в которых уже были мундиры нового времени. Сегодня эти уникальные издания хранятся в Исторической библиотеке.

Отдельного внимания заслуживают иллюстрации к тексту Висковатова и особенно – литографии. Очень хорошие художники работали над этими альбомами, и картинка в них не просто статична, они представляют образы воина в самые разные времена. Висковатову удалось объяснить значение очень многих русских слов, которые известны были по Летописям, но никак не привязывались к тому, как выглядел тот или иной головной убор, та или иная военная одежда в древние времена.

Итак, второй важный источник сведений о русском военном мундире – альбом Висковатова.

После очередного переворота в начале XIX века и восшествия на престол Александра I, император заявил, что теперь «всё будет, как при бабушке».

Из указа «В облегчении войск Государь Император высочайше повелеть изволил нижним чинам обрезать косы под гребёнку». То есть из кос был вынут стерженёк, и косы были срезаны, а офицерам и генералам, как кто захочет.

Обер-офицер и штаб-офицер егерских полков. 1816 г.

Многие так и ходили с косой, поскольку привыкли. А так одежда в основном не вернулась к екатерининским мундирам.

В то время на международной арене появляется Наполеон, которого звали то «чудовищем», то «узурпатором», то «врагом рода человеческого». Но после Тильзитского мира, когда Наполеон назвал Александра I братом, узурпатор теперь назывался «главой французского правительства». Конечно же, это политическое сближение отразилось и на военной моде. Был введён новый покрой мундира, напоминающий фрак. И с высоким воротником, очень высоким и жёстким. Офицеры жаловались, что голова в этом воротнике как в ящике и поворачивать её трудно. Такие воротники можно видеть на всех портретах маршалов Наполеона. Тогда же на плечах русского мундира появились эполеты. В русской армии офицеры в новых мундирах своих видели французскую ливрею и с насмешливой досадой, поглядывая на новое украшение своё – на эполеты, говорили, что Наполеон у всех русских офицеров сидит на плечах.

Но в кампанию 1812 года, когда русские войска под командованием Барклая де Толли вели отступление, у простых русских солдат были весьма мучительные проблемы.

В своём романе «Война и мир» Лев Толстой описывает страшный марш отступления русской армии и наступления французской перед Бородинской битвой. Это было начало августа, стояла страшная жара, люди шли по щиколотку в раскалённой пыли. Пыль стояла выше голов, все были осыпаны этой пылью, всё накалялось. С величайшим трудом разрешили солдатам их суконные мундиры в эту жару расстёгивать чуть-чуть сверху, иначе нельзя, непорядок.

В Бородинском бою, где с обеих сторон погибло не менее 80 тысяч человек, за состоянием воротничков мундира уже не следили.

Конец 1812-го года, в декабре французская армия была уничтожена. Русские войска вступают в Париж. Они парадируют мимо боевого офицера Константина Павловича – брата государева, и тот не может сдержать своего негодования восклицанием: «Они умеют только воевать!» То есть люди за этот марш потеряли навык ходить, одинаково поднимая ногу.

В комедии «Горе от ума» Чацкий восклицает: «Мундир! Один мундир! Он в прежнем их быту когда-то укрывал, расшитый и красивый, их слабодушие, рассудка нищету». Однако один из антагонистов Чацкого – полковник Скалозуб – оказывается не просто карьеристом и выскочкой. Свой мундир он заслужил честно, командуя егерями в бою. Настали новые времена, и бывшему командиру пришлось менять тактику. В егеря отбирали лучших солдат и лучших офицеров, Скалозуб был руководителем, командиром. В пьесе Скалозуб заигрывает с дамой в хорошем возрасте. И на её реплику – «Не мастерица я полки-то различать», подсказывает: «Форменные есть отлички в мундирах – выпушки, погончики, петлички». Для неспециалиста эти термины «выпушки, погончики, петлички» совершенно не понятны. Или вот в «Военных афоризмах» Пруткова: «Клапан, погончик, петличка, репей. С этим солдат хоть не ешь и не пей». По утверждению специалистов «Репей», или репей – это, как правило, украшение головного убора в виде кисточки, помпона или деревянной бобышки, обшитой, обтянутой сукном: репей, репей. Если он говорит о петличках, то изначально это нашивки на пуговичных петлях. Потом это могли быть нашивки из тесьмы, которые имитировали петли. Например – на воротнике или нарукавных обшлагах.

Выпушка – это тонкий валик сукна, вставленный в шов. Такое украшение – элемент покроя.

Помимо трудов конкретных историков и исследователей многое о русском мундире уже XIX века дошло до нас благодаря творчеству известных людей. Русская офицерская среда XIX века состояла из культурных и образованных представителей общества. Среди них было немало известных личностей: писателей, поэтов, художников. Например, Феликс Весёлый – офицер, моряк – начал с того, что описал историю Морского кадетского корпуса, где выписаны были и даны изображения всех мундиров, как кадетов, так и офицеров, вообще морских офицеров.

Одной из самых интересных коллекций была коллекция Михаила Дмитриевича Хмырова, офицера, которому было поручено сначала просто писать историю собственного полка. Это его так увлекло, что он ушёл в отставку, написал историю полка и решил создать энциклопедию по истории России, и жизнь на это положил.

Огромный вклад также внёс и художник Верещагин своими историческими и батальными полотнами.

Во времена императора Александра III произошла ещё одна реформа мундира. Интересно то, как за основу для создания нового военного обмундирования взяли образы из того, что было собрано Висковатовым и другими по древней истории российского мундира. Тут используют и шаровары, и шапки, которые очень напоминают шапки средневековых русских людей. И это целая эпоха, рождённая изучением истории мундира.

Наступает конец XIX столетия. Новое оружие, более совершенные средства связи, невиданная военная техника. Тут золотой век мундира заканчивается. Исчезают разноцветье и причудливые головные уборы, и мундир становится простой и функциональной униформой защитного цвета.

Военное обмундирование русского, российского воинства менялось на протяжении столетий. Но дух армии оставался неизменным. Русские солдаты и офицеры не дрогнули под шведскими штыками под Полтавой, не утрастились ужасов Чёртова моста при переходе через Альпы, стояли насмерть на залитых кровью бородинских редутах и бастионах Севастополя. И сегодняшние бойцы, одетые в скромную защитную униформу, знают о подвигах предков.

А благодаря трудам исследователей, художников и писателей прошлого и современности мы располагаем столь обширными сведениями об истории русского мундира.

По материалам Государственной исторической библиотеки и документальному фильму «Честь мундира» (ТРК «Плеяда» 2015 г.)

ПОЭЗИЯ

Татьяна СКОРИКОВА

ТАТЬЯНА СКОРИКОВА

Татьяна Петровна Скорицова – филолог, поэтесса, поэт-переводчик, преподаватель русского языка. Член Союза писателей России, член литературного клуба «Московитянка» при Центральном доме литераторов и ЛИТО Центрального дома учёных РАН. Выпускница филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации МЭСИ и кафедры русского языка МГТУ им. Н.Э. Баумана. Автор нескольких поэтических книг. Участник литературных проектов «Библиотека современной поэзии», «Родники России», «Православная лира» и др. Автор многочисленных публикаций в периодической печати, в литературно-художественных журналах и альманахах, изданных как в России, так и за рубежом. Лауреат международных и российских литературных конкурсов и наград. Живёт в Москве.

- А где искать тебя?
- Иди за солнцем вслед.
- Возьмёшь меня с собою?
- На рассвете.
- Мне с чем идти?
- С родной землёй в горсти.
- Что оставлять?
- Что рухнуло на свете.
- Когда же в путь?
- А мы уже в пути...

Берёзовая рощица

Берёзовая рощица,
о чём молчишь, скажи?
Небесная пророчица
и странница во ржи.
Как свечечки исконные,
ввысь тянутся стволы,
и лики в них иконные,
по-Божьему светлы.
За луг ушла околица,
закат в ручье погас,
а рощица всё молится
за каждого из нас...

Возвращение

Над полотном земли апрельской,
раскроенной на лоскутки,
весна стекала синью гжельской
в распушенный рукав реки.
Шоссе, постройки, переулки –
сплелась узором круговерть,
где лаком палехской шкатулки
блестя, внизу покрыта твердь.

И снова гул аэродрома
живой встречает суетой.
Взахлёб... тепло земное... дома
глотну за лесополосой.
Блеснёт слезой родное небо,
к щеке берёзы прислонюсь,
протянет мне ладонь сквозь вербы
моя оттаявшая Русь...

«А Муза дерзкая писала нерукотворные холсты...»

За живою водою

- Откуда ты?
 - Из немочи.
 - Какою дорогою?
 - Путём страданья шёл.
 - За чем идёшь ты?
 - За живой водою.
 - Что миновал?
 - Забытый град и дол.
 - Как долог путь твой?
 - Я не помню, может, два века минуло.
 - Два века?
 - Или три...
 - Кого спасаешь?
 - Ту, что всех дороже.
 - Где твой ночлег?
 - На краешке зари.
-
- В чей край твой путь лежит?
 - В земные дали.
 - Ты веришь в них?
 - Тех сил сегодня нет.
 - Когда вернёшься?
 - Да вернусь, едва ли.

Ограда

День осенний. Лист безмолвно-белый...
Тихо в мире и снежит с утра...
Улица совсем закоченела,
превратясь в ледышку серебра.

Лишь ограда в устье переулка
на скрещенье призрачных эпох
вторит городу, чугунной вязью гулкой
отчеканив века шаг, и речь, и вздох.
Ей, зажатой между двух столетий,
между сквериком и храмом,
где Арбат по-отечески её рукой приветил,
чужд размах и блеск иных оград.

В ней незримо притаилась вечность
переулков старых, и слова
здесь свою живую человечность
обретают, как немёрзлая листва.
Я кленовый лист возьму на память,
отогрею сердцем... на гранит
у ограды положу... Его устами
вдруг она со мной заговорит?

Кленовый лист

Раздам с утра: кленовый шум – дождю
и ветру – облетающие листья,
а небесам – полей осенних мысли,
озёр задумчивую дымку – октябрю.
Прислушаюсь, как капает вода,
стекающая струйками созвучий
в сосуд янтарный осени певучей,
хранящей тайну времени – года.

Медлительно кружение листа
в тягучем воздухе – настое мёда с мятой.
В нём всё, что зримо, пламенем объято,
и светится в прожилках высота...
Впишу в него душою слова суть,
как губ слиянье – жаркий отзвук строчек...
Пусть снег и дождь... Но солнечный комочек
останется зимой гореть в лесу.

Мысль и слово

Величественна простота
слиянием строки и света,
когда срывается с листа
мятежная душа поэта...
Душа, способная творить
и чудотворить кистью словно,
чтоб над холстом листа парить
могли бессмертно мысль и слово!

Муза

Когда мгновение дрожит
подобно капле росной влаги
и капает на лист бумаги
и в нём Поэзию вершит,
то ощущаешь, как трава
растёт под хмелем майской ночи,
где гроздь звёздных
многоточий
таит загадочно листва...

Как хочется продлить в строке
созвучия озёрных всплесков
за лунной тканью перелесков
на серебрящейся тропе.
Веками в пламени росы
душа небес брала начало,
а Муза дерзкая писала
нерукотворные холсты...

Аригато

Атака была отбита. Уцелевшие в бою бойцы стрелковой роты старшего лейтенанта Красильникова устало сидели на дне разбитых миномётным огнём окопов. Страшно хотелось пить, но фляжки с водой ещё утром были распределены между расчётом станкового пулемёта и военфельдшером Ваней Еремеевым, который за песчаным барханом в воронке от авиационной бомбы оборудовал свой «медицинский пункт». Здесь, под навесом, сделанным из куска брезента, лежали раненые. Вот уже неделю, как рота Красильникова в составе сводного отряда красноармейцев их 57-го отдельного корпуса РККА и монгольских пограничников удерживала плацдарм на восточном берегу реки Халхин-Гол, сражаясь с вторгшимися на территорию Монгольской Народной Республики японскими войсками.

Обработав раненых, Еремеев обнаружил, что запасов воды нет, а времени только три часа дня. До ночи её подвоз, как и эвакуация раненых, были невозможны. В пустынно-степной зоне, где происходили боевые действия, японские лётчики безнаказанно гонялись за отдельными машинами и людьми. Единственным способом пополнить запасы воды был сбор фляг у японских солдат, погибших в последних трёх атаках. Однако это было делом небезопасным, так как любой, кто покинет окоп, становился мишенью для снайпера.

Оставив за себя санитаря, Иван отправился к ротному. Выслушав его, Красильников горестно вздохнул и пошёл, пригибаясь по окопу, указав рукой следовать за ним. Через некоторое время они увидели бойцов, осторожно выглядывавших из окопов.

– Чего, дурни, головы повысовывали? – спросил ротный.

– Тут такое дело, товарищ старший лейтенант, – произнёс один из них, – плачет там кто-то.

Павел Николаевич Савилов – родился 23 сентября 1963 г. в г. Котовске Тамбовской области. Выпускник Воронежского государственного медицинского института им. Н.Н. Бурденко (1986). Сельский врач анестезиолог-реаниматолог ТОГБУЗ «Тамбовская ЦРБ». Доктор медицинских наук. Профессор. Член Российского Союза Писателей. Автор поэтических сборников «Ветер странствий», «Властелины неба», «По дорогам памяти», «Живопись, ожившая в стихах», историко-поэтического сборника «В бескрайних монгольских просторах». Публиковался в газетах: «Российский писатель», «Медицинская газета», «Тамбовская жизнь», «Притамбовье». В альманахах: «Губернский стиль» (Воронеж), «Литературный Тамбов», «Радуга» (Тамбов), «Чешская звезда» (Карловы Вары).

Живёт в Москве.

Пока раненые стонали, вроде бы и неслышно было, а как перестали, так услышали плач.

Ротный с недоверием высунул голову из-за бруствера и, внимательно осмотрев поле боя, повернулся к бойцам.

– Тунгусов, – обратился он к одному из солдат, – у раненых кончается вода, надо обползти убитых самураев и собрать у них фляжки с водой. Мы прикроем. Заодно посмотришь, кто там плачет. Винтовку оставь, возьми мой наган. Будь осторожен. Самураи даже раненые очень коварны.

Затянув ремень каски, Тунгусов змеей выполз из окопа и, прижимаясь к раскалённому на солнце песку, двинулся вперёд. Многочисленные воронки от мин, снарядов и авиабомб облегчали его перемещение от одного убитого к другому. Вот он исчез в одной из воронок, оттуда затем долетел хлопок, заставивший ротного напрячься. Но вот фигурка солдата, вынырнув из воронки, снова поползла между лежащих в беспорядке тел. Через час Тунгусов был у своих в окопе, держа в руке связку фляжек с драгоценным содержимым.

– Чего так мало? – спросил ротный.

– Зато, все полные, товарищ старший лейтенант, – ответил солдат. – «Покойнички», видимо, перед атакой прикладывались, у всех либо половина воды, либо и того меньше. Вот и пришлось сливать из нескольких в одну.

– А в кого ты стрелял? – задал вопрос Красильников, принимая свой наган у бойца.

– Да там офицер ихний. Думал, что убит, а он, раненный, притворился убитым, когда я в воронку сполз. Стал его переворачивать, так он в меня и вцепился. Ну и пришлось упокоить самурая.

– А плакал-то кто? – не удержавшись, спросил Еремеев.

– Да в двух метрах от подбитого танка в воронке подстреленный японец лежит. Совсем мальчишка. Хотел пристрелить, чтобы не мучился, да не смог. Как увидел его взгляд, не смог. Я никогда не думал, что можно плакать без слёз. Хотел его напоить водой, так он зубы сжал, видимо решил, что я его отравить хочу. Но свою из моих рук всю осушил, а я дальше пополз трофеи водяные собирать.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите мне этого раненого к нам доставить, – обратился Еремеев к ротному.

Тот удивлённо посмотрел на Ивана и, покачав головой, спросил:

– Ты, случайно, не перегрелся на солнце? А, может, нам сюда всех остальных раненых самураев перетаскать?

Но тут вмешался в разговор Тунгусов.

– Да кроме него там больше никого в живых на такой жаре не осталось. Я сам понять не могу, как в нём ещё жизнь теплится. Хоть и враг, а жалко.

– Что же ты его с собой не притащил, коли такой добрый, – вмешался в разговор напарник Тунгусова по окопу.

– Так, что же мне фляжки бросить и японца сюда тащить. У меня приказ был воду доставить, а не пленного, – оправдывался Тунгусов.

– Товарищ старший лейтенант, – Еремеев вновь обратился к ротному, – разрешите мне оказать помощь раненому.

– Можно я с фельдшером пойду, – поддержал Еремеева Тунгусов. – Юнец того и гляди погибнет. Мы всё-таки русские, а не самураи, которые санитарные машины с воздуха расстреливают.

Красильников задумался. Как кадровый офицер он прекрасно понимал, что такое быть раненым на поле боя и остаться без оказания медицинской

помощи. Но рисковать жизнью фельдшера, единственного в роте человека, способного оказать квалифицированную медицинскую помощь его солдатам, он не мог. Тем более, что нештатное присутствие Еремеева в роте он считал для себя большой удачей, особенно после того, как увидел работу того в бою. С другой стороны, он не мог отказать в медицинской помощи раненому врагу. Послать бы с Тунгусовым ротного санитаря, да того «зацепило» при отражении последней атаки. Двоих солдат посылать за раненым тоже рискованно.

– Так где, ты говоришь, лежит раненый? – спросил ротный Тунгусова, выглядывая из окопа.

Тот, указав на подбитый японский танк, ответил:

– Аккурат напротив его пушки.

До этого места, напрямую, было метров двести, по возвышенной части песчаного бархана, исключая всякую скрытность передвижения от противника. Если в обход, скрываясь за лежащими телами убитых японских солдат и песчаными буграми, то путь увеличивался в три раза. Красильников подозвал Еремеева.

– Поползёшь один. Если японцы проморгали Тунгусова, шансов, что они не заметят тебя, больше, чем для вас двоих. Да, возьми воду для раненого.

Прикрепив сзади на ремне две фляжки с водой, Иван пополз к тому месту, где, со слов Тунгусова, лежал раненый японский солдат.

Сухие, потрескавшиеся губы на бледно-жёлтом лице, чёрные глаза, где умирал луч надежды – вот что увидел Иван, когда, обогнув сгоревший танк, приблизился к воронке, где находился раненый японский пехотинец. Винтовка с примкнутым плоским штыком, лежащая с ним рядом, только подчёркивала нелепость присутствия этого орудия смерти с телом, в котором ещё теплилась жизнь. Показав раненому выцветший красный крест на своей медицинской сумке, он отстегнул одну из фляжек с водой и поднёс её к губам солдата. Тот вначале губы плотно сжал, но как только капли живительной влаги коснулись их, губы жадно обхватили горлышко фляги, и тёплая вода полилась в измождённое жарой и ранами тело. Осмотрев солдата, Егоров обнаружил, что у него были перебиты обе голени и правая рука, но, судя по пятнам крови на одежде, крупные сосуды оказались неповреждёнными. Это продлевало японцу жизнь в условиях жары.

Начав перевязку, Иван почувствовал на себе чей-то взгляд и, повернув голову, увидел глаза раненого. Однако в них не было страха, наоборот, они больше походили на глаза человека, смотрящего на тех, в отношении кого он поступил плохо, но вместо отмщения они помогают ему в его беде. Еремеев улыбнулся, кивнув головой, заметил, как пересохшие губы японца дёрнулись, стараясь превратиться в подобие улыбки.

Окончив перевязку, Еремеев стал размышлять, как тащить японца к себе. В школе военных фельдшеров их учили нескольким способам транспортировки раненых ползком. Однако характер поражения у этого солдата исключал возможность использовать то, чему учили. Вытащив из-за пазухи заранее приготовленный моток верёвки, Еремеев внимательно посмотрел на японца. Это был маленького роста, щуплый юнец. Большие армейские ботинки и топорщившаяся из-за большего размера в разные стороны военная форма делали его больше похожим на подростка в форме отца, нежели на солдата.

«Прямо, как Михеич», – подумал Иван, сразу представив себе своего соседа, старого рыбака, который учил его, одесского мальчишку, вязать морские узлы, чинить сети, в надежде на то, что тот, когда вырастет, продолжит

его дело. Тут его взгляд упал на поясной ремень раненого с закрепленными на нём патронными сумками, дававшими возможность удерживать прикреплённую к ремню верёвку в одном месте. Отметив мысленно это, Иван понял, что нужно делать. Разрезав верёвку на две части, он закрепил концы одной из них по бокам поясного ремня раненого, после чего, повернув того на бок в сторону здоровой руки, стал плести за его спиной подобие сетки. Закончив самодельную волокушу, Иван повернул японца на спину, тот слегка застонал. Отцепив вторую флягу с водой, Еремеев поднёс её к губам раненого, тот жадно обхватил её губами, но, сделав несколько глотков, заматал головой.

– Ты чего? – недоумённо посмотрев на него, спросил Еремеев.

В ответ на это японец поднял здоровую руку и знаками показал, чтобы Иван выпил сам.

– Гляди-ка, – подумал Иван, – ожил парень.

Сделав несколько глотков и плотно закрыв фляжку, он засунул её за пазуху, выполз из окопа и, крепко взяв верёвку, потащил раненого из воронки.

Горячий песок скрипел на губах, липкий солёный пот разъедал глаза, но Еремеев упрямо тащил раненого японского солдата. Стараясь экономить силы, он избегал воронки, невольно прижимаясь к начавшим разлагаться телам погибших самураев. Заметив движение, японцы открыли огонь, на который немедленно ответили бойцы роты Красильникова. Однако Еремеев этого не слышал. От жары казалось, голова раскалывалась пополам, в ушах шумело море, а перед глазами то и дело появлялись красные круги. То, что противник их обнаружил, он понял, увидев фонтанчики пыли, которые стали возникать на пути его движения. Однако в его голове, словно на испорченной пластинке, крутилась одна и та же фраза: «Только бы не попали». Вдруг красные круги перед глазами исчезли, и он увидел перед собой море, его родное Чёрное море, которое так манило в свои прохладные воды. Скорее, скорее туда! Из последних сил Иван сделал рывок вперёд и провалился в темноту.

Он очнулся оттого, что на его голову лилась холодная вода. Еремеев открыл глаза и увидел склонившегося над ним красноармейца. В ушах ещё стоял звон, но голова не болела. Стараясь понять, что с ним случилось, Иван вдруг вспомнил, что тащил раненого японца и по ним стреляли. Но рядом с ним никто не лежал.

«Неужели не донёс?» – промелькнуло в голове. От этой мысли Иван встрепенулся и, пытаясь подняться, выдавил:

– Где раненый?

Не волнуйтесь, товарищ сержант, – ответил боец, – живой он. В вашем лазарете лежит, а вас комроты приказал к реке нести и охлаждать.

Услышав это, Еремеев приподнялся и увидел, как в нескольких метрах от него плескался Халхин-Гол в отсветах красно-зелёного монгольского заката.

– Когда вы рванулись вперёд и замерли, мы решили, что вас зацепило. Тунгусов с ребятами давай к вам. Притащили обоих. Японец смотрит на нас, лопочет что-то и на вас показывает, а вы без сознания, дышите тяжело и горячий как утюг, – красноармеец продолжал рассказ, не переставая брызгать на лицо Ивана речной водой из брезентового ведра.

Почувствовав через некоторое время, что может идти, Еремеев встал и в сопровождении красноармейца направился в свой медпункт. Подойдя к нему, Иван увидел стоящую рядом с воронкой санитарную машину. Начинаясь отправка в тыл раненых красноармейцев. Обрадовавшись его приходу, санитар, указав на одного из раненых, промолвил: «Ваш крестник, товарищ сержант».

Иван подошёл к нему, но в темноте было трудно разглядеть лицо солдата и оценить его состояние. Но когда он заговорил с санитаром, то раненый схватил крепко его руку и стал говорить непонятные русскому слуху гортанные слова, среди которых отчётливо различалось только одно слово: «аригато». Не зная, что по-японски это означает спасибо, Еремеев почувствовал, как что-то тёплое шевельнулось у него в груди. Он старался разглядеть лицо раненого японца, крепко держащего его за руку, но опустившаяся на землю монгольская ночь не давала ему это сделать. И слушая непонятную речь, он не видел, как по лицу спасённого им японского солдата текли скупые мужские слёзы, слёзы человека, попавшего в объятия смерти, но которому судьба подарила жизнь.

ПОЭЗИЯ

Анатолий УВАРОВ

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмино Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью, Большой серебряной медалью Гумилёва, медалями Ивана Бунина, «А.П. Чехов 1860-1904» и многими другими правительственными и ведомственными наградами. Автор книг стихов и прозы: «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы-вехи» (2011), «Село Кезьмино. Книга памяти» (2011), «Шифровальщик» (2013, 2014).

Живёт в Москве.

Горы

Заметки поэта (из тетрадей разных лет)

В твоей я власти – Высокогорье, Высокоосчастье!

Галина Черноголовина

Горы – моя особая любовь и радость. Всё моё детство и ранняя юность были неразрывно связаны с кезьминскими горами – отрогами правобережной Приволжской возвышенности, окружавшей со всех сторон моё родное село Кезьмино. Правда, кезьминские горы были не столь высокими и мощными, как горы, которые мне посчастливилось видеть позже, бывая в разных местах Советского Союза и за рубежом. Но именно сначала кезьминские, а уж потом Кавказские, Копетдагские, Памирские, Тянь-Шаньские, Альпийские и Карпатские горы оставили в моём сердце неизгладимый след восхищения и благоговения от их красоты и непревзойдённой природной величавости.

Особенно мне полюбились освещённые ярким южным солнцем горделивые, блистающие своими снежными вершинами Тянь-Шаньские горы! Судьба подарила мне возможность целых семь лет жить в Алма-Ате и тесно соприкоснуться и с этим удивительным городом, и с возвышающимся над ним величественным Заилийским нагорьем:

Кусочек счастья

Как на встречу с верным другом
Прихожу к своим кумирам,
Что гранитным полукругом
Возвышаются над миром.

Их утёсам тёмно-синим
Приношу свои приветы,
Чтобы встретить вместе с ними
Золотистые рассветы,

Чтобы гордой высотой
Диких скал полюбоваться,
Чтобы горной чистотой
Полной грудью надышаться,

Чтобы громом водопада
Быть приятно оглушённым,
Охватить быстрину взглядом –
Благодарным и влюблённым,

Чтоб над бездною ущелья
Вольной птицею подняться,
Под могучей, стройной елью
С Берендеем повстречаться,

Чтоб хмельную чашу сласти
Выпить здесь, не в ресторане,
И поймать кусочек счастья,
Растворённого в тумане...

Проступами ностальгии к Заилийским горам близ Алма-Аты подвержен не только я. Я знал и знаю немало людей, «страдающих» этой благородной болезнью. Одним таким человеком является Галина Васильевна Черноголовина – моя сватья, поэт, прозаик и жившая длительное время в Алма-Ате. Её два стихотворения подтверждают это:

Алма-Ата

Представь, мой друг: Алма-Ата,
Весенних улиц суэта,
А выше – снег и яблонь цвет,
Но нас там нет,
Но нас там нет.

Вечерний шелест тополей,
Арыков плеск в тиши аллеи,
Вершин уснувших лунный свет,
А нас там нет,
А нас там нет.

Поют до утренней звезды
Алма-атинские дрозды,
И свеж по-прежнему рассвет,
Хоть нас там нет,
Хоть нас там нет.

Потоком горным дни неслись –
Вдруг позади осталась жизнь.
Так в чём же был её секрет?
Того уж нет,
Того уж нет.

Ещё не раз услышишь ты
Прощальный зов Алма-Аты.
Пробьётся он сквозь толщу лет...
Ах, нас там нет,
Ах, нас там нет...

Воспоминанье

Когда мне станет весь мир укором,
Душа устанет – уеду в горы.

Туда, где стройно шагают ели
По снежным склонам через ущелья.

Услышу снова – гремят потоки,
Не здесь ли слова искать истоки?

Колючий воздух мне грудь пронижет –
И станут звёзды родней и ближе.

С судьбой не споря, в твоей я власти –
Высокогорье,
Высокоосчастье!

Но горы могут быть опасными. Их природная мощь иногда приносит нам разочарование, беду и скорбь от гибели людей и разрушения их местобитания... Мне в своей жизни дважды пришлось видеть их слепую и необузданную силу и участвовать в ликвидации жутких и безжалостных последствий от горных селевых потоков: в 1963 году (иссыкский сель) и в 1973 году (алма-атинский сель), когда я служил в Среднеазиатском военном округе. О последнем селе – грязекаменном потоке на реке Малая Алмаатинка, текущей с Заилийских гор через Алма-Ату, я написал стихотворение:

Сель

Жаркий, приторный июль
Опустил на землю крылья,
Даже грозный Иссык-Куль
Затих от бессилья.

Не сверкают пики гор
Снежной белизною,
Заилийский весь простор
Нестерпимо знойный...

Потемнели ледники –
Тают всю неделю,
Заполняют сток реки
Алматинки селем.

Сель, сползая с высоты,
Глыбами грохочет –
На простор Алма-Аты
Вывалиться хочет...

Но искусственным заслоном
Селевой лавине
Между двух соседних склонов
Высится плотина:

Возведённая сверхвзрывом,
Гением учёных,
Путь плотина перекрыла
Чёрному дракону...

Не смолкая катит вал
Каменную грудю,
Но с разбега сель попал
В крепкую запруду.

Разъярённый Туюк-Су¹
Селю шлёт подмогу
И грозит: «Водой снесу
Плотину с дороги!»

Сель бушует у плотины
Целую неделю –
Затопляет своей тиною
Голубые ели.

¹ Туюк-Су – ледник

Вот уже его поток
Не вмещают трубы –
Закупорен водосток
Каменистой грудой.

Сель сильнее плотину бьёт,
Ищет в ней прореху,
Подмывает, рушит, рвёт
И стремится кверху...

Город серною пугливой
Смотрит на вершины
И волнуется за слив
Воды у плотины,

Вспоминает двадцать первый
Год селеносящий,
Напрягает свои нервы,
Ждёт беды грозящей...

По извилистой дороге –
Горным серпантинам,
Разбужённые тревогой,
Двинулись машины.

Тяжело наверх ползут
КРАЗЫ и УРАЛЫ,
И ковши уже грызут
Вековые скалы:

В три ряда ложатся тут
Трубы-водосбросы,
Воду в трубы подают
Мощные насосы...

И везде, смиряя бег
Селя под хребтами,
Всё, что можно, человек
Делает руками.

Крут подъём здесь, и высок
У плотины гребень,
Но несут туда песок,
Цемент, брёвна, щебень...

Беспокойный, скорбный вид
Всюду у плотины:
Всё здесь движется, гудит,
Выпачкано в глине.

Перестал быть, к сожаленью,
Горный край Эдемом –
Настоящее сражение
Идёт у Медео...

Заработал водосброс,
Сбит Дракона нором!
И плотина, как утёс,
Защитила город!

Однако, ни опасность, ни коварство, ни вредоносные сели не вытеснили из моего сердца любовь к горам и восхищение ими:

Кавказские горы

Край зелени и гор!
Восторга полон был мой взор,
Когда под высью голубой
Я повстречался вдруг с тобой.

Своею дикою красой
И неприступной высотой
Моё ты сердце покорил
И навсегда его пленил.

Эльбрус

Эльбрус – красавец двоеглавый,
Овеянный легендами и славой,
Я в сердце уношу тебя,
Благоговевя и любя.

Подаренные дни судьбою,
И проведённые с тобою,
Я буду долго вспоминать
И тайно новой встречи ждать
С Кавказом – чудною страной!

На Машуке

Какие виды подарила
Сегодня мне гора Машук!
Она меня заморозила
Своими далями вокруг.

Я над землёю словно птица,
Расправив крылья, гордо мчусь
Навстречу югу, где искрится
В лучах предутренних Эльбрус.

А справа, вечности достоин,
Закрыв ползапада собой,
Бештау – «легендарный воин» –
Упёрся в небо головой.

В долине – город белоснежный,
Дворцы здоровья там и тут...
Когда-то здесь поэт мятежный
Нашёл в изгнании приют.

И, может быть, на этом месте,
Где я, взволнованный, стою,
Поэт – друг вольности и чести –
Мечту вынашивал свою.

Отсюда взор его стремился
Проникнуть в сказочную даль,
Здесь он по родине томился,
Познал и радость, и печаль.

И здесь, на склонах величавых,
Ему назначено судьбой
От злопыхателей неправых
Принять последний, смертный бой.

Необозримые просторы!
Как рад я снова видеть вас:
Леса, долины, реки, горы –
Тебя, мой Северный Кавказ!

Карпаты

Между гор, в долинах чудных,
Речка Стрый, звеня, бежит,
В её водах изумрудных,
Отражаясь, лес дрожит.

А по склонам, словно вата,
Расползается туман...
Ой, вы горы, ой Карпаты,
Мой привет сердечный вам!

И налево, и направо,
Куда взор ты свой ни кинь,
Горы, горы – величаво
Подпирают неба синь.

В редколесье, по полянам,
По оврагам, по лугам
Всюду копны с сеном пряным –
Сёстры младшие стогам.

Запах хвои, мёда, мяты
И парного молока
Так и льётся по Карпатам,
Кружит голову слегка.

В синем небе, над долиной,
Высоко парит орёл..
Не видал такой картины
Я красивей до сих пор!

Кезьминские горы

Уж много лет прошло с тех пор,
Как я не видел милых гор...

Но вот опять передо мной
Холмы их в дымке голубой:

И бело-меловые лбы,
И круч отвесные столбы,

И речка Красная Якла,
И виды Кезьмина – села,

И взгорье, где растёт ковыль,
И вихревая в поле пыль,

И мой любимый луг – «Лопата»,
Где часто я бывал когда-то...

Родная, отчая земля,
Я снова увидал тебя!

И в первый раз, за много лет,
В моей душе томленья нет.

На Никольской горе

Я с друзьями стою на Никольской горе,
Перед нами – Сура и родное Присурье,
Солнце – яркое, в летней поре,
Льётся мощной волшебной лазурью.

Здравствуй Родина! Здравствуй Сура!
Как давно не встречался я с вами,
Но пришла долгожданная эта пора –
Я вас снова целую глазами!

На душе хорошо: и светло, и легко,
Нет томительной прежней печали,
Для неё, как в кино, широко-широко
Распахнулись лесистые дали...

Это Сурские отчие чудо-края
Меня доброй улыбкой своею встречают,
И такую же доброй улыбкою я
Им, с поклоном, любя, отвечаю.

Радость жизни

У каждого человека своё понимание радостей жизни. Одни их находят во власти, другие – в физическом труде, третьи – в размышлениях. Большая часть людей получает радость от самых обычных ощущений вкуса, запаха. Кто-то ждёт весну, чтобы прикоснуться к тёплой весенней земле, увидеть всходы своего будущего урожая. Кто-то мечтает пробежаться босиком по росе, искупаться в реке.

А я, кроме всего прочего, люблю лес. Он меня радует, восхищает, успокаивает, лечит. Лес в любое время года привлекает моё внимание своей молчаливостью, таинственностью, свежестью воздуха, несмолкаемым гомоном разнообразных птиц, особенно, весенне-летними соловьиными трелями. Меня постоянно манят красоты леса, необыкновенные его ароматы и страсть искания лесных «кладов».

Наиболее яркие впечатления лес оставляет в первые месяцы весны, когда он просыпается, обновляя краски, появляются первые свежие чистые листочки, наполняя лес ароматом новых запахов, слышатся всё новые и новые голоса птиц, радуя слух своим пением, и приподнимает наше настроение. Каждая весна для меня – приятное ожидание этих лучших месяцев года. Первые посещения весеннего леса я делаю каждый год в апреле, когда солнце дарит земле свои тёплые лучи. Не успеет с пригорков сойти снег, как на обласканной лучами земле в лесу появляется первая травка. Ветки кустов и деревьев начинают менять свой цвет. Ольхи становятся серебристыми, осины – сочно-зелёными, даже хмурые ели, застывшие в тёмно-зелёных бархатных шубах, более нежными. А ещё в мае птицы наперебой горланят гимн цветению и весне. В этом многоголосом гомоне птиц слышатся, словно азбука Морзе, перестукивания дятлов о стволы деревьев, переключки лесных предсказательниц – кукушек, а, нередко, как бы пугающий крик ворона: «К-а-а-рр!»

Практически нет людей, которые были бы равнодушны к пению птиц. И посетителей этого

Василий Фёдорович Кузнецов – родился 8 марта 1935 г. в деревне Елизаветино Староурьевского района Тамбовской области. Полковник в отставке. Ветеран Вооружённых Сил СССР. Награждён орденами «Красной Звезды», «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» и другими правительственными наградами. Член литературного объединения имени Ф. Шкүлёва (г. Видное Московской области). Живёт в Москве.

«концертного зала» становится всё больше и больше. Для большинства горожан и даже многих сельских жителей майский лес – это место для прогулок, пикников и отдыха на природе.

Летом и осенью в лесу можно собирать ягоды и грибы. А что собирать весной? Берёзовый сок? Но его сезон, как правило, заканчивается в апреле. Остаются только цветы...

А лесные поляны и опушки так богаты многообразием цветов, в глазах рябит. Природа расцветает во всей красе. Удивительное зрелище!

Бывая на этих полянах, я часто вспоминаю слова моего друга, поэта и любителя природы Анатолия Васильевича Уварова, сказанные давным-давно его дедом Иваном Агафоновичем Устиновым, полуграмотным сельским жителем. Любуясь цветами, он говорил: «Ах, какой красивый цветок! Мне бы быть таким!» И добавлял: «Каждый цветок должен украшать ту землю, на которой он родился!» Как ёмко, красочно и с какой любовью сказаны эти слова. Как говорится: «Тут и добавить нечего».

Но как только берёзы перестают плакать весенними слезами, на лесных полянах и солнечных опушках сквозь толщу прошлогодней листвы начинают пробиваться первые грибы – сморчки и строчки. И хотя они считаются условно-съедобными, но появление их несказанно радует всех любителей «тихой охоты». Ведь побродить по свежему полупрозрачному лесу – сплошное удовольствие. Это увлечение не требует ни особой экипировки, ни материальных затрат. Оно легко излечивает плохое настроение, пробуждая в человеке охотничий азарт и почти детский восторг и ликование. Собирать грибы – такое эстетическое наслаждение. Забываешь обо всём и полностью погружаешься в процесс поиска.

Наибольшее проявление этих чувств происходит с наступлением лета, когда оно щедро делится дарами леса, созревают первые лесные ягоды, появляются различные съедобные грибы: боровики, лисички, подберёзовики, подосиновики, маслята, сыроежки...

Это даже звучит вкусно! Они требуют уважительного к себе отношения – без поклонов на общение не пойдут.

И всё это нам дарит лето. Для меня лето без походов в лес – это потерянное лето. В это время года я как бы греюсь одной простой мыслью: пусть в этом году лето будет подлиннее.

Но и наступление ранней осени я жду как подарок. Сколько радости может доставить поход в осенний лес. Потому что только осенью бывает сказочный золотой листопад и пронзительно свежий воздух.

Самый красивый месяц осени – сентябрь. Природа на глазах меняется. В разноцветный наряд одевается лес, и царит неповторимая тихая торжественная прелесть. Становится заметно отсутствие птичьих голосов. Разве только синица негромко свиснет. Если же подует ветер, лес обрушит на нас водопад золотисто-багряных листьев. Они пёстрым мягким ковром устилают почву и радуют глаз своим разноцветьем.

Лес не только одаривает нас своими богатствами, но и лечит. Недаром говорят: «Для любого народа лучший врач – природа». И ещё: «Природа – лучший лекарь: принимает всех круглосуточно и без выходных».

Замечено, что у человека, попавшего в лес, частота пульса уменьшается примерно на двадцать ударов в минуту, его дыхание и нервы успокаиваются, а проблемы отступают на задний план.

Леса – это лёгкие нашей планеты. Установлено, что одно дерево производит за год семьсот литров кислорода. Этим кислородом могла бы дышать целый год полной грудью семья из трёх человек.

А некоторые грибники, особенно женщины, ходят по грибы с целью – похудеть. Ведь пока собираешь эти лесные дары, сколько с себя лишних кило сбросишь! Где ещё так поприседаешь и столько понаклоняешься? После леса и мышцы в тонусе, и глаза блестят, и кожа разглаживается!

Люблю я лес. Моя любовь к нему неизбывна и даже болезненна: я не способен уставать от блуждания по нему и на выходе всегда готов повернуть обратно.

Много я на свете видел разных земель, и своих и чужих, но краше нашей среднерусской природы не видел.

Зная мою увлечённость и любовь к природе, к лесу, мой друг Анатолий Уваров посвятил мне своё стихотворение «В подмосковном лесу». Таким он увидел лес моими глазами:

*В сентябре я ухожу
В подмосковный лес,
Там утешенье нахожу
И множество чудес:*

*Вот разрумянившийся клён
В одежде золотой,
Я восхищён им и пленён
Багряной красотой.*

*Вот вековая сосна,
К которой я стремлюсь:
Мне душу радует она,
Когда с ней обнимусь.*

*Вот изумрудная берёзка,
Она меняет цвет
На золотой, в полоску,
Красивей её нет.*

*Вот красногрудая калина
Маячит у ручья,
На взгорье – красная рябина,
Любуюсь ими я.*

*Вот на поваленной берёзе
Растёт семья опять,
Лисички в горделивой позе –
Все в кузовок хотят...*

*Там, под охраню небесной, –
Тишина, покой...
Подмосковный лес чудесный –
Для меня родной!*

Про лес, про его калину, рябину, дубы и берёзы столько стихов и песен сложено! Читая или слушая их, магнитом тянет снова в лес, а в этом, по моему мнению, и есть радость жизни.

Хайдар-ака

*Светлой памяти виноградаря, винодела,
энолога и эотерапевта, участника
Великой Отечественной войны
Хайдара Юсупова из Узбекистана*

На одном из приёмов в Посольстве Узбекистана в Москве я тоже поднял руку и попросил слова. Я рассказал о том суровом времени, когда и Россия, и Узбекистан, и другие республики в составе Советского Союза проверялись на прочность страшным, человеконенавистническим врагом – фашизмом и гитлеризмом. Сказал, что считаю Узбекистан своей второй родиной, потому что меня привезли в Ташкент в трёхлетнем возрасте,

Хайдар Юсупов

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем II Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

когда началась Великая Отечественная война и мы жили в эвакуации три года: с 1941 по 1943.

Отец мой, Поляков Евгений Владимирович, сначала инженер-строитель, а затем научный работник в области строительства, был участником освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии, воевал он и на финской войне. После её окончания отцу предложили работу в Гипроавиапроме – государственном институте проектирования авиационной промышленности. Ровно через две недели после поступления на работу отцу сообщили, что в случае начала любых военных действий Гипроавиапром забронировал его как опытного инженерно-технического работника за своим ведомством.

В июне 1941 года немцы напали на СССР, началась Великая Отечественная война. И вот в октябре 1941 года нас эвакуировали из Москвы в Самару (тогда город Куйбышев), ещё через некоторое время – по Волге в Саратов, а когда фронт стремительно приблизился к Дону и Волге, и немцы начали Саратов бомбить, чтобы перерезать проложенный по дну Волги нефтепровод Баку-Саратов и вывести из строя Саратовский нефтеперерабатывающий завод, нас посадили в эшелон, и двадцать одни сутки мы тряслись на юго-восток, бесконечно останавливаясь и пропуская эшелоны, шедшие из глубины России на фронт. А ближе к концу путешествия, примерно суток пять, по страшной жаре паровоз тянул нас по Голодной степи. Поскольку ехали медленно, отчётливо успели рассмотреть сожжённую солнцем растрескавшуюся большими кусками красно-буро-коричневую землю, а над ней яркое голубое небо без единого облачка.

Эшелон, в котором мы выехали из Саратова, однажды угодил под бомбёжку. К счастью, немецкий лётчик многократно промахнулся, хотя взрывы гремели совсем рядом с нашим поездом.

В конце концов наш эшелон прибыл в Ташкент, куда он привёз станки для выпуска самолётов. Их сгрузили, и тут же инженеры и рабочие наладили круглосуточное производство под открытым небом. Так в Ташкенте возник авиационный завод, на котором выпускали истребители конструкции Яковлева – знаменитые Яки.

А семьи повезли в город Янгиюль, где нас и разместили в местной школе по классам. В нашем классе, разгороженном одеялами, жили сразу 4 семьи, причём в каждой были маленькие дети. Началась полоса болезней: в одном закутке дети болели корью, в другом – коклюшем, в третьем – брюшным тифом, в четвёртом – пневмонией.

Отец в понедельник в шесть утра уезжал в Ташкент на работу, а возвращался в субботу к одиннадцати ночи.

Первые месяцы жизни, конечно, были трудными. А потом недалеко от нашего прежнего места жительства, на территории склада удобрений, мама нашла одинокую сторожку, в которой когда-то оставались на ночёвку шофёры, приезжавшие за этими химикатами из дальних мест. Там мы поселились всей нашей семьёй – папа, Евгений Владимирович, мама, Надежда Васильевна, мой старший брат Владимир пяти лет и я – трёхлетний.

Вскоре мы ощутили заботу, внимание и гостеприимство узбеков, нам выделили огород, разрешили подключиться к системе арычного водополива. Помню, что огород принёс нам хороший урожай замечательных среднеазиатских помидоров и многих-многих початков кукурузы.

Потом для детей сотрудников Гипроавиапрома открыли детский сад, куда ходили мы с братом. А мама работала там бухгалтером. В конце каждого месяца

мама составляла отчёт. В один из месяцев у неё почему-то не сошёлся баланс: израсходованных средств было на одну копейку больше, чем отпущенных по ведомостям продуктов. Три дня и три ночи при подслеповатой коптилочке с жёстким соблюдением наружной светомаскировки в той самой сторожке мама искала эту куда-то запропастившуюся копейку – и нашла, всё-таки нашла!

Самым главным итогом этого периода было не только перемещение промышленности в глубокий тыл на восток и на юг. Была проявлена забота и о семьях, о людях. За весь период жизни в Узбекистане мы ни разу не столкнулись с таким страшным явлением, как голод...

Кроме того, – подчеркнул я в своем выступлении, – и русские, и узбеки, и люди других национальностей, например, казахи, едино и дружно выступили против общего врага и внесли свой вклад даже в разгром немцев под Москвой – в эту первую победу над наглым и, казалось, непобедимым врагом, поработившим уже почти всю Европу.

Мне бы очень хотелось, – закончил я, – чтобы новые поколения, которые вырастут в Узбекистане и в России, помнили о трудных испытаниях тех лет и свято хранили искреннюю дружбу русского и узбекского народов.

Мне аплодировал весь зал – дружно и продолжительно. Не скрою: мне было радостно, что я сумел сказать самое главное, и приятно, что зал очень эмоционально воспринял и поддержал мои мысли.

Я сел за столик, кто-то заботливо заранее налил в мой бокал вина. Ко мне с одобрением потянулись бокалы в руках моих соседей. Бокалы красиво зазвенели. Мы выпили.

Напротив меня сидел среднего роста худощавый узбек и очень внимательно меня рассматривал. Его большие красивые глаза притягивали добротой, хотя и отражали глубокую печаль много повидавшего человека. Он был худощав, даже сухощав, но строен и бодр. Его ладони выдавали физически много потрудившегося человека, хотя тонкие длинные выразительные пальцы вполне могли принадлежать скрипачу.

Я обратил внимание, с каким благородством он держал на вытянутой руке бокал с вином, любовался его отменным редким цветом, отпивал вино из бокала маленькими глотками, задерживал содержимое во рту и перекачивал его от одной щеки к другой.

Или избалованный частыми посольскими приёмами музыкант, – подумал я, – или подчёркивающий перед всеми остальными свою изысканность дипломат.

– Очень вкусное вино, – честно похвалил я, – надеюсь, что это не французское, не молдавское, да и не московское. Неужели узбекское?

– Да, – сказал мой визави с гордостью. – Это узбекское. Это из того сорта винограда, который растёт и перерабатывается у нас.

Далее последовала очень точная справка о сорте винограда, о географическом месте, где он растёт, о том, какие он содержит благородные вкусовые вещества, микроэлементы, витамины.

Мы разговорились и познакомились.

Так судьба свела меня с почти девяностолетним Хайдаром Салиховичем Юсуповым – кандидатом сельскохозяйственных наук, человеком редчайшей профессии – специалистом по выращиванию винопромышленных сортов винограда, виноделом Республики Узбекистан, энологом.

Хайдар Салихович или, как уважительно и любовно называли его узбеки, Хайдар-ака, оказался очень общительным и разговорчивым человеком,

рассказал мне о своем уникальном жизненном пути. Мы несколько раз встречались в Москве и в Ташкенте. Он так увлечённо рассказывал о винограде, виноделах, винах и коньяках, мыслил высоко, по-государственному. Я знал, что по делам прилечу в Ташкент в конце 2002 года. Недели за две перед отъездом я позвонил в Москве его дочери, возглавлявшей в одном из районов Москвы детскую поликлинику. Весть о смерти Хайдара Салиховича меня ошеломила. Я давно собирался написать о нём статью и с горечью понял, что опоздал. Теперь я уже не могу дотошно расспросить своего старшего друга о каких-то интересных деталях.

После долгих размышлений я понял, что обязан написать о Хайдаре Салиховиче. Итак, слово о Юсупове, – в той последовательности, с какою случались в его длинной жизни события.

Первый крик новорожденного раздался 10 мая 1910 года в городе Бухаре. Юсупов родился в семье Салиха – малограмотного самоучки, приказчика, служившего у разных мелких торговцев. Кроме того, его отец выращивал виноград. С детских лет и на всю жизнь Хайдар запомнил вкус таких неповторимых местных сортов, как Бишты, Шакар-Ангур, Розовый тайфи, Чарас, Султани, Сояки, Чёрный кишмиш. Последний сорт отлично растёт на песках, вставая крепкой зелёной преградой барханам пустыни и защищая аулы от песчаных бурь Кызылкума. А какие в Бухаре росли дыни и арбузы, сахарный урюк, инжир! Хайдар-ака так любил народные сладости, приготовляемые из виноградного сока: ялчук, когаз, печак, доналик, обинобод, сабзизи. Местные жители знали толк в них. Как оказалось, кроме отменного вкуса, эти дары природы калорийны и значительно полезней сахара.

С пяти лет отец отдал Хайдара в религиозную школу при медресе города Бухары, где учили основам арабской письменности и мусульманской религии. В этой школе Хайдар учился семь лет, до 1922 года.

Отец Хайдара, Салих, очень хотел, чтобы сын учился и стал «большим человеком». «Богатство – это знание», – часто повторял он детям. Именно от отца Хайдар впервые услышал строки из поэзии Навои, Рудаки, Хафиза, даже Ибн Сино. Этих поэтов он потом с любовью читал и цитировал всю жизнь.

А в 1922 году в Бухаре образовалась Бухарская Народная Республика. Желая помочь в получении образования детям дехкан, бедных ремесленников, рабочих и батраков из Средней Азии, 27 марта 1923 года Совнарком принял Постановление об учреждении в городе Москве по соглашению с Бухарской Народной Республикой «Дома просвещения», присвоив ему наименование «Бухарский дом просвещения», и вменял в обязанность соответствующим организациям оказывать ему всемерное содействие.

Бухарский дом просвещения разместили в доме №17 на Спиридоновке в старинном особняке в стиле модерн, построенном до революции крупным московским фабрикантом Морозовым. В Доме просвещения было три отделения: рабфак, народного просвещения, кино и театрального искусства.

Юсупова направили на обучение в Москву. С ним вместе учились и три сына бывшего эмира Бухары, которых отец оставил в родной стране, а не сделал политэмигрантами в Афганистане, куда он вынужден был отправиться сам. В Москве Хайдар учился три незабываемых года, вплоть до 1926-го, затем возвратился к родителям в Самарканд и до 1929 года обучался в средней школе.

В 1929 году, после завершения девятилетнего среднего образования, Х.С. Юсупов поступил в Ташкентский университет на кафедру виноградарства

и виноделия, которой заведовал профессор Михаил Александрович Ховренко, учёный-химик, винодел, организатор производства вина в Узбекистане, автор капитальных научных исследований по вопросам виноградарства и виноделия. На пятом году обучения Х.С. Юсупова направили в Центральный Таджикистан в составе Таджикской комплексной экспедиции для выявления и изучения сортовых ресурсов винограда в предгорьях Гиссарского хребта.

В то время в Таджикистане было неспокойно. Не все бандитские формирования басмачей были уничтожены или изгнаны в Афганистан. Вооружённые бандиты появлялись внезапно то в одном, то в другом кишлаке, грабили население, истязали и убивали «неверных», выходцев из России и тех, кто сотрудничал с советской властью.

Х.С. Юсупову повезло. В одном из предгорных кишлаков «Сангардак» его согласился приютить у себя как собственного родственника один из местных авторитетных духовников. В дневное время Хайдар носил соответствующую экипировку: чалму, завязанную узлом над левым ухом, с распахнутой грудью белый халат, повязанный цветастым кушаком, на левом боку – кинжал. Чернобровый, с длинными, слегка закрученными усами, он и сам в дневное время походил на басмача. А ночевал он на скотном дворе – на случай внезапного налёта непрошенных гостей так было безопасней.

В итоге в течение года Хайдар успешно завершил сбор материала для своей дипломной работы. После написания её и успешной защиты Х.С. Юсупов стал дипломированным виноградарем-виноделом.

Профессор М.Х. Ховренко, замечательный учёный, возглавлявший в начале века лабораторию виноградарства и виноделия в Ялте, работал затем профессором Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева и главным виноделом винкомбината России «Главвино». Направленный на работу в Узбекистан в 1927 году, Ховренко своей влюблённостью в работу, обширными знаниями, культурой, увлёк и Х.С. Юсупова. И в свои девяносто лет Хайдар-ака с удовольствием вспоминал, как М.А. Ховренко на одной из лекций читал им с трибуны стихи азербайджанского поэта Вазефа М. Шарафа:

*Уменье пить не всем дано,
Уменье пить – искусство.
Тот не умён, кто пьёт вино
Без мысли и без чувства.
Вино несёт и яд, и мёд,
И рабство, и свободу.
Цену вино не знает тот,
Кто пьёт его, как воду.*

И вот такой учёный сделал ему предложение поступать в аспирантуру! Хайдар-ака был очень взволнован, но экзамены сдал успешно.

В 1935 году по программе аспирантуры Х.С. Юсупова направили в Ленинград во Всесоюзный институт растениеводства, которым руководил тогда Николай Иванович Вавилов. Там ему предстояло освоить теоретическую часть своей научно-исследовательской работы по основам селекции и генетики винограда. Через полтора года теоретическая часть программы была завершена, Х.С. Юсупов вернулся в Узбекистан и под руководством профессора М.А. Ховренко продолжил вторую часть программы аспирантуры по теории и практике виноделия. Практическая часть этой работы была

продолжена на винзаводах Самарканда, Ташкента, Душанбе и нескольких винпунктах.

До войны Хайдар-ака не успел защитить кандидатскую диссертацию. В связи с тревожной международной обстановкой СССР провёл мобилизацию офицеров запаса. В их числе Х.С. Юсупов также был призван в армию. После окончания срока призыва демобилизации не последовало. Вероломное нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года перечеркнуло мирную жизнь на долгие годы. Для нашей страны началась долгая, мучительная, принёсшая всем народам страдание и горе Великая Отечественная война.

В октябре 1941 года враг продвинулся почти до Москвы. Надвигающаяся смертельная опасность заставила создать для прикрытия Москвы с запада Центральный фронт. Физически крепкий 30-летний офицер из Средней Азии, знающий иностранные языки, был откомандирован в самое пекло для выполнения разведзаданий. Разведчики народ молчаливый – работа у них такая. А вот, что Х.С. Юсупов честно служил своей Родине в самое тяжкое время испытаний, я знаю совершенно точно.

К 55-й годовщине Победы, 9 мая 2000 года, Х.С. Юсупов получил приветственное письмо:

Дорогой Хайдар Салихович!

Руководство, Совет ветеранов, сотрудники Службы внешней разведки России приветствуют и горячо поздравляют Вас, пламенного патриота Отечества, доблестного солдата великого сражения за Отчизну, заслуженного ветерана, с 55-й годовщиной Победы над фашистской Германией!

На долю нашего народа в Великую Отечественную войну выпало тяжёлое и грозное испытание. Враг был силен, коварен, беспощадно жесток и вооружён до зубов. Победы в сражениях за каждую пядь родной земли одерживались ценою тяжёлых жертв. 1418 бесконечно долгих, трудных, героических дней и ночей войны нашей армии и флота стояли насмерть и выстояли, проявив чудеса храбрости на полях сражений, явив всему миру образцы мужества, доблести и массового героизма.

«С войной покончили вы счёт», бросив в счастливый день достижения вершины бессмертной славы на Параде Победы к подножию Кремля, к ногам своего народа двести знамён с эмблемами фашизма и свастики. Всеобщему ликование не было предела, победное «ура!» прокатилось по всей земле.

Дорогой Хайдар Салихович! Мы числим Вас в сводном полку самоотверженных фронтовиков и ветеранов, ибо Ваше имя неотделимо от Победы и многие годы прочными узами связано со Службой.

Самый дорогой и светлый для нас «Праздник со слезами на глазах» Россия отмечает радостно и гордо. Вы свято выполнили свой воинский долг и прославили наше великое Отечество. Ваш ратный подвиг навеки останется в памяти потомков. Встречайте свой праздник в парадной форме, со знаками доблести и победы!

Крепкого Вам здоровья, мира, счастья и благополучия!

С глубоким уважением, В. Трубников, генерал армии; А. Голубев, генерал-лейтенант.

9 мая 2000 года. Москва, Ясенево

В 1942 году несколько офицеров, в том числе Х.С. Юсупов, были отозваны с фронта вновь в Узбекистан и направлены для участия в оперативных мероприятиях, связанных с переправкой грузов, поступающих через Иран, Ашхабад (Туркмению) и Ташкент (Узбекистан) по различным направлениям на фронт. В 1945 году после окончания Великой Отечественной войны и до 1949 года Х.С. Юсупов был оставлен на сверхсрочную службу в органах госбезопасности по охране узбекско-афганской границы.

Лишь в конце 1949 года Х.С. Юсупов был демобилизован из органов в чине подполковника, начал работать по своей специальности, а в 1950 году был назначен директором Среднеазиатского филиала (с центром в городе Ташкенте) Всесоюзного научно-исследовательского института виноградарства и виноделия «Магарач». Филиалом этого института Х.С. Юсупов руководил 10 лет. Одновременно Хайдар Салихович руководил научными исследованиями глобального характера по изучению и испытанию местных и завезённых сортов винограда. Многолетние исследования позволили Институту дать обоснованную агробиологическую и технологическую характеристику этим сортам винограда, а также научно обоснованное направление их использования на переработку в сухие, крепкие, десертные и игристые вина, а также в коньяки.

За время работы в Институте Х.С. Юсупов неуклонно поднимался на новые ступени учёного-исследователя. В 1953 году он защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата сельскохозяйственных наук. Через некоторое время ему были присвоены учёные звания старшего научного сотрудника, затем доцента.

В 1970 году Х.С. Юсупов был направлен в Афганистан для ведения исследований по виноградарству и субтропическим культурам, в том числе маслинам. Эта работа проводилась им в госхозах Нанграхарской долины, что расположена в Джалалабадской провинции. Под его руководством был заложен питомник с массовым насаждением многих плодовых деревьев и кустов, проводилось испытание их плодов, выделение хозяйственно ценных сортов, а также экспериментальное исследование их пригодности для засолки. Особое внимание было обращено на получение масла из маслин. Получив положительную дегустационную оценку, Х.С. Юсупов активно участвовал в создании экспериментального завода по консервированию маслины и оборудованию в составе завода химико-технологической лаборатории. В это же время под руководством Х.С. Юсупова для работы в этой отрасли в Афганистане были подготовлены местные кадры химиков и технологов, составлены технологические карты по производству ценной пищевой продукции.

В 1974 году Хайдар Салихович вернулся в Ташкент, где (до выхода на пенсию в 1984 году) работал заведующим центральной лабораторией качества вин при «Узплодоовинпроме».

Выход на пенсию не означал для Х.С. Юсупова прекращения трудовой деятельности. Его большой трудовой производственный и жизненный опыт очень пригодился ему в работе в качестве главного методиста по сырьевым зонам и винзаводам – Самаркандского, Бухарского, Шахрисябского, Газалкентского и других. Одновременно он участвовал в создании при них дегустационных залов, обучении специалистов по проведению дегустации, открытию заводских музеев марочных вин.

Хайдар Салихович не прерывал связь с научно-исследовательским институтом «Магарач», в котором состоял в штате в качестве ведущего специалиста первой категории и под руководством которого проводил внедрение

рекомендаций этого института по виноградарству и виноделию по предприятиям Узбекистана.

Научные исследования, производственные секреты и достижения по виноградарству и виноделию Х.С. Юсупов обобщил в семи монографиях (некоторые написаны в соавторстве) и ряде научных статей. Им, например, написан учебник для студентов вузов и техникумов «Промышленные сорта винограда Узбекистана». Издательство Бухоро в 1977 году выпустило в свет интереснейшую книгу «Дары виноградной лозы Узбекистана». Это коллективный труд виноградарей и виноделов республики, но специалисты по праву считают Хайдара Салиховича Юсупова её основным автором и вдохновителем всего авторского коллектива. Кроме того, Хайдар Салихович составил пять сценариев документальных кинофильмов, рассказывающих об уникальных винзаводах республики.

За свой ратный и мирный труд он награждён военными и трудовыми наградами, в том числе Почётной грамотой Верховного Совета Узбекистана, золотой, серебряной и бронзовой медалями Выставки достижений народного хозяйства, двумя золотыми медалями с почётными дипломами Союза виноделов Крыма (одна, в 1999 году – именная медаль графа Льва Сергеевича Голицына, другая – за создание узбекского коньяка «Шодлик»).

Хайдар Салихович всегда был готов поддержать новое, ценное и вместе с тем всячески пытался открыть, найти, сохранить немало народных драгоценных жемчужин – секретов мастерства своих дедов и отцов, которое мы порой так легкомысленно и беспечно теряем в бурном потоке времени.

Он рассказывал, как, работая в Афганистане, однажды в одной лавчонке увидел глиняный кувшин грубого обжига с запечатанным удлинённым горлышком.

– Что в этом кувшине? – спросил он торговца.

– Старинное яство – шинни пирмасти, особый концентрат виноградного сока, который ещё умели делать в начале XX века только в одном из селений под Бухарой. А сюда эти кувшины привозили с собой верблюжьих караваны. Товар всегда очень ценился, был одним из дорогих.

Вернувшись в Узбекистан, Юсупов приложил много сил, чтобы найти это селение. Длительные поиски знаменитого виноградаря и винодела наконец увенчались успехом. В одном из селений в Шафирканском районе он таки разыскал потомков мастеров приготовления этого лакомства. С их слов рецепт приготовления шинни пирмасти был восстановлен.

Хайдар Салихович восхищался вином, любил его, как живое существо, знал о нём буквально всё. Он любил принимать гостей и умел произносить удивительные тосты. В одном из них он коснулся персидской легенды о происхождении вина.

Жил когда-то на свете человек по имени Джамшид, который очень любил виноград. И однажды он приготовил для себя слишком много сока – так много, что не смог его выпить сразу. Было очень жарко. Уже к следующему дню сок забродил. Джамшид утром вздумал допить виноградный сок и сделал несколько глотков. Он сразу же почувствовал себя нехорошо, ему сделалось дурно. Тогда, желая предотвратить беду в своей семье, он на каждом кувшине с недопитым виноградным соком написал слово «ЯД» и это «страшное питьё» спрятал подальше в кладовую.

Прошло некоторое время, и одна из строптивых жён Джамшида впала в немилость. Как она ни пыталась вниманием, лаской, песнями, танцами и откровенным обольщением вернуть расположение мужа и повелителя, ничего у неё не получалось. Страдая от его пренебрежения и долгого отсутствия любви, женщина решилась на крайние меры. Она поняла, что без любви своего обожаемого супруга ей лучше умереть, чем быть опозоренной перед остальными жёнами. Случайно в кладовой она нашла кувшины со словом «ЯД» и быстро отпила несколько глотков. К величайшему её изумлению предсмертных страданий и мук не последовало. Вместо них она почувствовала такое блаженство, что пришла в неопикуемый восторг. Через некоторое время она под большим секретом рассказала обо всём случившемся Джамшиду. Тот поверил жене, выпил несколько глотков «яда», испытал блаженство и великодушно простил несчастную женщину, которая потом стала его самой любимой женой.

Вот так, согласно старинной легенде, через строптивость, страдания и извечное женское любопытство, через мужскую мнительность и высокомерие люди впервые узнали чудодейственную силу любовного напитка, который они впоследствии окрестили вином, уже никогда более не забывая, что оно может быть и «ядом», и «блаженством».

Пятнадцать лет назад, в октябре 2000 г., хирург-онколог профессор Галиб Абдуллаевич Хакимов и я были гостями Хайдара Салиховича в его доме в Ташкенте по улице Достоевского, 7. Хозяин и его дочь приняли нас очень гостеприимно, накрыли стол и подчевали вкусными блюдами собственного изготовления, зелёным узбекским чаем, так замечательно утоляющим жажду, марочными узбекскими винами и коньяком. Не подумайте, что это напоминало традиционные посиделки друзей или приуроченные к торжественным датам застолия, где выпивают и перебивают много водки и едят и передают колоссальное количество закусок.

Нет, было совсем не так! Подавалось одно единственное блюдо, которое испускало дивный аромат и которое нужно было есть осторожно, не торопясь, оценивая каждый кусочек съеденного. И только после полного уничтожения одного блюда на стол выставлялось другое. Хозяин неторопливо наливал вино в пиалы, заполняя их не более, чем на одну треть.

И ещё была беседа – интересная, неторопливая, когда хочется очень о многом расспросить, прокомментировать ответ хозяина своей точкой зрения, задать вопрос и снова слушать и слушать...

Если быть точным, был настоящий симпозиум – в том первоначальном значении, который придали этому слову греки: умная, возвышенная непрерывающаяся научная беседа под винопитие.

– Хайдар Салихович, – спросили мы. – Всё живое на земле имеет возраст и когда-то естественным путём прекращает своё существование. А вино хранят иногда десятилетиями, даже столетиями. Скажите, имеет ли вино срок жизни?

– Да, конечно. Недаром «сухие» вина могут храниться не более десяти-тринадцати лет, портвейны – сорока-сорока пяти лет, крепкие вина – такие, как «Мадера», «Токай», созревают и стареют только к двадцати-двадцати пяти годам и развиваются до пятидесяти-шестидесяти лет. Срок жизни красного вина – сто лет. Лишь «Херес» живёт сто пятьдесят лет. Но это при надлежащих условиях хранения.

К сожалению, сейчас начали применять совсем уж варварский метод хранения вина – в железобетонных резервуарах. Цемент и железо винной

кислоте противопоказаны. Толкового вина из такого резервуара не получишь. Недаром у виноделов есть такая поговорка: «Хорошее вино делает хорошая бочка...»

– Хайдар Салихович, а как давно занимаются виноделием в Узбекистане?

– О, это интересный вопрос. Исторические хроники, поэзия Рудаки и Хайяма свидетельствуют, что Центральная Азия вообще и Узбекистан, в частности, виноделием славились издавна. Есть сведения, что великий полководец Александр Македонский именно в Центральной Азии полюбил вино. Немало интересных наблюдений о нашем виноделии находим в «Записках» знаменитого путешественника Марко Поло. И вдруг – странная вещь – на довольно длительный промежуток времени наш край становится только источником сухофруктов. Лишь отдельные смельчаки отваживаются, и то лишь специально для себя, готовить напиток «муссаллас» – многократно уваренный виноградный сок.

В Центральной Азии виноделие возродилось в конце XIX века. Известно, что в 1885 году В. Первушин в Ташкенте и Д. Филатов в Самарканде построили винодельческие заводы и стали культивировать для них промышленные сорта винограда. Так в новые времена была заложена база, основа современной отрасли промышленного виноградарства и виноделия. Более того, за короткий срок поднялись виноградники очень высокого качества.

Известно, что уже в двадцатых годах XX века Узбекистан оказался в состоянии поставлять виноград сорта «Нимранг» в Гамбург, в Германию. А ведь немцы мастера виноделия и толк в хороших винах знают. Весь мир знает их прекрасные рейнские вина...

Ещё один пример. В конце XIX века под Бухарой в Каракумском районе действовала бродильня, принадлежавшая самаркандскому владельцу винного завода Д. Филатову. Из винограда сорта «Бишты» там производили виноматериал столь отменного качества, что французские виноделы, знающие толк в хорошем вине, наладили транспортировку бочек с «Бишты». Сначала бочки доставляли верблюжьими караванами до реки Амударья, затем по реке до ближайшей железной дороги или портового города, а далее аж до Франции. Естественно, прибыль имели и французские виноделы, и бухарские виноторговцы.

– Хайдар Салихович, вы отдали выращиванию винограда и изготовлению вина всю свою жизнь. Не жалеете? Ведь есть определённая (и довольно большая) группа лиц, которая считает, что истина в вине, употребляет его без меры и часто закабаляется этим напитком, превращаясь в хронических алкоголиков.

– Понимаете, друзья, давайте снова обратимся к истории, – приглашает Х.С. Юсупов. – С древнейших времён в оазисах Турана-Туркестана было известно искусство возделывания виноградной лозы. В хумах – особых глиняных кувшинах – приготавливали и хранили отменное вино, о целебных свойствах которого писал ещё Ибн Сина (Авиценна). Знаменитую «Касыду вину» сложил Абдульхасан Рудаки. Рубаи Омара Хайяма и других поэтов-суфиев провозглашали, что истина не в вине, а в разумном, трезвом отношении к нему. Вино подобно огню. Может согреть, исцелить, но может и спалить, сжечь. Давайте придадим нашей беседе правильное направление и сначала поговорим о гигиенической и пищевой ценности виноградных вин и зададимся вопросом, почему человек пьёт вино? Разве вино пьют только для настроения, веселья, или чего-либо вроде этого?

– Конечно, нет, Хайдар Салихович. Например, в детстве я был свидетелем, как для лечения диареи, или проще – поноса, детям грудного возраста назначали кагор: капли – по числу месяцев ребёнку. Далее стакан наполовину заполняли кипячёной водой. Ребенка поили с чайной ложечки. Как правило, диарею удавалось приостановить к вечеру дня назначения, в крайнем случае – на следующий день.

Морякам, пересекающим сороковые широты и плавающим вблизи экватора, что в надводном, что в подводном флоте, ежедневно полагается до ста граммов сухого красного вина. Кроме повышения аппетита в условиях жаркого климата, красное сухое вино способствует выведению из организма радиоактивных изотопов...

– Вы правильно подметили, – снова вступает в беседу Х.С. Юсупов. – Натуральное виноградное вино пьют не только для утоления жажды. Кстати, греки о своих согражданах, пивших вино в большом количестве, говорили так: «Он пьёт вино, как варвар, – неразведённым». Это говорит о том, что для утоления жажды греки разводили вино водой, и имеются свидетельства, что в пропорции 1:1. А при еде с вином человек быстрее усваивает белки, жиры, кислоты. Большими научными исследованиями доказано, что вино содержит более трёхсот различных компонентов – натуральных ферментов, сахаров, витаминов, микроэлементов. При этом надо иметь в виду, что речь идёт о вине «живом», натуральном, а не о том дешёвом «ширпотреб», в который добавляют спирт, как раз разрушающий все ценнейшие составляющие «живого вина» и обладающий лишь одним свойством – «ударить в голову».

А вот изучение всего ценного, что есть в вине, привело к созданию эноterapiи или лечению вином. Учёные многих стран утверждают, что сухое красное вино, потребляемое в разумных количествах, оказывает благотворное воздействие на сердце и сосуды, так как не допускает образования тромбов и закупорки сосудов. Благодаря высокому содержанию дубильных веществ, красное сухое вино способствует зарубцовыванию царапин на слизистых оболочках пищеварительного тракта и тем самым закрывает щели, через которые инфекция легче всего проникает в кровь.

Есть и ещё один секрет. Вино ни в коем случае нельзя пить на пустой, голодный желудок. Сначала хотя бы чуть-чуть поешьте, и только потом запейте пищу вином. Еда должна торить в желудок вину дорогу, а вино должно омывать не чистую слизистую желудка, а тщательно размельчённые и прожёванные пищевые комки. Именно тогда оно благотворно подействует на пищеварительные железы желудка и оптимальным образом будет их стимулировать, а не угнетать.

Х.С. Юсупов снова налил в свою и наши пиалы вина, провозгласил здравицу в нашу честь и по-особому вкусно, маленькими глотками выпил его.

– Хайдар Салихович, – не удержались мы. – А что такое дегустация вина, для чего и как её проводят и как происходит сам процесс дегустации вина? Нужна ли она? В Ялте на крымском заводе «Магарач» нам рассказывали, что технологи точно знают, в какой ёмкости или бочке на сегодня самое вкусное вино. Из крана какой ёмкости пьют перед обедом вино рабочие, – там и содержится на сегодня лучшее вино.

– Хорошие вопросы...

Хайдар Салихович прищурился, улыбнулся и вдруг сказал:

– Хорошему вину этикетки не надобно. Так гласит венгерская народная пословица. А вообще-то дегустация – это проба и оценка вина, расчленение его на составные части.

– А для чего она проводится?

– Чтобы сказать, готово ли производимое вино, соответствует ли оно своему типу. Дело в том, что для каждого сорта вина существует своя технологическая характеристика. Его готовность сначала определяет небольшой дегустационный совет завода, в котором участвуют лаборатория, подвальный винодел и главный инженер, а затем уже бывает высшая общереспубликанская дегустация, куда поступают вина со всех заводов. Вот на общереспубликанской дегустации вину выносятся окончательный вердикт, присуждается сертификат качества. Только после этого оно поступает в продажу.

– Хайдар Салихович, а как организывают и проводят сам процесс дегустации?

– Для этого имеется специальный зал, в центре которого установлен длинный стол со стульями вокруг него. Дегустаторы должны располагаться на определённом расстоянии друг от друга, чувствовать себя не скованно, уверенно. Никто из них, как правило, не курит и всегда, как оперный певец, боится подхватить респираторное заболевание. Вирусы и табак быстрее всего разрушают утончённое восприятие запаха и вкуса. На дегустационном столе не должно быть никаких ароматических продуктов, которые бы отвлекали и перебивали аромат вина, например, сыра или колбасы. К дегустационному столу допускаются только галеты, пресный хлеб и вода. Для дегустации вина используют специальные дегустационные грушевидные бокалы на длинных ножках, чтобы вино не нагревалось, соприкасаясь с рукой. Для дегустации коньяка применяют такой же формы, но более широкие бокалы на более коротких ножках. Специалисту-дегустатору достаточно двадцать миллилитров вина или коньяка, поэтому больше в бокал и не наливают.

Дегустатор, прежде чем поднести бокал ко рту, рассматривает его снизу, сверху, крутит в руке, вдыхая аромат вина или коньяка. В этом процессе участвуют и язык, и нёбо, и нос, и глаза. Затем вино или коньяк пробуют на язык, чтобы оценить – вяжет оно, или нет. И только после этого делается маленький «воробьиный» глоток. Содержимое бокала, взятое в рот, медленно перекачивают от одной щеки к другой. Профессиональный дегустатор чаще всего вообще не проглатывает вино, так как ему приходится дегустировать много различных сортов вина. Захмелеть нельзя – потеряешь утончённое восприятие продукции. А коньяк – тот вообще стремительно всасывается уже слизистой ротовой полости. Его дегустировать труднее, чем вино.

– А как хранят вино, Хайдар Салихович?

– Хранить вино нужно особым способом – «лёжа на боку», чтобы воздушное пространство было как бы «на животе». Такое положение бутылки предотвращает попадание воздуха под пробку. Ведь как бы хорошо ни была закрыта бутылка, всё равно всегда остаются микропоры, через которые в бутылку поступает воздух.

– Скажите, Хайдар Салихович, а почему иногда в магазине можно запутать недоброкачественный продукт?

– Понимаете, всё дело в том, что у нас ещё не привилась должная культура торговли вином. Её, конечно, постепенно внедряют через фирменные магазины. Вино должно иметь одинаковую температуру хранения от подвала до

стола. У нас же чаще всего бывает так, что вина перевозят в обычных грузовых машинах, в лучшем случае закрытых брезентом, где летом в тени температура может достигать сорока градусов по Цельсию. Потом бутылки с вином томятся в душных складских помещениях магазинов. А вино любит темноту и прохладу.

– Хайдар Салихович, а как нужно грамотно вести себя в винном магазине, чтобы не купить недоброкачественное или прокисшее вино?

– О, дорогие мои, – улыбается Хайдар Салихович. – В магазине, прежде чем купить вино, возьмите бутылку за горлышко, переверните её кверху дном и посмотрите на свет. Большое или испорченное вино будет на свет мутным, со дна волной будет опадать осадок. Такое вино не покупайте. Его пить уже нельзя.

– Хайдар Салихович, вот сейчас произошло очень заметное выдвижение вин и коньяков Узбекистана на мировую арену. Скажите, а мировые призы и награды есть?

– Да, конечно, и много. Узбекские вина и коньяки в состязаниях с мировыми образцами завоевали более ста золотых и серебряных медалей, высшую награду мира «Гран-при» и ряд очень престижных дипломов.

– Скажите, Хайдар Салихович, а как из уст опытного винодела и дегустатора могла бы прозвучать характеристика наиболее часто употребляемых в Узбекистане вин? Что бы мог о них сказать знаменитый винодел Юсупов?

– Хорошо, попробую. Вот прекрасное сухое вино «Бишты». Его приготовляют из местного сорта винограда, произрастающего в знойной бухарской зоне. В этом вине чувствуется мощь, энергия. В ароматном букете вина ощущаются плодовые тона, приятная жгучесть, невысокая кислотность и пикантность.

А теперь речь о марочном столовом вине «Хосилот». В нём счастливо найденная композиция белых сортов винограда и выдержка придают каждому глотку вина гармоничную слитность, мягкую свежесть и ярко выраженный аромат свежескошенных пахучих трав. За великолепные вкусовые достоинства вино пользуется заслуженной славой.

А вот «Сукок» – оригинальное марочное столовое белое вино, которое выработывают из стародавнего сорта винограда «Союки» с добавлением сорта «Рислинг». Это вино тонкое, лёгкое, с ароматом горных трав и приятной свежестью.

– Хайдар Салихович, дайте, пожалуйста, характеристику «Фирхаду» и «Узбекистону». Эти вина просто нельзя не любить!

– Ну что ж! «Фирхад» – это марочное очень солидное вино типа «Портвейн», тёмно-рубинового цвета. В нём нежный и удачно сложенный букет с характерными для классического «Портвейна» плодовыми тонами и оттенками горной фисташки, вишнёвой косточки. Вкус мягкий, приятно вяжущий, гармоничный, бархатистый. Такое красное вино является подлинным украшением праздничного стола.

Наконец, «Узбекистон». Это марочное десертное вино, улучшенный узбекский «Кагор». Яркая, бросающаяся в глаза отличительная особенность вина – живая рубиновая окраска с мягкими переливами и «огнистой» искристостью, как у драгоценного кристалла. В букете и во вкусе улавливается гамма оттенков: молочных сливок, вяленого чернослива, горного шиповника, чёрной смородины и явно выраженный шоколадный тон.

– Да, Хайдар Салихович, после таких тонких и красивых характеристик вина к водке не потянет.

– Понимаете, друзья, человек, знающий достоинства хорошего натурального вина, ощутивший его прелести, никогда не пристрастится к крепким спиртным напиткам. Поистине высококачественное и общедоступное вино – лучшее противоядие алкоголизму. Не аскетизму надо учить здорового человека-труженика, а искусству разумно пользоваться радостями, даруемыми солнечной ягодой.

Мы встаём, благодарим за угощение и беседу и договариваемся о следующей встрече.

Хайдар Салихович пожимает нам руки, благодарит за прибытие к нему домой и вежливо провожает нас мимо будки с собакой аж за ворота, к самой машине.

Про Хайдара Салиховича Юсупова и про радость общения с ним можно вспоминать и вспоминать... Как жаль, что этот воистину восточный мудрец уже переселился в мир иной. Это событие случилось 11 июня 2002 года. Во исполнение воли Хайдара Салиховича, его похоронили в Самарканде, рядом с могилой родителей.

Надеюсь, что его верные ученики и последователи продолжают его благородное дело. А нам, непосвящённым, может доставить большое удовольствие общение с его книгами. И пусть блистательные марки узбекских вин продолжают изумлять все народы. Хорошее вино всегда присутствовало при мирном и дружелюбном общении людей, даже говорящих на разных языках.

Недаром арабы говорят, что «только две вещи бережно хранят в подвалах – золото и вино».

